

Коса не только выстригает, но и формирует образ эпохи
наряды формируют образ эпохи
Дух паровозик

1956: НЕЗАМЕЧЕННЫЙ ТЕРМИДОР

Очерки провинциального быта

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВА И КУЛЬТУРЫ»

1956: НЕЗАМЕЧЕННЫЙ ТЕРМИДОР.

Очерки провинциального быта

Пермь 2012

УДК 908.470.53(092)“20”
ББК ТЗ(2Рос-4Пер)6–49+[ТЗ(2Рос-4Пер)614+
ТЗ(2Рос-4Пер)62+ТЗ(2Рос-Пер)63]-7
Т 936

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства промышленности, инноваций и науки Пермского края

Авторы: О. Лейбович (введение, глава 1); А. Колдушко (глава 2);
В. Шабалин (глава 3); С. Шевырин (глава 4); А. Чашухин (введение,
глава 5, заключение); А. Бушмаков (глава 6, заключение); А. Казанков
(глава 7), А. Кимерлинг (введение, глава 8, заключение).

Рецензенты:
кандидат философских наук Е.М. Березина
кандидат философских наук А.Д. Боронников

Т 936 **1956: НЕЗАМЕЧЕННЫЙ ТЕРМИДОР.** Очерки провинциального
быта / О. Лейбович, А. Колдушко, В. Шабалин, С. Шевырин, А. Ча-
щухин, А. Бушмаков, А. Казанков, А. Кимерлинг; Перм. гос. ин-т ис-
кусства и культуры. – 2-е изд., доп. – Пермь, 2012. – 248 с.

ISBN 978-5-91201-115-3

Представлена широкая историческая реконструкция повседневной жизни
советской провинции в 1950-е годы. На основании разнообразных источников
восстановлены ключевые изменения жизненного мира советского человека эпо-
хи «оттепели».

Предназначено для историков, преподавателей вузов и всех, кто интересу-
ется советской историей.

УДК 908.470.53(092)“20”
ББК ТЗ(2Рос-4Пер)6–49+[ТЗ(2Рос-4Пер)614+
ТЗ(2Рос-4Пер)62+ТЗ(2Рос-Пер)63]-7

ISBN 978-5-91201-115-3

© ФГБОУ ВПО «Пермский
государственный институт
искусства и культуры», 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (О. Лейбович, А. Кимерлинг, А. Чашухин).....	4
1. «Эпоха зрелищ кончена, пришла эпоха хлеба»: XX съезд КПСС и формирование новых паттернов политического поведения в советской провинциальной среде (О. Лейбович).....	15
2. «...Прошу вернуть право быть равноправным гражданином своей великой Родины!»: реабилитация партийных работников, репрессированных в 1937–1938 гг. (А. Колдушко).....	73
3. «Прошу Вас нам вернуть автомашину ...» (маленький этюд о большом автомобиле) (В. Шабалин).....	90
4. Прокурор, «туфта» и «суки»: лагерная жизнь в Прикамье в 1950-е годы (С. Шевырин).....	106
5. «Пример Маленкова подсказывает нам...»: политические практики в жизненном мире советского педагога 1950-х годов (А. Чашухин)	130
6. «Не нужно выпячивать имен Тамары и Давида Строителя во избегание культа личности»: Молотовский университет в 1956 году (А. Бушмаков)	165
7. Самая тихая контрреволюция, или как Ле Корбюзье развалил СССР (А. Казанков).....	194
8. Городские клоуны, или стильность по-советски (А. Кимерлинг)	221
Заключение (А. Бушмаков, А. Кимерлинг, А. Чашухин)	241

ВВЕДЕНИЕ

Исследования, посвященные эпохе «оттепели», имеют родовую особенность. Ее суть в одном вопросе: как повлияла «оттепель» на реализацию социалистического проекта? Постановка этой проблемы не случайна. Серьезные научные исследования советской истории в нашей стране стали возможны только в последние годы социализма. Авторы этой монографии тоже не смогли уйти от «вечного» вопроса. Более того, проблема крушения социалистического порядка стала содержательным стержнем книги. В заглавие не случайно вынесено слово «термидор». Возможно, категоричность термина вызовет непонимание. Прежде всего – со стороны тех, кто связывает крах социализма с «болезнями» предшествовавшего Перестройке периода. Действительно, за последние двадцать лет сложились определенные научные представления о послесталинском десятилетии советской истории. В упрощенном виде их можно обнаружить в школьных и вузовских учебниках. Согласно этому взгляду, в период «оттепели» произошло ослабление террора, возникли элементы гласности. Социалистическая система сталинского образца подверглась реформированию. Тем не менее, режим оказался прочным. Социалистический проект получил дальнейшее развитие. Противоречивые и незавершенные реформы Н.С. Хрущева повлекли за собой реакцию. Отказ от структурных реформ в 1970-е гг. привел к драматическому финалу социализма во время Перестройки.

Легко заметить, как магия слов повлияла на мыслительный процесс. Устоявшееся значение символов, оказалось, способно задавать стереотипы. И. Эренбург, вероятно, не догадывался, что введенная им в оборот метафора возымеет такое магическое действие не только на литературное, но и на научное сообщество. После жестоких морозов, наконец-то, пригрело солнышко, где-то растаял снег, в воздухе повеяло весной, можно скинуть зимнюю одежду. Но ненадолго. Зима берет ре-

ванш, и горе тому, кто поспешил выкинуть теплые вещи. Реформы сменяются контрреформами, раскрепощение превращается в диссидентство, место либералов во властном аппарате занимают охранители. Эта универсальная схема, применимая и к XIX и к XX веку отечественной истории, во многом определяется традицией. В ее основе – политическое видение событий. В этом смысле рассмотрение послесталинского десятилетия не стало исключением из правил. Историография периода в основном представлена политическими, реже – историко-экономическими работами. В фокусе этих исследований обычно находятся действия центральной власти. Как ни странно, но региональные исследования не являются исключением из этого правила, используя такую же перспективу для исторической реконструкции. Обычно они посвящены действиям местных властей, реализующих у себя в регионе решения центра.

Мы не имеем ничего против подобного метода. Вряд ли изучение советской эпохи может избежать акцента на деятельности высших государственных структур. Вместе с тем, такой подход не всегда бывает продуктивным. Для историков «государственной школы» социальные и культурные условия жизни людей, их повседневность представляются чем-то вроде декораций, на фоне которых разыгрывается политическая драма.

Между тем, игнорирование советской повседневности неизбежно приводит к аберрации взгляда на прошлое. Исследование сталинской эпохи и «оттепели» лишний раз подтверждает это правило. Традиционные исторические подходы оказываются непродуктивными при решении ряда принципиальных проблем. Как могли уживаться в конце 1940-х нищенский быт и безграничная вера в вождя? Почему более сытые, глотнувшие немного свободы люди сделали персонажем ехидных анекдотов не Сталина, а Хрущева? Почему официально произнесенная речь вызвала в обществе состояние шока? Ведь лагеря и сторожевые вышки составляли привычный пейзаж многих провинциальных городков и сел.

Игнорирование таких социальных и культурных явлений процессов часто заводит исследователей в методологическую ловушку. Решения «партии и правительства» в худшем случае могут приниматься за социальные процессы. В лучшем варианте итоги деятельности центральных ведомств исследуются на основе данных подобных же ведомств. В первом случае историк идет по пути юриста, неизбежно заменяющего правовой социальную норму; во втором – по пути чиновника, оценивающего действия подчиненных в соответствии с бюрократической логикой. Чтобы избежать подобных искажений мы решили следовать иным путем.

Наше исследование намеренно уходит от рассмотрения событий большой политики. Если выразиться точнее – от рассмотрения событий большой политики с позиций самой власти. Нами была выбрана обратная перспектива. Речь идет о рассмотрении «оттепели» сквозь призму культуры провинциальной повседневности¹. В фокусе исследования при этом оказываются трансформации социальных институтов, поведенческих моделей и стереотипов. Эта перспектива позволяет обнаружить отличную от политической сферы социальную динамику и ритмы общественного развития. Как правило, все это ускользает от взгляда политического историка. Между тем, обнаруживаемые социальные и культурные сдвиги могут иметь характер тектонических изменений, способных проявиться в политической сфере спустя десятилетия.

Слово «термидор», казалось бы, прочно забытое советской интеллигенцией, в последние годы вновь вошло в политический словарь. По верному замечанию российского историка-китаеведа, «наша политическая лексика обогатилась особым символом»². Так, объясняя ра-

¹ Категория повседневности имеет неоднозначный смысл в исторической литературе и очень часто понимается как синоним «бытописания». В данной книге категория повседневности имеет тот смысл, который в него вкладывает феноменологическое направление социологии. См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. 1995.

² Белелюбский Ф.Б. Долгожданый термидор состоялся. [Электронный текст]. Режим доступа: <http://belelyubsky.narod.ru/termidorII.htm>.

диослушателям смысл того, что произошло с Ю. Лужковым, на радио «Эхо Москвы» решили использовать известную аналогию: «Вот, для людей, которые знают историю французской революции, они знают, как революционеры перерождались и становились, ну, не контрреволюционерами, а становились какими-нибудь буржуа. Вот такие молодые, голодные потом вписывались. Это называется термидором, перерождением»¹.

Главные слова произнесены. Исторические параллели указаны: падение якобинской диктатуры, отступление, а затем и затухание революции, эпоха безудержного обогащения немногих за счет разоруженного и обманутого народа. Собственно, именно так представляла термидор советская историография².

В годы НЭПа тема термидора приобрела политическое значение. Новая трагедия разыгрывалась в старых политических одеждах. Большевики и прежде отождествляли себя с якобинцами. «Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ», – утверждал В.И. Ленин³. Более того, «суть якобинства» – «переход власти к революционному, угнетенному классу»⁴. Якобинская диктатура закончилась термидорианским переворотом. Ждет ли это диктатуру большевистскую?

П.Н. Милоков, а за ним и «сменовеховцы утверждали: несомненно, термидор – это естественная и благодетельная для страны перспектива выхода из революционных катаклизмов. «Начинается "спуск на тормозах" от великой утопии к трезвому учету обновленной действительности и служению ей, – революционные вожди сами признаются в этом. Тяжелая операция, – но дай ей Бог успеха!

¹ Передача: Перехват Суббота. 02.10.2010. [Электронный текст]. Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/interception/714632-echo/>

² Бовыкин Д. Термидор, или миф о конце революции//Вопросы истории. 1999. №3. [Электронный текст]. Режим доступа: <http://larevolution.ru/thermidor.html#>.

³ Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад//Полн.собр. соч. Т.8. С.370

⁴ Ленин В.И. Можно ли запугать рабочий класс «якобинством»?// Полн.собр.соч. Т.32. С.375

Когда она будет завершена, – новая обстановка создаст и новые формы. Тормоза станут уже не нужны. "Революция спасается от собственных излишеств". И горе тем, кто помешает ей в этом, – с трибун ли красных клубов или из жалких эмигрантских конур...», – писал Н. Устрялов¹.

Термидорианская угроза довлела над умами всех партийных группировок². Для большевиков, прежде всего, левого толка сползание в термидор был навязчивым кошмаром приближающейся гибели революции от руки ее отцов и детей. «Один исторический пример должен быть у нас сейчас в центре внимания, – говорил своему собеседнику в 1925 г. Петр Залуцкий, питерский партийный сановник из рабочих, – это – термидорианский путь развития великой французской революции.<...> Пролетариат в целом еще не видит этой опасности, хотя она очень реальна».³

Термидорианский путь революции именно тем и опасен, что он до поры до времени не замечаем: одна маленькая уступка новой буржуазии, вслед за ней – другая, немного комфорта для ответработника, новый стиль отношений в товарищеской среде, обрастание бытом, фикусы и канарейки – привычные и безобидные формы мещанского уюта, а вслед за ним буржуазное перерождение. «Термидор – это особая форма контрреволюции, совершаемой в рассрочку и использующей для первого этапа элементы той же правящей группы – путем их перегруппировки и противопоставления», – предупреждал Троцкий⁴.

По мнению левой оппозиции, русскими термидорианцами становились аппаратчики, стремящиеся к личному благополучию и бюрократическим привилегиям. Вот могильщики революции, готовые подавить русских санкюлотов и истребить маратов и робеспьеров.

¹ Устрялов Н. Путь термидора. 1921. [Электронный текст]. Режим доступа: <http://www.hrono.ru/statii/ustryal03.html>

² Кондратьева Т. Большевики и якобинцы: призрак термидора. М., 1993.

³ XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.: ГИЗ, 1926. С.358.

⁴ Троцкий Л. Термидор// Коммунистическая оппозиция СССР. Сборник документов. Т. 4. 1923–1927 гг. М.: Терра. 1990. С.18.

В ситуации двадцатых годов эта историческая аналогия, однако, не сработала.

«Французские "термидорианцы" "обуржуазивались" на обломках сметенной революцией феодальной собственности, в условиях прогрессивного распространения частной собственности. Это и открывало перед ними возможность безграничного личного накопления. Для партийной и советской бюрократии 20-х годов эти возможности были практически закрыты»¹.

История пошла иным путем. Великий перелом и большой террор открыл иные перспективы для российского социализма, не совместимые с мечтаниями номенклатурных работников. «Называть термидором этап между 1929 и 1939 годами – вызов здравому смыслу. После термидора появилась огромная жажда наслаждения жизнью, тогда как в 1929–1934 годах был, напротив, введен курс жесточайшей экономии во всем во имя создания тяжелой промышленности»².

В действительности, речь шла не только и не столько о тяжелой промышленности. Это было время утверждения социалистического общества в его самой завершенной и развитой форме³.

Сходной точки зрения придерживался и Т. Гайдар: «1929–1953 годы – тоталитаризм. Единственный период, когда действительно в стране торжествовал коммунизм»⁴.

И здесь возникает главный вопрос: чем является термидор по-советски. Для французской революции термидор – это эпоха закрепления (институализации) новых буржуазных отношений, выявление

¹ Козлов В. Ненароков А. Лев Троцкий о Сталине и "российском термидоре". Некоторые исторические параллели. [Электронный текст]. Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/rusTrotsky/1.htm>.

² Арон Р. Демократия и тоталитаризм. Пер. с французского Г.И.Семенова М.: Текст. 1993. [Электронный текст]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Aron/index.php

³ Лейбович О. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь: Изд-во ПГУ – ТОО ЗУНЦ, 1993. С.56–59.

⁴ Гайдар Е. Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. – СПб.: Норма, 2009. – 336 с. [Электронный текст]. Режим доступа: // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/gayd/07.php.

подлинного содержания революции, отказ от уравнилельных утопий, неразрывно связанных с террором.

По мнению С. Цвейга, именно в годы якобинской диктатуры из-под пера всемогущих комиссаров Конвента родился первый, «действительно, коммунистический манифест»: знаменитая «Инструкция», Фуше и Колло д'Эрбуа, в которой фактически отрицалось право частной собственности даже на личные вещи. «Всякие излишества являются очевидным и неоправданным нарушением народных прав», – утверждалось в этом документе. Сама же частная жизнь объявлялась жизнью преступной и подлежащей наказанию. Не республиканец тот, написано в той же «Инструкции», «...кто остается чуждым общему энтузиазму, у кого есть иные радости и заботы, кроме народного счастья, кто раскрывает свою душу своекорыстным интересам, кто рассчитывает, какую прибыль он извлечет из своей чести, места, или таланта, кто хоть на момент отвлекается от всеобщего блага, чья кровь не кипит при виде насилия и роскоши, кто льет слезы сожаления над врагом народа...»¹.

Вся эта риторика, на самом деле, напоминает агитационные тексты эпохи Военного Коммунизма и Великого перелома.

При этом не следует забывать, что якобинская диктатура утверждала, в конечном счете, буржуазный порядок.

В современной французской историографии встречается, однако, и точка зрения, согласно которой такая трактовка якобинского проекта является упрощенной и неточной, скорее продуктов исторических предрассудков, нежели результатом исторического анализа².

Для современных российских левых проблема характера Октябрьской революции также становится не такой однозначной, как прежде: «Принято считать, что русская революция была социалистической. Это тем труднее понять в связи с тем, что в результате революции к власти

¹ Zweig S. Joseph Fouche. Bildnis eines politischen Menschen. Berlin: Verlag der Nation, 1983. S.38, 40–41.

² Gauthier Fl. Critique du concept de «revolution bourgeoise» appliquee aux Rëvolutions des droits de l'homme et du citoyen du XVIIIeme siecle//Actuel Marx(1996), N.20. pp. 149-160.

пришла бюрократическая буржуазия. Как может случиться, что в результате социалистической революции к власти пришла буржуазия? – читаем мы на форуме, собирающем марксистов нового призыва. – С самого начала она была буржуазной и в итоге буржуазия пришла окончательно к власти»¹. Называется и точное время прихода: «21 августа 1991 г. есть "термидор" в наиболее возможной интерпретации: решающий шаг в созидании нового социального качества – конец перестройки, окончательный толчок к реставрации капитализма. В этом смысле аналогия = образ "работает"!»²

На самом деле, проблема сложнее, чем это представляется людям, готовым применить старые схемы левой оппозиции 1927 г. к советской реальности.

Отвлечемся на время от классового содержания термидора и обратим внимание на его характерные признаки: отказ от террора, ослабление революционной риторики и, самое главное, погружение в частную жизнь³ «III год стоит особняком не только по количеству подобных нововведений, хотя оно, безусловно, наибольшее за весь революционный период. Среди них оказались те, которым предстояла долгая жизнь и которые полностью изменили культурный облик Франции. Вот три наиболее ярких примера: введенная 18 жерминаля III года метрическая система увенчала собой реформу системы мер и весов, начатую Учредительным собранием в 1790 г.; учрежденная 7 вандемьера III года Центральная школа общественных работ, переименованная впоследствии в Политехническую школу, положила начало системе высших школ, которая стала характерной особенностью французской культуры; и, наконец, в результате принятия ряда законов, возникло то сочетание частных и общественных школ, чье полное конфликтов сосуществование наложит отпеча-

¹ Айзенберг. Великая Русская Буржуазная Революция 1917-1921гг.// [Электронный текст]. Режим доступа: <http://forum.skunksworks.net/Forum3/HTML/000971.html>.

² Белелюбский Ф.Б. Долгожданный термидор состоялся. [Электронный текст]. Режим доступа: <http://belelyubsky.narod.ru/termidorll.htm>.

³ Бовыкин Д. Термидор, или миф о конце революции//Вопросы истории. 1999. №3. [Электронный текст]. Режим доступа: <http://larevolution.ru/thermidor.html#>.

ток на развитие всей системы образования во Франции последующих двух столетий», – так оценивает современный историк влияние термидорианского переворота на развитие образования и науки¹.

И вот здесь позволительны аналогии с послесталинским десятилетием. Все началось с отмены террора и расправы над его организаторами. Вместо амнистии эмигрантам новая власть провела несколько амнистий для заключенных. И самое главное, горожанам вернули частное пространство, по преимуществу, в виде отдельной квартиры; научным работникам – право на профессиональный язык; ослабили давление на художников. Отходил в прошлое мобилизационный режим. Изменилась повестка дня властных учреждений: тема хозяйства вытесняла тему воспитания социалистических добродетелей. Спустя три года на XX съезде символически казнили Сталина. Отдаленным итогом «хрущевского термидора» стало обуржуазивание общества, сперва в виде «кухонного капитализма и либерализма», а затем и в виде крушения больших социалистических институтов.

Советский термидор, по нашему мнению, начинается в эпоху Хрущева.

Отличие советского термидора от французского в темпах и интенсивности процесса. То, что во Франции заняло несколько лет, в Союзе растянулось на десятилетия. Однако, уже в самые первые годы «оттепели» уже в зародыше появились все черты нового строя.

Выбранный аспект исторического анализа столкнул нас с проблемой выбора метода. В заданном масштабе микроистория представлялась мало продуктивной. Предельные же обобщения угрожали потерей конкретно-исторического содержания и превращением жанра работы в историософское исследование. Выход, однако, был найден. Мы попытались реконструировать эпоху фрагментарно, посвятив сюжеты ключевым темам повседневности. К ним относятся проблемы коммуника-

¹ Бачко Б. Культурный поворот III года Республики// Французский ежегодник 2000: 200 лет Французской революции 1789-1799 гг.: Итоги юбилея. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 103-125 // [Электронный текст]. Режим доступа: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Bazcko-2000.html>.

ций населения с властью и властными институтами, профессиональной деятельности и домашней сферы, трансформации старых и появления новых культурных форм. Выбранный метод, однако, таил опасность. Исследование могло потерять необходимую целостность. Традиционный метод сравнения ушедшей эпохи с наступившим периодом был здесь недостаточен. Вместо концептуального единства мы бы получили реконструкцию разноплановых процессов. Чтобы избежать этого был разработан, а затем использован методологический прием, названный нами темпоральным сужением. Суть его в следующем. Для коллективной работы была необходима общее осевое время, которое, согласно К. Ясперсу, всегда обнаруживается эмпирически. Все линии нашего исследования замкнулись на 1956 году. В той или иной степени все рассматриваемые темы соотносятся с этой символической датой. Ею завершается ряд долговременных исторических циклов. В том же году берут начало протяженные социальные процессы, повлекшие за собой крах системы. Сказанное не означает, что хронологически все тексты посвящены одному году. Темпоральное сужение – это метафора, смысл которой состоит в том, что все тексты тематически ориентируются на одно ключевое событие – символ.

Так, в исследовании О.Л. Лейбовича рассматривается изменение места и роли политики в жизненном мире советского человека послесталинского десятилетия. С.В. Шевырин исследует трансформации института ГУЛага. Тему заключенных, но уже по другую сторону от колючей проволоки продолжает А.А. Колдушко. Ее работа посвящена социальному механизму процесса реабилитации. К той же теме, но уже используя метод «case study», обращается и В.В. Шабалин. В исследовании А.В. Чашухин на примере педагогического сообщества рассматриваются изменения в сфере профессиональных групп. А.В. Бушмаков изучает научно-педагогическое сообщество Пермского госуниверситета. В фокусе исследования А.И. Казанкова находится противоположное работе пространство – дом и связанное с последним формирование приват-

ной сферы. А.С. Кимерлинг и обратилась к исследованию новых культурных форм, появившихся в молодежной среде. На первый взгляд, выбор тем может показаться случайным. Чтобы заранее снять с себя упреки в беспорядочной мозаичности и эклектике, следует напомнить, что указанные сюжеты следуют социологической традиции описания повседневности, понимаемой с позиций феноменологии. Перспектива рассмотрения прошлого с точки зрения жизненного мира советского человека снимает, таким образом, традиционную дистанцию между исследованием политической, экономической и социальной историей.

Специфика исследования заставила авторов использовать в качестве инструментария язык, появившийся за пределами исторической науки. Читателю придется столкнуться с терминами, используемыми в социологии, философии и культурной антропологии. Это может вызвать определенные сложности в понимании текстов в среде историков. Авторы имели возможность убедиться в этом. Дело в том, что непосредственным импульсом к написанию этой книги стала конференция «1956 год в истории СССР: Дискурсы и практики», организованная международным обществом «Мемориал» и Франко-Российским центром гуманитарных и общественных наук в ноябре – декабре 2006 года. Общение с коллегами обнаружило, что смысловое наполнение используемого понятийного аппарата может существенно различаться. Очевидно, что это связано с различными методологическими предпочтениями исследователей. Поэтому, чтобы избежать вавилонской проблемы дискуссии на разных языках, мы попытались прояснить в авторских текстах смысл используемого инструментария.

О.Л. Лейбович, А.С. Кимерлинг, А.В. Чащухин

**«ЭПОХА ЗРЕЛИЩ КОНЧЕНА,
ПРИШЛА ЭПОХА ХЛЕБА»:
XX СЪЕЗД КПСС И ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ
ПАТТЕРНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ
В СОВЕТСКОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ**

О. Лейбович

Когда я думаю о советской политической культуре, из памяти возникает образ громадного локомотива, вкопанного в землю. Гудит паровая машина; скрежещут шестеренки, совершают возвратно-поступательные движение поршни, дрожат от напряжения трансмиссии, соединяющие между собой вращающиеся колеса. Снуют люди. Все неподвижные плоскости заполнены граффити: словами, рисунками, значками. Каждый из них непонятен, даже бессмысленен, вроде словосочетания: «Слава КПСС», или «Народ и партия едины», но все вместе они образуют большой текст, что-то вроде партитуры, организующей движение в такт заданной мелодии. Время от времени чья-то невидимая рука стирает старые слова, вписывает на их место новые, подновляет эмблемы. И тогда людское движение замирает. Заключенные в машину мужчины и женщины вглядываются в новый текст, пытаются разгадать его смысл с тем, чтобы подчиниться новым приказам. Но тщетно. Ритм задан самой машиной. Человеческое круговращение возобновляется вновь. И возникает вопрос: как согласуются между собой неподвижный остов большого агрегата, его двигательные механизмы и тексты, написанные на особом, не ясном для непосвященных языке.

Или, если отказаться от метафор, то понять, как ведут себя люди, действующие внутри политической системы, как они воспринимают и учитывают меняющиеся правила, иначе говоря, обсудить тему политических паттернов советской эпохи.

В основу настоящей статьи положен доклад, прочитанный на конференции «1956 год в истории СССР: Дискурсы и практики», организованной Международным обществом «Мемориал» и Франко-Российским центром гуманитарных и общественных наук в ноябре – декабре 2006 года¹. Дискуссия, последовавшая за докладом, вопросы и возражения, в ней прозвучавшие, заставили меня изменить композицию текста, уделив большее внимание прояснению исходных концептуальных установок, а с ними и применяемого понятийного аппарата. Чтобы понять недавнее прошлое, приходится обращаться к чужому языку – социологии, теории культуры, философии. Для исторического уха терминология, взятая из смежных гуманитарных дисциплин, звучит невнятицей. Отказаться от нее, значит, вернуться к повествовательному дискурсу: было – стало, одобренному наивными психологическими объяснениями, или тяжеловесными экономическими мыслительными конструкциями. Такой путь реконструкции поздней советской истории представляется автору непродуктивным. Но чтобы двигаться иным маршрутом, надо первоначально расставить вехи, то предварить исследование теоретическим экскурсом. Такая процедура, естественно, утяжеляет стиль, но, хотелось бы верить, в состоянии облегчить адекватное восприятие авторской позиции.

Начнем с дефиниций. На языке концепции культурных паттернов, впервые предложенном Р. Бенедикт в 30-е гг. XX века², разрабатываются проблемы социального ориентирования индивидов в культурном пространстве, а именно: символическое значение поведенческих актов, характер их осмысления социальными актерами, отношение последних к

¹ О конференции см.: Гладких Н. Москва: конференция, посвященная событиям 1956 года// <http://www.hro.org/editions/karta/2006/12/07.php>

² См.: Benedict R. The patterns of culture. Boston, 1989.

сложившимся в обществе ценностно-нормативным системам. Тема паттернов – это тема шаблонов человеческого поведения в разных сегментах социального пространства, в том числе и политического¹.

Под паттерном здесь понимаются принятые и освоенные индивидом (или социальной группировкой) образцы политического поведения, сложившиеся в определенной исторической социокультурной среде. Паттерн включает в себя в первую очередь политический язык, или, если воспользоваться верным для советской послевоенной эпохи определением Д. Фельдмана, «терминологию власти»², а кроме него, культовых персонажей, объединенных в эталонную группу, политические церемонии и ритуалы. Паттерны – это используемые в сообществе символические коды, при помощи которых интегрированные в него индивиды воспринимают, воспроизводят и изменяют реальность. Именно паттерны, по верному наблюдению Дж. Батесон, образуют необходимый контекст для социальных коммуникаций между людьми³. В паттернах политическая культура находит свое деятельностное выражение.

Пригодность концепции паттернов для исторического исследования изменений в политической жизни страны в первое послесталинское десятилетие не является очевидной. Концепция паттернов была создана в границах иной науки, первоначально социальной психологии, и только затем интегрирована в социологию культуры. Если принять во внимание инертность культурных процессов, то возникает сомнение, правомерно ли использовать этот инструментарий для аналитических практик, касающихся малого – протяженностью в несколько лет – отрезка времени. Шаг культурных изменений, на этом некогда настаивал З.И. Файнбург, измеряется не годами, но поколениями⁴.

Не оспаривая правоты приведенного суждения *omnino*, хотелось бы указать на то, что любые универсальные формулы подлежат вери-

¹ См.: Miller D.Y. The Impact of Political Culture on Patterns of State and Local Government Expenditures // The Journal of Federalism. 1991. v.21 (2). p. 83-100.

² См.: Фельдман Д. Терминология власти. М., 2006. С.13.

³ См.: Bateson, G.: Mind and Nature, a necessary unity. Dutton, 1979. p.15.

⁴ См.: Файнбург З.И. Не сотвори себе кумира... М., 1991.

фикации применительно к конкретным условиям времени и места, в нашем случае – к исторической ситуации, сложившейся в послевоенном советском обществе, к особенностям его политической культуры. Саму советскую культуру представляется допустимым рассматривать как разнородный агрегат, основу которого образовывали архетипы, восходящие к мифологическим общинным практикам. «Образно говоря, структура мышления, его каркас не менялись с самых седых времен, изменилось лишь наполнение, старые образы трансформировались в новые, сохранив первооснову»¹.

Можно гипотетически предположить, что политическая культура, по своему происхождению, была скорее искусственным продуктом государственной деятельности, чем-то вроде хрупкой надстройки над старинными обычаями господства – подчинения, нежели результатом спонтанного органического развития. Эталоны правильного поведения, насаждаемые партийно-государственной машиной идеологического воспитания масс, обладали приоритетным значением в процессе ее функционирования. «...Считалось, что в стране, не знавшей свободы мысли и слова, существуют только мнения официальные», – высказал распространенное в среде социологов суждение Ю. Левада².

Пребывающая в таком состоянии официальная политическая культура отличалась высокой степенью податливости по отношению к властным импульсам и инициативам, в том числе и подверженностью к разрушительным воздействиям в случае неожиданных изменений в установленном символическом строе. Ей не доставало укорененности в традиционных устоях быта. Поверхностный характер культуры предопределял слабость сохраняющих ее механизмов, всего того, что называется инерцией культуры; она легко обновлялась под воздействием культурного шока, или смены вех в идеологической политике: раз власть требует вести себя иначе, согласимся с нею, поменяем рисунок

¹ Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. М., 2005. С.110.

² Левада Ю.А. Десять лет работы Всероссийского центра изучения общественного мнения//Социологический журнал. 1997. №4. С.221.

поведения, разучим новые ритуалы. Считать, что глубинное содержание таких изменений может быть описано в терминах борьбы за демократию, или в росте социалистического самосознания, вряд ли правомерно. Вектор перемен был иным – возвращением к традиционным устоям повседневности: или к магическим практикам, или к бунтарству, или в уход от политики, претендовавшей в сталинскую эпоху на то, чтобы подчинить себе весь жизненный мир советских людей.

XX съезд КПСС, низвергнувший фигуру Сталина с советского политического Олимпа, стал событием, породившим культурный шок, который, в свою очередь, привел к необратимым изменениям в политическом поведении людей, обновил язык и нормы политического действия, и, главным образом, снизил значимость политики в пространстве советской повседневности. Процитирую Л.М. Кагановича: «Мы развенчали Сталина и незаметно для себя развенчиваем 30 лет нашей работы, не желая этого, перед всем миром»¹. Советская политическая культура за короткий срок приобрела иной облик. И, стало быть, исследователь этого процесса имеет право обратиться к социологической концепции паттернов, чтобы выявить его источники, тенденции и формы. Паттерн, повторимся, это не предложенный поведенческий эталон, не идеальная мыслительная конструкция, но освоенный, принятый, практичный образчик поведения, по которому выстраиваются индивидуальные (или групповые) жизненные стратегии. А.Ю. Глухих справедливо отождествляет паттерн со «стилизированным образом действия», или по-другому, с проектом исполнения своей социальной роли². Исследовать паттерны, значит, реконструировать действительные социальные процессы, участники которых – в данном случае советские граждане – заново интерпретировали идейные формулы применительно к своим жизненным задачам.

¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998. С.70.

² См.: Глухих А.Ю. Концепт стиля жизни в современной теоретической социологии. Автореферат диссертации ... к. соц.н. Пермь, 2006.

Начнем с исходных позиций – политических паттернов поздней сталинской эпохи, представив их первоначально в самом общем, абстрактном виде, то есть без социальных различий и индивидуальных прочтений. Отметим две основополагающие черты, определяющие их место в жизненном мире советских людей: доминирование политики над всеми остальными видами социального поведения и состояние напряженности, в котором постоянно находилась политическая жизнь.

Вопрос о том, чем была политика в сталинскую эпоху, требует особого рассмотрения. К ней вряд ли применим подход П. Бурдьё, исследовавшего политику как особую форму социальности, существующую наряду с иными формами и взаимодействующую с ними. Метафора социального поля здесь не работает. Социальный мир сталинского Советского Союза менее всего напоминал систему с автономными структурами. Правильней было бы его сопоставить с замкнутым, нерасчлененным космосом, или громадной общиной, в которой нет явных границ не только между публичной и частной жизнью поселян (городских или деревенских), но и между отправляемыми ими различными социальными повинностями – производственной, церемониальной, мистической. В этом космосе политика представляла собой некую всеобщую форму, которая претендовала на то, чтобы объять все без исключения человеческие поступки: от зачатия детей до погребальных церемоний.

Политика здесь общее дело, но совершаемое не по согласию граждан, не на основе социального компромисса, но исключительно по властной воле. Политика – эта сфера компетентности властей – и все, до чего они дотягивались, приобретало политический характер, то есть наполнялось новым смыслом в соответствии с государственными и партийными резонами. Особый статус политики нашел свое выражение и в языке. Так, в четырехтомном «Толковом словаре русского языка», изданном под редакцией Н.Ушакова в 1935–1940 гг., семантическая политическая сфера занимает привилегированное положение. «Об этом свидетельствуют частотность пометы *полит.* и активное соеди-

нение ее с пометой *нов* (*нов. полит.*); появление вторичных, в том числе образных значений, обслуживающих сферу политики (*перен. полит.*); формирование разветвленных словообразовательных гнезд на базе основ, содержащих легко ощутимую сему политического; ...активность абстрактных именных суффиксальных образований, обозначающих политические направления; развитие специализированных аббревиатур»¹.

В послевоенные годы экспансия политики нарастает; она стремится подчинить себе также и мир естественных наук². Гуманитарное знание было растворено в политической риторике. Б.М. Эйхенбаум 9 декабря 1949 г. заносит в свой дневник: «Думаю, что пока надо оставить мысль о научной книге. Этого языка нет – и ничего не сделаешь»³.

Политика в сталинскую эпоху – это одновременно область высших смыслов и наибольшего риска. Она не только выстраивает в соответствии с властными презумпциями жизненный мир людей, но и создает в нем особые зоны напряженности. Политика стремится к вседушности, проникая и в домашний быт, и в профессиональную деятельность. Она придает особое значение каждому поступку: распределение портретов ученых по национальной принадлежности в зале ученого совета, или в помещении кафедры, учебники, по которым читаются специальные (негуманитарные) курсы, количество экземпляров книги Т.Д. Лысенко в библиотеке медицинского института⁴.

Отступление от освященных ею правил означает политическую акцию, которую можно квалифицировать как антипартийную, или антипатриотическую, или антисоветскую, в зависимости от политической

¹ Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – Екатеринбург – Пермь, 1995. С.15.

² См.: Есаков В.Д. Левина Е. Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. – М.: Институт российской истории РАН, 2001; Лейбович О.Л. К вопросу об упразднении научной автономии в идеологических кампаниях 1940-х годов.//Астафьевские чтения: Выпуск второй. (17-18 мая 2003 года) – Пермь, 2004. С. 92-95.

³ Чудакова М.Тоддес Е. Страницы научной биографии Б.М. Эйхенбаума// Вопросы литературы. 1987. №1. С. 159.

⁴ См.: Протокол №1 заседания ученого совета Молотовского государственного медицинского института. 5.01.1949 г. // ГАПК. Ф. 1117. Оп. 1. Д.157. С.1–6.

ситуации. В 1947 г. молотовские медики были вовлечены в кампанию борьбы с космополитизмом в научной среде. На партийном собрании один из выступающих обнаружил преклонение перед заграницей «... преклонение из ряда вон выходящее: некоторые профессора доходили до того, что не отдавали в нашу советскую школу детей. Не отдавали в советскую школу детей, потому что там разлагающая среда. Так ведь было, Павел Алексеевич, или не так? Именно так! /голос с места – Кто не отдавал?/ Профессор нанимает дома учителей, не отдавая ребенка в советскую школу, чтобы он там не разложился. Вместо того, чтобы помочь поднять советскую школу до нужного нам уровня, делали попытку учить детей вне ее. Так ведь было дело. /Голос с места – О ком вы говорите?/ ... Это имело место среди некоторой профессуры»¹.

Оратор ни словом не обмолвился, что среди домашних учителей были иностранцы. И если бы осуждали Ахматову и Зощенко, то критикуемые им, но так и не названные профессора, вели бы себя салонно, пошло и безудейно. В этом собрании разоблачали низкопоклонство – и профессоров уличили именно в нем. В президиуме сидели руководители области, но никто из них не поправил разгорячившегося доцента, сумевшего выстроить обвинительную линию: домашнее образование – неверие в советскую школу – преклонение перед заграницей.

Назначением политики было воспроизводство с разной мерой эффективности мистической связи между властью и населением, между днем тогдашним и революционной эпохой. Она продуцировала и воспроизводила мифы о сотворении социалистического мира, о нерушимом единстве власти и народа. Мерилом благонадежности стала политическая грамотность, выраженная в освоении политического языка, включенности в систему общественных организаций и в исполнении доверенных ими поручений.

¹ Протокол закрытого партийного собрания Мединститута 11–12 сентября 1947 г. // ПЕРМГА-НИ. Ф.6179. Оп.1. Д.2. С.82.

Быть в политике означало безоговорочно верить вождю и предьявлять свою веру в праздничных церемониях, торжественных ритуалах и в политических кампаниях¹.

В этом смысле политика в сталинскую эпоху выступает заменителем религии в эпохи более патриархальные.

Здесь, правда, можно обнаружить и существенное различие. Торжество политики над хозяйством, личной жизнью и другими областями человеческого быта вовсе не означало гармонии. Политика – в сознании ее конструкторов, прежде всего, Сталина – отождествлялась с вечной борьбой старого с новым, революционного с контрреволюционным, патриотического с космополитическим, народного с декадентским и т.д. и т.п.² Мир политики – это мир, расколотый на две противоположные силы – силы добра и зла. Последнее не устранимо, поскольку в нем воплощен враждебный мир капитала с неисчислимыми ресурсами, притягательный для людей, не достигших высот социалистической сознательности, не освободившихся от первородного зла – мелкобуржуазных предрассудков, собственнических инстинктов, честолюбия, заносчивости, иных нравственных изъянов. В общем, источники зла в советском обществе казались неисчерпаемыми. «Живые люди – носители буржуазных взглядов и буржуазной морали, скрытые враги нашего народа, – напоминала правительственная газета на излете сталинской эпохи. – Именно эти скрытые враги, поддерживаемые империалистами, вредят и будут вредить нам впредь»³.

Врагом мог оказаться кто угодно и в какой угодно личине – министр, партийный секретарь, академик, колхозник, инженер, рабочий, домохозяйка – по собственной ли воле, усомнившиеся в мудрости высших указаний, или назначенные козлами отпущения по государст-

¹ См.: Кабацков А.Н. Кимерлинг А.С. Лейбович О.Л. Игра на два поля: к формирования политических коммуникаций в современной России//Ученые записки гуманитарного факультета. № 8. Пермь, 2004. С. 217-232

² О манихейском восприятии мира Сталиным см.: Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2001. С. 316–318.

³ Повышать политическую бдительность//Известия ВС СССР. 15.01.1953.

венным резонан, или проигравшие в клановой борьбе – все равно. И потому характерной чертой сталинской политики были политические кампании, в ходе которых подвергались всеобщему символическому осуждению люди и взгляды, еще вчера выглядевшие вполне благонадежными. Политические кампании сталинской эпохи выстраивались по законам театра в духе классицизма с его назидательностью, патетикой, сюжетной последовательностью, языковым каноном и строгим распределением ролей. Участие в них было делом обязательным. Оно предполагало не только посещение собраний и митингов теми, кому это было положено, но и проявление надлежащей активности в выступлениях, в репликах, в шиканье и аплодисментах, в голосовании, наконец. Политические кампании взрывали повседневность, нарушая естественный ход событий, выворачивая наизнанку чинные нормы обычного порядка. В этом смысле их можно уподобить средневековым празднествам столь же всеобщим и принудительным, сколь притягательными и опасными¹.

Обращаясь к официальной партийной документации послевоенных лет, можно предположить, что политика полностью господствовала над умами и поступками советских людей. Такое представление, однако, грешит односторонностью, поскольку исходит из отождествления политических текстов, составленных в соответствии с утвержденным каноном, с повседневностью, в них интерпретированной. Тем более, что и в самих текстах можно найти указания на препятствия, ограничивающие сферу политического в жизни людей. Прежде всего, речь в них идет о малой грамотности больших категорий населения, прежде всего, конечно, сельского, и связываемой с ней политической несознательности.

Вот характерный случай, извлеченный из стенограммы очередного пленума Молотовского обкома партии. В 1946 г. власти опубликовали директивный документ, предопределивший серьезное изменение в

¹ «Праздник порой бывает связан с формами нажима и образцового принуждения». Жигульский К. Праздник и культура. М., 1985. С.69.

аграрной политике – Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19/IX – 1946 года «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». В колхозах полагалось провести собрания, на которых выявить нарушения, указать на виновных и принять меры к исправлению; это означало только одно – отрезать от приусадебных участков лишние земли: сотку, полторы, две. Были ли собрания, не были, но сельсоветы соответствующие протоколы собирали, отправляли отчеты в райкомы и выпускали боевые листки. Заведующий отделом пропаганды и агитации обкома один из них процитировал: «Колхозники Усть-Урольского колхоза антисоветски отнеслись к постановлению Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. Вместо того, чтобы выявить все нарушения устава с.х. артели в своем колхозе, они не захотели даже и прослушать, на 75% разошлись с собрания и даже не одобрили постановления»¹. Из текста не очень ясно, чем был возмущен партийный работник: поведением колхозников, или содержанием боевого листка: так нельзя было писать о политической кампании, если даже колхозники все-таки разошлись.

Малограмотность не была привилегией деревенских мужиков и баб. Ею грешили и партийные функционеры. В том же 1946 г. руководство области обратило внимание на неряшливое и неграмотное оформление райкомовских документов – протоколов, отчетов, резолюций. Новый секретарь обкома ВКП(б) К.М. Хмелевский предложил секретарям учиться: «Задачи, стоящие перед партработниками сейчас настолько сложны, что малограмотные люди не могут их решить. Нужно быстрее сельским работникам ликвидировать свою малограмотность, если они хотят остаться в партаппарате». В чем именно заключалась эта малограмотность, уточнил секретарь Коми-Пермяцкого окружкома: «В райкоме партии работники не умеют писать даже такие слова как "коммунистическая", "большевистская". Это происходит потому, что они не учатся, им никто не показал, люди не умеют простые

¹ Стенограмма 22-го пленума обкома ВКП(б). Т.1. 23–24 декабря 1946 г.// ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.12. Д.14. Л.127.

слова написать, а некоторые к этому относятся легко, подумаешь, неправильно слово написал». Председатель Нытвенского райисполкома рассказал о смелом эксперименте: «Вот и организовали диктант по 7 классу. Сели все заведующие отделами, заместители, я тут же, и написали диктант. По оценке получилось: зав.отделом народного образования, имеющая высшее образование, по диктанту получила тройку, зам.предрайисполкома по местной промышленности – инженер – электрик – получил двойку, нач. КУБа – двойку, а все остальные по единице прошли /в зале смех/»¹.

Если учесть, что именно текст был основой сталинских политических технологий [«Сталин как политик был, прежде всего, редактором подготовленного для утверждения текста»²], то неумение правильно написать главные слова «социализм», «большевизм» означало большее, нежели неуважение к грамматике. Оно не позволяло партийному работнику правильно пользоваться политическим словом, иначе говоря, делало его непригодным орудием для осуществления политической воли.

Вторым препятствием была нищета населения, для описания которой в официальных документах использовались разного рода эвфемизмы: «очень большие трудности», «положение со снабжением трудящихся основных заводов у нас очень напряженное», «невзгоды войны и первого года после перестройки». Очень редко сквозь эти формулировки прорывалось живое слово: «Вчера от органов МГБ я получил справку – выдержки из писем, которые пишут рабочие, – увещевал своих подчиненных, настойчиво требовавших улучшения собственного снабжения К.М. Хмелевский. – Пишут то, что у них на душе наболело. Один рабочий пишет, что за время войны у него умерло трое детей из-за недоедания. Как видите, рабочие и наша интеллигенция на селе во время войны перенесли очень большие трудности, в десять раз больше пережили в материальном отношении, чем руководители. Но

¹ Стенограмма 21-го пленума обкома ВКП(б). Т.1. 15 июля 1946 г.// ПЕРМГАНИ. Ф.105.Оп.12. Д.11. Л.42, 54, 82.

² Максименков Л. Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция 1936–1938. М., 1997, с.3.

почему-то руководители об этих людях не думают. Слишком много появилось таких работников, которые больше думают о своей собственной персоне»¹.

Измученные постоянными голодовками, непрерывной борьбой за кусок хлеба, скученной жизнью в бараках, деревянных домах люди не обращали внимания на политические лозунги, уходили с собраний, не слушали агитаторов и даже уклонялись от выборов².

«Обеденные перерывы ежедневно заполняются собраниями, – жаловался в газету «Правда» рабочий Кунгурского экскаваторного завода Николай Волокитин, – даже не дают нормально пообедать, или чем-либо развлечься, а только каждый день собрания, собрания без конца, что рабочим, видимо, так надоело, что они во время собрания в обед начинают баловать, шутить между собой, не обращая внимания на собрание, начинают бросать один в другого комками земли, объедками, травой и пр. Просто открываются детские шалости»³.

Это письмо из 1938 года. После войны ситуация изменилась незначительно. В 1952 г. колхозники Молотовской области вместе со всем советским народом собирались в обеденный перерыв для близкого знакомства с работой «Марксизм и вопросы языкознания».

На выборы надо было идти всем. Некоторым не хотелось. Другим не нравились депутаты. Кое-кто роптал. Органы слушали и сообщали по начальству: «12 декабря 1945 года ИКОННИКОВА Фекла в деревне Домнино Плашкинского сельсовета среди колхозников КОВРИГИНА и АНЫШКО сказала:

"Наплевать на эти газеты, в них ни черта путного нет, только одно и пишут о выборах. Надоело уж слушать о них. Вся газета ими заполнена. Болтают, как дураки". <...> 23 декабря 1945 года ПОДШИВАЛОВ Петр Федорович, проживающий в г. Кунгуре, о подготовке к выборам в

¹ Стенограмма 21-го пленума обкома ВКП(б). Т.1 Л.128.

² О послевоенной повседневной жизни см.: Зубкова Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 2000. С.55–95.

³ Волокитин Н. – В редакцию газеты «Правда» 26 08 1938//ПЕРМГАНИ. Ф.970. Оп.3.Д.185. Л.3. Л.73 Невзгоды войны и первого года после перестройки

Верховный Совет СССР и проведения политико-массовой работы с избирателями заявил:

"Ходят по домам, как нищие. Делать нечего этим людям (агитаторам), так только языком болтают. Всю эту их процедуру я знаю"¹.

Были те, кому выборы казались пустой и зряшной затеей, были и другие, которые считали их вредными и опасными. Естественно, далеко не все высказывались вслух да еще в присутствии агентов, а послушно шли голосовать, поскольку опасались неприятностей в случае неявки. Большинство же радовалось неожиданному празднику – кумачам, кино, музыке, буфетам, возможностью чинно пройти по улице в новом полупальто с мужем и детьми, выпить по законному поводу, то есть одомашнить политический акт, перевести его совсем в иную бытовую сферу.

Повседневность, спонтанно организуемая людьми в соответствии с традиционалистскими культурными паттернами, выступала противоречием по отношению к политике, которая оформлялась по иным правилам. И тогда политика становилась рычагом, при помощи которого власть стремилась вырвать людей из привычного им мира:

«Нельзя надеяться, что все колхозники настолько сознательны, что сами, без всякой агитации, повезут хлеб государству, – с хорошим знанием дела говорил на пленуме К.М. Хмелевский. – Здесь нужна кропотливая, настойчивая и наступательная политическая работа с людьми, и партийным работникам на этой работе придется работать с большим напряжением»².

Вырывать приходилось не только несознательных колхозников, но и партийных работников, выстраивающих дружеские семейные связи и налаживающих свой быт по образцам, унаследованным от старого сельского купечества: «В Нытве, например, укоренилась такая система, когда многие районные руководители объединились в один «дружный» коллектив на почве систематических семейных встреч и выпивок по

¹ Капитан Логинов – тов. Гусарову. 11 01 1946. Докладная записка Кунгурского ГО НКГБ Об анти-советских проявлениях со стороны отдельных граждан в период подготовки выборов в Верховный Совет СССР по Кунгурскому району// ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.12. Д.1140. Л.1–2.

² Стенограмма 21-го пленума обкома ВКП(б). Т.1 Л.126.

всякому поводу и даже без повода. Сегодня у одного именины, у другого завтра крестины, у третьего – свадьба и т.д. и т.п. Начиная с секретарей райкома, районные руководители – и партийные, и хозяйственные, и советские, и прочие систематически гостят от одного к другому, выпивают, веселятся, развлекаются», – так описывал быт районных начальников все тот же Хмелевский¹.

Более того, эти начальники были склонны управлять хозяйственными делами, а не отвлекаться на всякого рода политические кампании. «У нас был такой секретарь Кишертского райкома т. Данилов, – снова цитирую Хмелевского. – Когда его спросили – почему вы не занимаетесь агитационной и пропагандистской работой, ростом партии и др., он ответил: "Видите, за сев, хлебозаготовки мне голову снимут, а за агитацию поругают – и все". Он проговорился о том, что многие думают про себя»².

Тем более что и в хозяйственной деятельности партийные работники опробовали разные стратегии – привычную – «с секретарем и милиционером», по выражению другого секретаря Молотовского обкома Н.И. Гусарова, и экспериментальную, которую можно назвать также экономической. В этой связи любопытен обмен репликами на XIX пленуме обкома ВКП(б) в апреле 1946 года. Председатель областного потребсоюза, в недавнем прошлом кадровый партийный работник, обращаясь к президиуму, просил повлиять на райкомы, чтобы те, в свою очередь, заставили колхозы выделить рабочую силу для перевозки товаров, строительство магазинов и складов, иными словами, ввести новую – торговую повинность: «Я был в 6 районах, я могу рассказать такие факты, когда колхозы охотно заключают договоры с сельпо, если районные организации их освобождают от других работ». Секретарь обкома прервал: «Сейчас надо не решения, а заинтересовать чем-нибудь колхозы, надо признавать юридическое лицо колхоза, они вам

¹ Стенограмма 21-го пленума обкома ВКП(б). Т.1 Л. 33.

² Там же, Л. 43.

будут возить, а вы им что-нибудь продайте, или заплатите прилично. Нельзя же всю жизнь строить на принуждениях»¹.

Экономические методы прямо ассоциировались с рынком. На том же пленуме обсуждался дежурный вопрос – к нему возвращались в каждое десятилетие – о строительстве сельских электростанций. Председатель Облисполкома приводил подробные расчеты, сколько нужно проводов, лампочек, роликов и трудодней, чтобы электрифицировать ферму, конный двор, правление и дома колхозников. Оборудование должны были дать в порядке шефской помощи промышленные предприятия. «У нас часто снимаются устаревшие моторы, ставятся другие, а снятые моторы нужно отремонтировать и передать колхозам», – добавил секретарь обкома². Местные начальники смотрели на дело проще и не слишком надеялись на шефов. Секретарь Бардымского РК ВКП(б) докладывал: «Мы не получаем технической помощи, в гидросооружениях, в части электромонтажа. /тов. Гусаров: Кто Вам монтировал?/ Колхозы сами. <...> Мы получили только на одну станцию, а на остальное достали частным порядком. /тов. Гусаров: Раньше у вас в районе конокрадство было развито, а сейчас воровали генераторы/. Нет, не воровали, а покупали на базаре. /тов. Гусаров: На базаре ведь их не продают/. Ну, не на базаре, а около /смех/. Базар – место неопределенное, он может совершаться даже в этой комнате»³.

Секретарь прямо говорил о меновых практиках, которые совершали между собой люди, обладавшие ресурсами. Слово «базар» здесь означает ни что иное, как рыночные отношения, которые не могут быть локализованы.

Увлеченность рыночными практиками шла в разрез с паттернами политической культуры, выстраиваемыми в сталинскую эпоху.

¹ Стенограмма 19-го пленума обкома ВКП(б).Т.1. 4–5 апреля 1946 г.// ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.12. Д.2. Л.82.

² Стенограмма 19-го пленума обкома ВКП(б).Т.2. 4–5 апреля 1946 г.// ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.12. Д.4. Л.15.

³ Стенограмма 19-го пленума обкома ВКП(б).Т.2. ... Л.62.

В их основе находился текст, обладавший высшим смыслом. «Советский Союз был *тестократическим* государством – возможно, первым в истории человечества, – справедливо замечает Д. Юрьев. – Ранее всегда господство идеологии, воплощенной в слове, маскировалось традицией, религией или поведенческой практикой. Коммунизм оставил Слово в одиночестве, но при этом обожествил его и возвел на престол»¹. Слово было воплощено во множестве политических терминов, эмоционально окрашенных, маркированных и легко запоминающихся, подсказывающих читателю, как правильно относиться к тому или иному явлению².

Вербальная реальность в тогдашнем политическом мире обладала ярко выраженным превосходством над правдой факта. Слова значили больше, чем явления повседневной жизни. К последним, если они отличались от значений, им предписанных, полагалось относиться как к чему-то неважному: нетипичным случаям, отдельным недостаткам, или как к злоупотреблениям со стороны некоторых работников³.

Подобно идеям Платона, политические слова творили действительность, собственно, они сами и были действительностью, причем, действительностью динамичной, развивающейся, прогрессивной. Они олицетворяли законы, «...совершающиеся независимо от воли людей», в том числе и основной закон социализма: «...обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники»⁴. Экономические категории приобретали антропоморфные черты: производительные силы вступали в конфликты с производственными отношениями; капитализм вставал против новой техники, и т.п.

¹ Юрьев Д. Тупик тестократии//Искусство кино. 2007. №2. С.39.

² См.: Фельдман Д. Терминология власти. М., 2006. С.10–11.

³ Слово «работник» в партийных документах сороковых годов служило синонимом слова «руководитель». Мне не удалось найти ни одного случая, когда работниками называли колхозников, рабочих, или учителей. Скорее всего, слово «работник» было сокращенным вариантом словосочетания «номенклатурный работник».

⁴ Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С.14, 95.

Слова были выстроены строго по ранжиру, причем их порядок время от времени обновлялся. Так, после войны словосочетание «великий русский народ» занимало более почетное место, нежели «международный пролетариат». Слово «начальник» в официальных документах все чаще писалось с заглавной буквы. Некоторые слова заменяются другими: «советский солдат» вместо «красноармейца»; «министерство» вместо «наркомата», наконец, «КПСС» вместо «ВКП(б)» и пр. Все эти перемены не касаются главного слова – имени Сталина. «В начальной школе нас учили одному – писать "Иосиф Виссарионович Сталин" без ошибок, без помарок и без переносов»¹.

Образ Сталина в текстах раздваивался: он был одновременно титаном, вершащим историю, и простым обаятельным человеком. В очерке Алексея Толстого представлены обе его ипостаси: это и великий кормчий, облеченный миссией «...вмешиваться в диалектику событий, чтобы поворачивать неуклюжее дышло истории в сторону, куда ему и надлежит двигаться», и скромный советский служащий, чья «личная жизнь ограничивается небольшими потребностями интеллигентного очень занятого человека нашей страны. У него нет особых требований, или особых привычек. Он всегда одет в полувоенный, просторный, удобный костюм. Курит тот же табак, что и мы с вами. Он всегда весел, остроумен, вежлив. Каждый человек для него – человек»².

Двоичность, правда, иного рода, была характерной чертой всего политического текста. Мир, в нем сочиненный, был разнесен по двум столбцам. В светлом столбце – прекрасная социалистическая действительность, творимая замечательными советскими людьми³. В темном

¹ Интервью с Е. Я-ой. 7 05 2007. г. Пермь//Личный архив автора.

² Писатели мира о Сталине//Новый мир. 1953. №4. С.152–153. Образ выстроен по шаблону, сконструированному А.М. Горьким для жизнеописания Ленина. Ср.: «Делается страшно от вида этого великого человека, который на нашей планете вертит рычагом истории так, как ему это хочется». 50-летие Владимира Ильича Ульянова – Ленина (1870–23 апреля 1920). Речи и стихи, произнесенные на празднике в его честь 23 апреля 1920 г. в помещении Московского Комитета. М., 1920. С.16. «Его личная жизнь такова, что в эпоху преобладания религиозных настроений Ленина сочли бы святым». О Ленине. Сборник воспоминаний. М, 1924. С.15.

³ «Они /молодые кадры – О.Л./ ошеломлены колоссальными достижениями Советской власти, им кружат голову необычайные успехи советского строя...» Сталин И. Экономические проблемы... С.25.

столбце – умирающий капитализм, все отравляющий своими миазмами. Так же распределяются и имена. В одном списке герои без страха и упрека. В другом – преступники, только по внешности напоминающие людей: «дряхлое человекоподобие Уинстон Черчилль»¹.

Политический текст, как и тезаурус, был иерархически организован. Его ядро составляла каноническая книга, призванная растолковать сотворение нового мира «Краткий курс истории ВКП(б)». К ней при-мыкали новые военные и послевоенные труды Сталина, а также одобренные партийным авторитетом газетные комментарии и беллетристика (проза, драматургия и поэзия), удостоенная сталинских премий. Роль «Краткого курса» во всем этом литературном комплексе ярче всего выразил небольшой современный поэт. Его лирическая героиня, стремящаяся вывести отстающий колхоз в передовые, обращается к «Краткому курсу», самостоятельно прорабатывает его и находит решение. И только затем берет в руки другие книги: После – любое возьми сочинение,/Если написано с чистой душой,/Воспринимается как дополнение/ К этой книге простой и большой².

Отношение к «Краткому курсу» было сродни отношению к священным книгам. В нем правильно было все. Он не нуждался ни в исправлениях, ни в дополнениях. Власти бдительно следили за еретиками, позволившими себе усомниться в его целостности и каноничности. Обо всех казусах такого рода полагалось сообщать в ЦК, причем, за подписью первого секретаря обкома.

В этой связи характерен случай с Ф. Горовым – тогда молодым и амбициозным историком в Молотовском государственном университете. Читая лекцию о Московском вооруженном восстании, он сообщил студентам, что оно началось 8 декабря 1905 г. Что было потом, доложил в ЦК ВКП(б) секретарь обкома Ф.М. Прасс: «В 1947 г. в обком ВКП(б) поступила жалоба, в которой говорилось, что тов. Горовой в определении этой даты с Кратким курсом истории ВКП(б) расходится.

¹ Данилкин М. Здравствуй, 1949! //Березниковский рабочий 1.01. 1949.

² Яшин А. Алена Фомина //Новый мир. 1949. №11. С.19.

Бывший в то время секретарем обкома ВКП(б) тов. Лященко вызывал по этому поводу тов. Горового на объяснение». Спустя 4 года из университета в обком пришло новое письмо, автор доносил, что Ф. Горовой упорствует в своих заблуждениях, поскольку имеет «...непартийный образ мысли». Начала работать комиссия, которая выяснила, что историк, действительно, не исправился. «Как в 1947 г., так и сейчас он считает первым днем вооруженного восстания 1905 года – 8 декабря. Объясняет тов. Горовой свою точку зрения следующим образом: «Краткий курс истории ВКП(б)» есть курс краткий и требовать, чтобы каждый вопрос был освещен в нем до деталей, нельзя. В частности, в нем не указан первый день Московского вооруженного восстания. В «Кратком курсе» говорится, что 7 декабря началась в Москве политическая забастовка, а 9 появились первые баррикады. Но забастовка есть забастовка, – говорит тов. Горовой, а баррикады не являются обязательным признаком восстания. 9 декабря, по его утверждению, начался уже вышший этап вооруженного восстания, первым днем восстания его считать нельзя. Дату начала восстания надо искать в других источниках». Комиссия работала добросовестно, сверила брошюры с первоисточником – тем же самым «Кратким курсом» и убедилась: Горовой не прав. «Таким образом, выдвинув ошибочное положение о том, что по вопросу о дате Московского вооруженного восстания «Краткий курс истории ВКП(б)» нуждается в пополнении, тов. Горовой ничем его не доказал. На эту ошибку ему и было указано в обкоме ВКП(б)»¹. Для Ф.С. Горового все кончилось относительно благополучно – только задержали на несколько лет докторантуру.

«Краткий курс истории ВКП(б)» был главной книгой, прорабатываемой в системе политического просвещения. Напомню, что это была по жанру историческая книга. И после войны партийные работники просиживали часами, переписывая, а потом пересказывая совершенно невнятные для них сюжеты о втором съезде РСДРП(б), о споре Ленина с Мартовым, об «отзовистах» и «ликвидаторах», о дискуссии о проф-

¹ Прасс – Яковлеву 17 04 1952// ПЕРМГАНИ. Ф. 105. Оп.18. Д.205. Л.222–226.

союзах и прочих исторических событиях. Причем, надо было твердо знать все основные формулировки и касательно Плеханова, «ушедшего в кусты» в дни все того же вооруженного восстания, и касательно главного принципа диктатуры пролетариата, и касательно исторического значения VI (Пражской) конференции РСДРП(б). По поручению обкома партии проводились проверки, потом составлялись справки, в которых скрупулезно перечислялись недостатки: товарищ такой-то «... еще правильно понимает решения II съезда РСДРП, то о VI съезде забыл почти все /время, главные решения/, о X съезде ничего не знает. Что такое троцкизм? Тоже не дал правильного ответа». У другого товарища познания по истории ВКП(б) «...самые туманные»¹.

Автор «Курса» в последние годы жизни относился к собственному творению критически, не разрешил перепечатать его в седьмом томе Большой Советской Энциклопедии: «Как же, целую книгу печатать? Да зачем, кому это нужно? А напечатать стоило бы не больше одной двадцатой части книги, остальное предназначено для партийных работников, имеет совершенно узкий интерес, да и устарело много, кроме того, не хватает последних десяти лет»². Впрочем, эта оценка так и осталась его частным мнением. В партийной пропаганде ничего не поменялось.

Разрушать канон – значило бы подвергнуть сомнению основы социалистического мироздания, занесенного в главную книгу. И чем дальше описанные в ней события находились от практических задач, решаемых новым поколением руководителей, тем большим магическим смыслом наполнялись ее главы, параграфы и абзацы.

Таинственность политического текста умножалась и его разделением на общедоступные и запретные для непосвященных части. Публика читала газеты. Партийцы, кроме того, знакомились с голоса с закрытыми письмами ЦК; высокопоставленные функционеры получали

¹ Дедов – Хмелевскому 17 03 1947// ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.13. Д.170. Л.10–13.

² Изложение товарищем Вавиловым содержания его беседы с товарищем Сталиным о Большой Советской Энциклопедии. 19 07 1949//Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. М., 2005. С.611.

дополнительную секретную информацию. Единство текста достигалось языковым тождеством. В этой связи примечательны переходы от одного уровня – информации для всех – к другому уровню – информации для посвященных. Для того, чтобы последняя была правильно воспринята адресатом, в нее включали общеупотребительные формулы. Вот пример: 6 февраля 1947 г. зам.начальника Березниковского горотдела МГБ отправил секретарю горкома докладную записку «О настроениях населения в связи с подготовкой к выборам в Верховный совет РСФСР». Кандидатом в депутаты в Березниках был назначен бывший ректор Молотовского Госуниверситета Р.В. Мерцлин – интеллигент с типичной профессорской внешностью – даже со старорежимной бородкой. Начиналась записка так: «Подготовка к выборам в Верховный совет РСФСР трудящихся г. Березники проходит с большим политическим и производственным подъемом. Рабочие и служащие Березниковских предприятий и учреждений в ознаменование предстоящих выборов в Верховный совет РСФСР показывают высокие образцы производительности труда, осуществляя выполнение и перевыполнение плана послевоенной Сталинской пятилетки восстановления и развития народного хозяйства». После этой преамбулы следовало деловое сообщение, как рабочие и служащие, названные «враждебным элементом», на самом деле реагируют на избирательную кампанию. Мерцлин им не нравился. Подозрительным казалась и фамилия, и внешность: «28 января 1947г. в конторе сплавного отдела лесотарного цеха завода 761 рабочий сплавного отдела в разговоре о кандидате в депутаты Верховного совета РСФСР заявил:

"Что на него смотреть-то, попов я видел много, а он точь-в-точь похож на попа. Придет день выборов, ну и голосуй, за кого скажут, или вернее за нашего кандидата"».

Другим не нравилась система в целом: «30 января 47 г. техник-смотритель строительства 881 на предложение отметить день выборов в Верховный совет РСФСР, ответил:

"Да, не велик этот праздник, просто я не понимаю, что делается, заставляют голосовать, говорить, что черное – это белое, попробуй сказать наоборот – и это все называется самой демократической конституцией в мире. Будем избирать в Верховный совет РСФСР. Мне предлагали в свое время быть агитатором, но я отказался. Смешно, будем избирать, а кандидат по избирательному округу один. На самом деле, было бы их 4 или 5, другое бы дело. Вообще все это чепуха"¹. В общем, березниковские мастеровые говорили примерно то же самое, что и деревенские жители в Кунгурском районе. Но чтобы сообщить об этом по партийной линии, чиновник из МГБ обязан был пользоваться общепотребительным политическим языком.

Правда, в секретный текст допускались потаенные сюжеты о бедственном состоянии дел в конкретных местностях: о голоде, разрухе, начальственном произволе, разгуле преступности и пр. Встречаются в них и тема 1937 года с легко узнаваемыми коннотациями, типичными, казалось бы, совсем для другого времени. Так областной прокурор требовал от своих подчиненных «...недопущения тех грубых искажений, которые имели место в некоторых органах НКВД и прокуратуры в 1937 году в особенности». На другом совещании он напоминал: «Отказ свидетелей в судебном заседании от ранее данных ими показаний – это настолько серьезное чрезвычайное происшествие, которое напоминает практику 1937 г., когда в отдельных органах Прокуратуры и НКВД и суда искажали наши советские законы, арестовывали людей без разбора, натягивали материал, давали *липовые* дела»².

Может показаться, что пассажи такого рода выпадают из основного политического нарратива, нарушают его каноническое единство, поскольку прерывают повествование о победах и достижениях неприятными реминисценциями. На самом деле – это не более чем специальные вставки в большой официальный текст, доступные только для

¹ Богданов – Семенов. 6 02 1947// ПЕРМГАНИ. Ф.59. Оп.2. Д.232. Л.6–9.

² Стенограммы выступлений прокурора Молотовской области тов. Куляпина Д.Н. гор. Молотов. 1942 г./ГАПК. Ф 1366. Оп.1. Д.58. Л.24, 68.

избранных, амбивалентные по своему смысловому наполнению. Их можно интерпретировать и как описание «отдельных недостатков», и как «происки антипартийных контрреволюционных сил». Партийный журналист Михаил Данилкин без обиняков называл террор образца 1937 года новой исторической формой троцкизма: «Сделана серьезная попытка оправдать троцкистскую формулу о так называемом термидоре, наносился удар по руководящим органам партии и государства»¹.

Подведя промежуточные итоги, замечу, что выработанный в канонических партийных текстах тезаурус составлял основу паттернов политического поведения в сталинскую эпоху. Состав этого языка, его неразрывная связь с источником – книгой, созданной главным строителем социализма – товарищем Сталиным, определяли как содержание действительности – ее границы и наполнение, так и ее обязательную интерпретацию. Верховенство партийного сталинского слова над личным опытом служило советским гражданам ориентиром в мире политике, подсказывало им правильные символические действия и вычеркивало из действительности неправильные факты и ситуации. В.Аксенов вспоминал, как весной 1950 г. он в компании одноклассников прогуливался по главной улице Магадана. «Мы шли по дощатым тротуарам, а по проезжей части плелась бесконечная колонна зеков, шли конвоиры с ружьями и собаками». Школяры их не замечали, они оживленно обсуждали, что имел в виду «Голос Америки», когда уверял, что в СССР нет свободы. Все сходились во мнениях, что это совершенный абсурд, пока один из мальчишек не догадался: «Наверное, потому они так говорят, что у нас Зоценко критикуют!»².

Что советские граждане, приученные не обобщать отдельных недостатков, искренне восхищаться грандиозными достижениями, многократно слышанными по радио или от агитаторов, верить красивым кино-картинкам из колхозной жизни и не обращать внимания на соб-

¹ Данилкин М. Ответ моим обвинителям//Лейбович О. Кимерлинг А. Письмо товарищу Сталину. Пермь, 1998. С.111.

² Аксенов В. Десятилетие клеветы. Радио-дневник писателя. – М.,2004. С.96–97.

ственную нищету и скудость, получали взамен? Многое – чувство принадлежности к великому и славному народу – строителю коммунизма, ощущение личной связи с вождем – мудрым и человечным и, наконец, надежду на лучшее будущее, которое где-то в Стране Советов уже стало настоящим. В закрытом и подконтрольном обществе такая социальная установка является естественной. Она закрепляется в церемониях и ритуалах – майских и ноябрьских демонстрациях, торжественных вечерах и собраниях, в украшениях общественных мест и жилищ, наконец, в тостах за товарища Сталина. Политика, но не быт, не коллективный, а тем более, не индивидуальный опыт, определяли идентичность советского человека.

Власти бдительно следили за тем, чтобы не была нарушена герметичность социального мира, им кажутся подозрительными фронтовики, увидевшие Европу: «Среди демобилизованных часто встречаются восхищения культурой заграницы, включая пылесосы, которыми пользуется заграничная домохозяйка», – предостерегал своих товарищей по активу редактор газеты в г. Соликамске летом 1947 года¹. Конструктор завода им. Сталина высказывался на эту тему более определенно и резко: «Люди, побывавшие по ту сторону границы (во время войны), перестали быть нашими»².

Политические паттерны имели ранговый характер. Образцы политического поведения разнились для начальства, именуемого в официальных документах работниками – областными, районными, советскими и партийными, для интеллигенции и для трудящихся, не обремененных ни должностями, ни образованием. Первые равнялись на Сталина в своем публичном поведении, повторяя его жесты, словесные обороты, даже костюм. Их обязанности были сродни газетным функциям. Партийный работник любого калибра должен был быть одновременно агитатором, пропагандистом и организатором, причем, ор-

¹ Информационное письмо в Молотовский обком ВКП(б) 15 августа 1947 г. г. Соликамск // ГАПК.Ф.105.Оп.13. Д.141. Л.43.

² Апанасенко И.С. – Хрущеву Н.С. 9 04. 1955// Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980-е гг. Пермь, 2004. С.446.

ганизатором особого типа, умеющим нажимать на подчиненных ему лиц: бранить, разносить, запугивать. Это называлось «осуществлять крепкое большевистское руководство».

Очень многие начальники настолько в нем преуспели, что их приходилось одергивать, разъясняя, что надо и меру знать. Секретарь Коми-Пермяцкого окружкома ВКП(б) в июле 1946 г. рассказывал пленуму: «Я был в Тукачевском мехлесопункте и стал журить за плохую работу парторга Степанова: вот тут неладно, тут неладно, нужно не так, а вот так, так он мне отвечает: "Тов. Бушманов, я встаю с утра и ругаю всех"». Я подумал, почему он ругает, и спросил его, он мне ответил: "Ругаются в райкоме и в окружкоме ругают, ну и я ругаюсь, без этого какая работа"¹. Оратор не объяснял, что ругать на языке районных начальников означало грозить арестом, осыпать площадной бранью, стучать кулаком².

Руководители обязаны были демонстрировать примат общественных забот над личными потребностями, что, в действительности, означало, прежде всего, перераспределение времени в пользу казенных дел – многочасовые заседания партийных бюро, заканчивающиеся поздней ночью, посещение собраний, проработку партийных документов. Такой жизненный график считался правильным. Так же полагалось вести аскетический образ жизни, не роскошествовать, не заботиться о материальных благах. «Никогда мы с женой о личном благосостоянии не думали и обходились самым минимумом», – гневно опровергал секретарь обкома обвинения в барстве³. Руководитель, раскритикованный начальством, обязан был признать ошибки, не оправдываться, но, напротив, подвергнуть себя еще более жесткой самокритике.

Для советских интеллигентов обязательным считалось принятие официальной картины мира в ее текстовом черно-белом исполнении, предусматривающее отказ от собственных вкусовых и этических пред-

¹ Стенограмма 21-го пленума обкома ВКП(б). Т.1 Л. 53.

² См.: Справка по материалам расследования о самоубийстве председателя колхоза "Смычка" Юго-Осокинского района//ПЕРМГАНИ Ф 105 Оп. 15. Д. 131. Л.160–166.

³ Хмелевский – Харитонову. 3 02 1945 г.// ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.11.Д.154.Л.31.

почтений в пользу подсказанных начальством, более того, подавление способностей к собственным рациональным интерпретациям окружающего мира и концептуализации действительности.

Вот характерный случай, передающий дух времени. Среди профессуры Молотовского медицинского института подвизались ценители музыки, завсегдатаи премьер в местном театре оперы и балета¹. Театр поставил оперу «Великая дружба» В. Мурадели, спустя некоторое время подвергнутую суровой партийной критике. На партийном собрании в мединституте соответствующее постановление ЦК обсуждалось. Вот выдержки из протокола:

«Сангайло А.К. Я выступил в печати с положительным отзывом о музыке Мурадели. Видимо, это надо расценивать как мой плохой музыкальный вкус. <...>

Фенелонов А.Л. Основная масса народов Западной Европы и Америки любят русских композиторов, любят Глинку и Чайковского. Научная работа по сути своей является творческой. Она должна быть гармоничной, глубоко идейной, обладать объективностью и должна быть изложена красивым русским языком. Наши работы в этом отношении нередко очень грешат.

Любовский О.Х. Фенелонов не прав, считая Мурадели и др. талантливыми композиторами. Какой же талант, если он непонятен народу?

Гузиков П.А. Мне хочется как человеку, любящему музыку, сказать, что музыка Мурадели ужасна². Эти люди были меломанами, но одновременно подлинными советскими интеллигентами, хорошо освоившими политический паттерн.

Для интеллигента было обязательным участие во всех политических кампаниях, это означало не только быть на собраниях, говорить речи, аплодировать и голосовать, но и вносить изменения в содержание профессиональной деятельности, в духе последних указаний ре-

¹ См: Зиф Б. Провинция. – Пермь, 2004.

² Протокол №8 партийного собрания от 23 III 1948 г././ ПЕРМГАНИ Ф. 6179. Оп. 1. Д.4. Л.46–47.

дактировать и менять ориентиры, обновлять авторитеты. Так, в процессе борьбы с низкопоклонством публикация в международном, или заграничном журнале, бывшая ранее свидетельством высокого уровня интеллектуальных достижений, стала показателем гражданской несостоятельности. «До войны часто наша профессура стремилась, чтобы их труды печатались за границей. Сейчас мы не располагаем, кто печатался за границей, но посмотреть не лишне», – предупредил научных работников партийный чиновник из доцентов¹.

Тема бдительности также входила в политический паттерн советской интеллигенции: «Мы должны быть очень осторожны в сближении с людьми»². Правильное политическое поведение советских интеллигентов исключало какое бы то ни было проявление религиозных чувств, или соблюдения обрядов. После войны партийные комитеты были всерьез обеспокоены тем, что значительная часть служащих отказалась от воинствующего атеизма, всерьез восприняв примирительные правительственные жесты в сторону РПЦ. «У нас в районе многие интеллигенты верят в «бога» [!], крестят детей, венчаются в церкви, например, учителя, а мы доверяем им учить наших детишек», – предостерегал своих товарищей по лысьвенскому партийному активу некто Карпов³. Профессор медицинского института на партийном собрании доносил на студентов, которые «...ходят в церковь»⁴.

Драконовскими методами (исключения, снятие с работы и пр.) местных интеллигентов, в конце концов, вернули в атеистическое лоно. Точно такими же способами врачей и преподавателей возвращали и к семейным обязанностям. Политически сознательный советский интеллигент должен был стать и образцовым семьянином. Уход из семьи

¹ Информация о собрании коммунистов парторганизации пединститута по закрытому письму ЦК ВКП(б). 31 07 47 г.// ПЕРМГАНИ.Ф.105.Оп.13. Д.141. Л.10.

² Протокол № 18 заседания партбюро. 2 марта 1950 г.// ПЕРМГАНИ. Ф.6174-1. Оп.1. Д.3.Л.2(об)

³ Информационное письмо в Молотовский обком ВКП(б) 15 августа 1947 г. г. Соликамск// ГАПК.Ф.105.Оп.13. Д.141. Л.72(об).

⁴ Протокол № 3 общего партийного собрания. 17.01.1946// ПЕРМГАНИ. Ф.6179. Оп.1. Д.52. Л.2.

старого беспартийного профессора, точнее, даже не уход, а намерение развестись с женой «...после 40-летней совместной жизни», обсуждалось на партийном собрании педагогического института наравне с другими идеологическими ошибками¹.

Для широких трудящихся масс освоение политических паттернов реализовывалось на уровне лозунгов, демонстративного одобрения властных мероприятий, участия в церемониях, но, главным образом, в признании абсолютного авторитета партийного слова, в общем, не рассуждать, а выполнять. Некоторые пропагандисты в своем кругу не стеснялись называть вещи своими именами: «Весь советский народ считает решения партии правильными, не вдумываясь даже, чем они вызваны, почему они приняты. Решение Совета Министров о лесозащитной зоне или решение ЦК партии об опере Мурадели советский народ считает правильными, даже не вникая в подробности, хотя в постановлении подробно указано, почему эта опера оказалась порочной. Вот такой теперь авторитет партии». Так откровенно говорить было не положено, и незадачливому преподавателю марксизма-ленинизма приказали впредь «...не допускать политических ошибок»².

Ядром политического паттерна той эпохи является вера во власть, персонифицированную в образе Сталина: верить вождю, наделенному всеми добродетелями, – вождю как высшему авторитету в житейских, а не только в политических вопросах, вождю как заступнику перед лицом безжалостного и грубого начальства, вождю как нравственной опоре в зыбком и неустроенном мире. И чем больше политика заполняет собой жизненный мир человека, тем крепче связь между ним и Сталиным, тем больше доверия, любви и привязанности к человеку, олицетворяющему народ. «Никогда прежде в истории не почитали так ни одного вождя», – заметит в 1952 г. заезжий иностранный гость³.

¹ См.: Протоколы партсобраний за 1948 г. 15 01 1948–30 12 1948.//ПЕРМГАНИ Ф.1623 (МГПИ) Оп.1.Д.102. Л. 72.

² Протокол №4 общих партийных собраний. 24 03 49//ПЕРМГАНИ Ф.6179. Оп. 1. Д.5. Л. 112.

³ Писатели мира о Сталине//Новый мир. 1953. №4. С.160.

Текстуальное ядро политического паттерна было таковым только потому, что за ним угадывался его автор. Авторитет текста – это авторитет Сталина, «...который создал то, что есть и создает то, что будет. Он спас. Он спасет»¹.

Харизма, однако, не передается по наследству. «Вождей сменяли жалкие эпигоны», – неосторожно написал когда-то Карл Радек². Михаил Данилкин, если брошюру Радека и читал, то из памяти выбросил, но повторял фактически то же самое, только грубее: «Кто же приходит на смену? Какая-то мелкота, которая торопится скорее приобрести себе ранг, натянуть мундир с погонами, слепить себе дачу, нарядить свою жену принцессой. Приходят "товарищи-министры". Ух, как нехорошо. Они и при Вашей жизни творят, черт знает что. А что же будет после того, как Вас не станет?»³.

Смерть Сталина положила начало процессу, повлекшему за собой изменение политических паттернов. Место вождя, одухотворявшего собой политический текст и придававшего смысл всем без исключения ритуалам и церемониям, осталось вакантным. «Больше нет такого человека, как т. Сталин, чтобы смог его заменить. <...> Как-то боязно. После его смерти кто будет на его месте? Кто знает, что люди думают? Встанет кто-нибудь на его пост, а потом окажется врагом народа», – регистрировали органы МГБ разговоры обывателей в марте 1953 года⁴.

Новые правители, казалось, оправдывали самые худшие ожидания. Мало или совсем не известные широкой публике эти выходцы из сталинских канцелярий, не имели ни биографий, ни величия, ни даже благообразной внешности. Кто такой Маленков, заменивший Сталина в должности главы правительства, откуда родом, из какой семьи? В апреле 1953 г. редактор молотовской многотиражки «Железнодорожный строитель» был

¹ Писатели мира о Сталине//Новый мир. 1953. №4. С. 151.

² Радек К. Зодчий социалистического общества. – М., 1934. С.6.

³ Данилкин М. Разговор с И.В. Сталиным// Лейбович О., Кимерлинг А. Письмо товарищу Сталину. Пермь, 1998. С.127.

⁴ Последняя болезнь Сталина. Из отчетов МГБ СССР о настроениях в армии весной 1953 г. // Неизвестная Россия. XX век. Т.2. М., 1992. С.255.

наказан партийным выговором за длинный язык. Он под большим секретом сказал инструктору политотдела, верней всего, на вопрос ответил: «Маленков происходит из семьи духовной – он сын священника». Не совсем ясно, сам ли журналист составил нестрогий силлогизм: Сталин из духовной семинарии, значит, и его преемник из священников, или услышал где-нибудь. Инструктор испугался и донес по начальству¹.

Те же, кто имел возможность наблюдать сталинских преемников вблизи, не могли обнаружить в них и тени величия. Вот впечатления от встреч с Хрущевым в те времена, когда он был столичным партийным начальником. «Она (Анна) близко знала этого человека с лета 1936 года. Городской Дворец пионеров и школьников, при котором она вела Студию художественного слова, был его детищем. Всегда одинаково грубый, беспрекословный, истеричный он откровенно выслуживался перед Вождем и Учителем. Каждое его появление ознаменовывалось длиннейшей литанией благодеяний детям и взрослым, которые должны есть только с монаршей руки. В захлебе преданности вождю он не знал себе равных. <...> Всегда потный, обтиравший лицо огромным платком, человек с маленькими глазками и визгливым голоском не мог переродиться, не мог иначе начать мыслить, если никогда не пытался мыслить вообще»². Тот факт, что в этих воспоминаниях переданы семейные разговоры, а не собственное восприятие, несколько не умаляет их значения. Таким Хрущева видели столичные интеллигенты³. «В глазах собственного народа Хрущев никогда не был ни героем, ни отцом, как Сталин», – справедливо заметил французский наблюдатель, часто бывавший в Москве⁴.

В своем предсмертном письме А.А. Фадеев назвал новых партийных лидеров «людьми неталантливыми, мелкими, злопамятными», «нувориша-

¹ См.: Лейбович О. Модернизация и реформа в 1953–1964 гг. Пермь, 1993. С. 96.

² Молева-Билютин Н. Вычеркнутые тексты//Вышгород. 2006. №5–6. С. 125.

³ О лакейских повадках Н.С. Хрущева вспоминали и работники кино. См.: Маневич И. У "вертушки"/Искусство кино. 1988. №7. С. 134.

⁴ Estier Cl. N.S. Khrouchtchev. P., 1965. p.98.

ми от великого ленинского учения», от которых «...можно ждать еще худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот хоть был образован, а эти – невежды»¹.

Наследники Сталина боролись за власть новыми методами. Уничтожение Л.П. Берии можно считать последним актом политического террора в высших эшелонах власти. Все остальные отставки и перемещения прикрывались или деловыми причинами, или наказанием за бытовые проступки, в том числе, и за «аморалку». При Сталине борьба с врагами народа, «пробравшимися» в ЦК ВКП(б), или в правительство, имела характер эпический. Мотивы враждебной деятельности секретарей ЦК и министров были скорее трансцендентными, чем бытовыми, или личными. Они творили зло, потому что не могли иначе. Здесь же даже низвержение «матерого английского шпиона» и «политического авантюриста» Л.П. Берия было опошлено оглашением в закрытом письме ЦК его донжуанского списка. Врагу придали человеческое измерение, тем самым, уменьшив масштаб события. С остальными жертвами победители церемонились еще меньше, изображая их неумехами, бездельниками, бытовыми разложенцами.

Через закрытые письма и постановления ЦК эти разоблачения становились достоянием партийной общественности. Одни удивлялись и пересказывали друг другу подробности, другие пожимали плечами, третьи безразлично отворачивались. Были и те, кто возмущался.

«Я, собственно только хотел узнать, не сможете ли вы мне помочь найти правду, помочь мне поверить в нее снова. (Я раньше был верующий в нее), – писал в московскую газету в апреле 1955 г. И.С. Апанасенко – конструктор ОКБ молотовского завода им. Сталина, партиец и орденносец. – Разыскать не надеюсь. Я даже не знаю, где потерял. Вот недавно заглянул в тот уголок, где она у меня лежала, а ее и след простыл. У меня есть подозрение, что она провалилась сквозь землю (от стыда), узнав, что Берия предатель и бл(...) был всю жизнь, хотя и был

¹ Письмо А.А. Фадеева в ЦК КПСС. 13 05 1956//Известия ЦК КПСС. 1990. №10. С.147–151.

правой рукой Сталина, что Маленков тоже готовится в такие же бл(...), что Александров прое(...) всю культуру как проститутку»¹.

Писали во власть и раньше, но по-другому: жаловались, протестовали, негодовали. В середине пятидесятых годов граждане начальников стыдят и, что самое главное, поучают. «Сейчас Вы секретарь ЦК КПСС и хотелось бы, чтобы Ваша эрудиция пошла на благо народа. А Вы, к сожалению, плохой политик, никудышный государственный деятель», – бранит Д.Т. Шепилова за неудачный доклад рабочий из Углеуральска².

Обсценная лексика этих писем не должна вводить в заблуждение. Она свидетельство глубокой связи, по содержанию подобной сакральной, между автором и адресатом³. Было бы опрометчиво видеть в таких высказываниях первые симптомы десакрализации власти, однако, о профанации политики, ее обмирщвлении уже говорить можно.

Новое руководство не обладало авторитетом, позволяющим подерживать на прежней высоте партийное слово. Отказ от террора отнял у него самый действенный инструмент сохранения status quo ante⁴. Падение могущественного патрона на время дискредитировало и дезориентировало сотрудников карательных органов. Слово «бериевец» стало для них клеймющей кличкой. Партийные начальники сводили

¹ Письмо в газету «Правда». 1955 г./ПЕРМГАНИ. Ф.643/2. Оп.1. Д. 26322. С. 58. И.С. Апанасенко, отправивший несколько анонимных писем в адрес Хрущева, в которых то требовал от него «...заечь в людях любовь к свободе мысли, слова, ... всколыхнуть простых людей», то предрекал бесславную гибель от рук интервентов («И если придут, скажем, американцы, не с армией, а скажем 50 штук») и с Вами сделают то же, что Вы с Берией и другими...), то угрожал «... перевешать всех деятелей от райкомов до Вас», был осужден 30 августа 1955 г. к трем годам лишения свободы. Освобожден в июле 1956 г. См. См.: 58¹⁰. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Аннотированный каталог. Март 1953–1991.М., 1999. С. 245; Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980-е гг. Пермь, 2004. С. 445–447.

² Из письма А.Е. Горшкова секретарю ЦК КПСС Д.Т. Шепилову. 25 03 1957 г. г. Углеуральск Молотовской области//Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980-е гг. Пермь, 2004. С.456.

³ По схожему поводу Й. Хейзинга заметил, что «...такое скудоумное прегрешение, как божба, появляется лишь при наличии сильной веры. <...> Только сознание того, что проклятие – это и вправду вызов, бросаемый Небесам, делает такое проклятие греховно прельстительным». Хейзинга Й. Осень средневековья. М., 1995. С. 163.

⁴ См.: Лейбович О. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993. С.109–120.

счета с «туповатыми молодцами в фуражках, сытыми и жестокими», так их некогда назвал Михаил Данилкин¹.

Преемники Сталина, под давлением обстоятельств изменившие экономический курс, лишили политику ее особой метафизической силы. «Партийной работы в чистом виде не бывает, – вразумлял своих подчиненных Н.С. Хрущев. – Нам надо добиться такого положения, чтобы все наши партийные работники хорошо знали конкретные вопросы производства и всю свою работу вели бы на обеспечение изобилия продуктов питания, жилья, обуви для трудящихся»².

Власть, взявшаяся за решение давно назревших повседневных проблем (продовольственной, жилищной, одежной), на деле изменила бывшие приоритеты, что называется, вывернув их наизнанку. Не хозяйство для политики, а политика для хозяйства. Дело первенствует над словом. «Идеи Маркса – это, конечно, хорошо, – в присущей ему манере высказался как-то Хрущев, – но ежели их смазать свиным салом, то будет еще лучше». Интеллигенты морщились: «Мне в голову никак не приходило, что идеи Маркса можно смазать свиным салом»³.

Изменилось и слово. Название сельскохозяйственной культуры «кукуруза» потеснило политические номинации. Производственная квалификация, хозяйственный опыт, умение добиваться заказанных результатов стали лучшим мерилom политической сознательности. Хрущев лично устраивал экзамены партийным руководителям областного звена на предмет знания агротехники и безжалостно смещал их с должности, если они проваливались. Инструктор ЦК КПСС в январе 1954 г. рассказывал молотовским партийным активистам, за что был снят с работы их руководитель: «Тов. Прасс не мог сказать и объяснить сущность квадратно-гнездовой посадки картофеля и овощей. <...> За 4 года тов. Прасс не изучил элементарные вопросы сельского хозяйства, которые хорошо знают наши передовые крестьяне»⁴.

¹ См.: Лейбович О., Кимерлинг А. Письмо товарищу Сталину..., С.70.

² Стенограмма 8-го Пленума обкома КПСС. 14-15.01.1954 // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.21. Д.10. С.48.

³ Ромм М. Как в кино. Устные рассказы. М., 2003. С. 179.

⁴ См.: Лейбович О. Реформа и модернизация... С.167.

Канонический политический текст, воплощенный в «Кратком курсе истории ВКП(б)» терял свое значение. Партия, называемая уже по-другому, решала задачи сегодняшнего дня: освоение целины, массовое жилищное строительство и пр., никоим образом не отраженные в этой книге. Сюжеты «Краткого курса» переходили в разряд преданий о старине далекой. Предложенные в нем методы решения хозяйственных задач эпохи индустриализации и коллективизации не использовались. Новые тексты – доклады и выступления Н.С. Хрущева и Г.М. Маленкова – по языку, по тематике, по насыщенности повседневными смыслами – принадлежали к иной культуре.

Дело в том, что в прежние годы высшая политика была личной прерогативой вождя. Кроме всего прочего, только он вводил новые номинации, имел право на интерпретацию ленинской традиции, заново форматировал политический текст. Неоднократно называя своих ближайших сотрудников «приголовишками от марксизма», Сталин предоставил им в распоряжение низовой хозяйственный язык, на котором позволительно было обсуждать текущие практические проблемы: организации внутриколхозной жизни, севообороты, объемы инвестиций в те или иные отрасли промышленности, формы стимулирования и пр. Другим языком сталинские соратники не владели. Как и партийные журналисты, они могли повторять спущенные сверху формулы, восхваляя их на все лады, но, не меняя в них не единого слова. Когда же для них настало время самостоятельно формулировать политику, они тут же низвели ее до хозяйственных проблем, в которых свободно ориентировались. Попытки сказать слово в теории в первые годы послесталинской эпохи оборачивались конфузом. Так, В.М. Молотов забыл о победе социализма в СССР, заявив на сессии Верховного Совета, что в стране «...уже построены основы социалистического общества»¹. Только спустя три года новые правители рискнули заговорить политическим

¹ Молотов В.М. О международном положении и внешней политике правительства СССР//Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва. Вторая сессия. Стенографический отчет. М., 1955. С.388.

языком, частично позаимствованным из ленинских трудов, частично из сталинских заметок, но уже по-другому препарированных.

Начинаются атаки на старый политический текст, первоначально на его периферийные фрагменты – на творения советских писателей, признанных в прежние годы образцовыми. В журнале «Новый мир» в 1953–1954 гг. была опубликована серия критических статей, посвященных современной литературе. Их авторы, мало стесняясь в выражениях, уличили сталинских лауреатов в том, что те пишут прямую неправду о жизни простых людей в деревне, проповедуют, вместо того, чтобы исповедоваться, и страдают «житейским оппортунизмом»¹. В прежней ситуации все эти аргументы били бы мимо цели. Печатное слово, повторюсь, совершенно не обязано было соответствовать прозе жизни. Напротив, оно должно было указывать, в каком направлении и какими способами эту самую жизнь следует менять. Спуск власти с горних высот политики к простым хозяйственным вопросам изменил систему координат. У некоторых интеллигентов появилась потребность, партийным начальством тут же пресеченная, соотносить тексты с действительностью. «Новый мир» примерно наказали, но потребность погасить уже не смогли, тем более, что она формировалась на фоне массового ропота, порожденного теми же причинами.

Подвергается критике и стиль политических текстов. В воспоминаниях И.С. Кона, относящихся, правда, к 1956 году, упоминается его работа в комиссии ЦК КПСС по пропаганде – комиссии Францева. Нам «...было сообщено, что наши партийные документы на Западе не печатают не только по идеологическим мотивам, но и потому, что они слишком длинны и написаны ужасным языком». Здесь, к слову, тоже

¹ См.: Померанцев И. Об искренности в литературе//Новый мир. 1953. №12. С. 218–220. О реакции интеллигенции старшего поколения на статьи в «Новом мире» можно судить по частной переписке Ю.Г. Оксмана и К. Чуковского. Желая похвалить статью своего корреспондента, Ю.Оксман утверждает: «Соседство с памфлетом М. Лифшица Вы выдерживаете – а эта марка оказалась очень высокой (для меня неожиданно высокой). Имею в виду, конечно, читательское ощущение и остроту тематики. <...> Так или иначе, но Вас читают с такой же жадностью, как и статью Лифшица». Ю.Г. Оксман – К.И. Чуковскому. 10–11 марта 1954 г.// Ю.Г. Оксман – К.И. Чуковский: Переписка. 1949–1969. М., 2001. С.54–55.

далее критических оценок дело не пошло. Даже по начальству не сообщили: «Что Вы! Дмитрий Трофимович [Шепилов – О.Л.] взбесится»¹.

Если кратко суммировать перемены в процессе функционирования политических паттернов в первые годы после смерти Сталина, то есть до XX съезда КПСС, то можно указать на следующие новые явления:

Политическая сфера уступила свою первенствующую роль сфере хозяйственной. Политика утрачивала свою самостоятельность, превратившись в орудие для решения хозяйственных задач. И хотя слитность обеих сфер сохранилась, место, отводимое политике в жизненном мире советских людей, уменьшилось и символически, и во временном диапазоне. Человек, выходящий из политики, уходил, однако, не в частную жизнь, может быть, за исключением колхозников, которым на короткое время разрешили заниматься своим собственным личным приусадебным хозяйством. Обзаведение отдельными квартирами, без которых частная жизнь не возможна, произойдет в больших масштабах в следующее пятилетие. До 1957 г. политику вытесняли производство и коллективное потребление. Из красного уголка человек перемещался либо в поле, либо в цех, либо в контору, но также в клуб, в библиотеку, или в чайную, во двор, в пивную. Сложилась парадоксальная ситуация: частного пространства не было, но превращение советского гражданина в частное лицо совершалось. Только «...с конца 1950-х годов советский человек получил возможность уйти в частную жизнь и, несмотря на профкомы и парткомы, сохранять уголок неприкосновенного для советской власти бытия»².

Снизился статус политики. Наблюдения за суетливыми действиями новых правителей, то примеряющими на себя сталинскую шинель, то выступающими перед населением в своем полном и неприглядном естестве, приводили к утрате мистического ореола, которым ранее окружала себя власть. Политика без патетики и террора казалась все более скучным и

¹ Кон И. Эпоху не выбирают. Автобиографические заметки//Кон И. Междисциплинарные исследования. Социология. Психология. Сексология. Антропология. Ростов н/Д., 2006, С.29.

² Эггерт К. Черно-белая весна//Би-би-си, Москва среда, 01 марта 2006 Г.

чужим делом. Политические деятели напоминали обыкновенных людей, лишенных и тени величия. Они суетились, ссорились между собой, на людях несли околесицу, в общем, очень напоминали хорошо знакомых начальников среднего звена. Магическое обаяние политики постепенно сходило на нет. Политический пафос уходил в историю. Прочитирую поэта: «Эпоха зрелищ кончена,/Пришла эпоха хлеба./Перекур объявлен/У штурмовавших небо./Перемотать портянки/Присел на час народ,/В своих бутинках спящий/Невесть который год»¹.

Целостный миф, воплощенный в сталинском слове, распадался на отдельные осколки. Сквозь разрывы и трещины любознательные граждане пытались разглядеть иной идейно-художественный мир. В материалах партийных собраний Молотовского госуниверситета не однажды упоминаются студенты, увлекающиеся дореволюционной литературой². Более того, приоритет хозяйства над политикой привел к первенству житейского опыта над идеологией. Речи партийных ораторов проверялись теперь на соответствие реальностям. Слушатели легко обнаруживали ложь и, не чинясь, высказывали свои соображения в дружеском кругу, или публично.

Политический текст остался без автора, придававшего своим неоспоримым авторитетом высший смысл напечатанным строкам и абзацем. Сталинские труды, в том числе и главный – «Краткий курс истории ВКП(б)» – силою этого обстоятельства превращались в памятники политической мысли. Монолитность политического текста была нарушена хозяйственными и бытовыми вставками, отличными по языку и смыслу. Возникла проблема, как соотнести письменную традицию, начатую до Сталина, с его наследием и современными темами. Перед партийными идеологами встала задача – восстановить единство политического текста, собранного из разных фрагментов, чтобы при его помощи легитимировать современный им политический режим, лиде-

¹ Слуцкий Б. Современные размышления. // Слуцкий Б. Стихи разных лет. Из неизданного. М., 1988. С.8.

² См.: Лейбович О. Университетские истории. Пермь, 1997.

ров и проводимую ими политику, то есть создать им родословную, выстроив коммуникации к досталинской литературной традиции, прежде всего, к ленинским трудам.

Таким образом, в 1953–1956 гг. политический паттерн прежней эпохи теряет свою определенность. Прежние ориентиры, оправданные мифом о счастливой советской действительности, сталкиваются с новой реальностью. В ней все зыбко и неопределенно: власть без террора и величия; повседневность, торжествующая над идеалами; слова, не собранные в общий текст. Такая ситуация порождает политическое отчуждение в своей самой примитивной форме. Люди, в большинстве своем, уходят от политических практик, теряющих характер священнодействия – торжественного, патетического и обязательного. Но для того, чтобы этот уход был закреплён в культуре, необходимо еще одно усилие, дополнительный шаг, совершенный Н.С. Хрущевым на XX съезде КПСС.

Замечу, что разоблачение Сталина во многом диктовались логикой аппаратной борьбы в Президиуме ЦК КПСС. Для дискредитации соперников использовались приемы, выработанные в эпоху фракционных столкновений 20–30-х гг. – обращение к истории партии. Только тогда действовало правило, ставшее спустя поколение неактуальными: в поведении противника в прошлом искали политические ошибки: «небольшевизм», «октябрьский эпизод» и пр., сводящиеся, в конечном счете, к прежним разногласиям, или оттенкам этих разногласий с Лениным. Искать разногласия со Сталиным внутри его ближайшего окружения было занятием совсем уже бесперспективным. Во времена Большого террора появились новые темы: заговор с целью реставрации капитализма, шпионаж, вредительство. Возвращаться к таким сюжетам и практикам новые правители не хотели и не могли: даже устранение Берия проходило под флагом борьбы с террором. В вину можно было поставить только избыточное рвение в проведении сталинской политики. И потому взаимные упреки в неправильном поведении членов Президиума ЦК КПСС в прошлые времена не могли обойти молчанием фигуру хозяина. Все решал только он. И люди, попавшие в положение

обороняющихся, повторяли одно и то же: мы исполняли поручение «инстанции». Возразить на это было нечего, кроме совсем уже беспомощного: «Напрасно сваливаете на покойника»¹. Нельзя было даже сказать – не так советовали, разве что – не так информировали.

И тут нужно было или исключать историческую тему из аппаратной борьбы, или не останавливаться перед критикой Сталина. Для Хрущева и других «молодых членов» руководства уход от истории означал добровольный отказ от политических преимуществ, которыми они обладали по отношению к публичным фигурам Большого террора – Молотову, Кагановичу, Ворошилову. Это вовсе не означало, что Хрущев в кровавых чистках не участвовал, просто он – сначала вместе с Берия, затем с Маленковым – потом в одиночку разыгрывал роль борца против репрессий, покровителя партийных аппаратчиков, роль человека, прекратившего террор. Его противники, по всей вероятности, удивленные такой метаморфозой, ничего не смогли противопоставить, кроме запоздалых контробвинений – ты, де, и сам во всем участвовал².

Вопрос стоял именно так: уступить ветеранам Сталинского политбюро, куда более известным широкой публике, или сделать следующий шаг – обвинить их в том, что они вместе со Сталиным избивали партийные кадры и тем самым их скомпрометировать. Для этого, однако, нужно публично объявить, что террор 1937 годы был политическим

¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998. С. 49.

² В этой связи примечателен обмен репликами между Л.М. Кагановичем и Н.С. Хрущевым на пленуме ЦК КПСС в июне 1957 г. Кагановича обвинили в том, что он уничтожал партийные кадры. Тот возражал: «Каганович. Я говорю о политической ответственности. Обстановка была острая, мы действовали очень быстро, и то, что тов. Жуков вытащил фамилии только двух-трех, которые подписывали документы, а другие не упоминает, – это фракционный маневр. Вот где фракционность. Топите тех, кого выгодно, и замалчиваете о других. Все Политбюро. А тройки областные – во всех областях были тройки во главе с секретарем обкома. Г о л о с а. А по чьему указанию? Кто создавал? Хрущев. Кто учредил этот преступный порядок создания этих троек? Все, кто входил в эти тройки, расстреляны. Голоса. Правильно. Каганович. Не все. Хрущев. Абсолютное большинство расстреляно. Каганович. А Вы разве не подписывали бумаги о расстреле по Украине? Я из Москвы ушел в марте 1935 года, из ЦК ушел в 1934 году, я работал на хозяйственной работе. Голос. И там расстреливали. Жуков. 300 человек железнодорожников. Хрущев. Разве судебные и чекистские органы были подчинены партийным органам? Никогда не были. Меня считали польским шпионом». Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998. С.68.

преступлением, за которое несет ответственность лично Сталин. Первоначально такой ход казался компромиссом, позволяющим очистить-ся от обвинений в избиении большевистских кадров всем членам Президиума, которые могли винить себя только в том, что были чересчур преданы Сталину. Позднее обвинения в террористических практиках стало главным основанием для изгнания из руководства всех хрущевских соперников и проявивших слабость сотрудников.

Процесс реабилитации начался в марте 1953 г. Вначале возвращали из ссылки и тюрьмы репрессированных клиентов самых влиятельных патронов – Л.П. Берия, Г.М. Маленкова – членов их «больших домов», а также кремлевских врачей, в чьих услугах нуждались немолодые и нездоровые мужчины, занявшие высшие должности. Затем пришел черед других. Порядок реабилитации, ее последовательность определялся конъюнктурой межклановой борьбы. Нужно было Хрущеву перехватить инициативу у Маленкова, пересматривалось «Ленинградское дело». «Молодые» решили указать на место неуступчивому Молотову, начали реабилитацию членов ЦК, выбранных на XVII партсъезде¹.

Доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» не был импровизацией. Основной термин, вынесенный в заголовок доклада, был пущен в оборот в марте 1953 года. По мнению Д.М. Фельдмана, «Маленков использовал термин *культ личности*, дабы не сказать *культ Сталина*. <...> Слово *личность* функционально заменяло здесь имя, которое Маленков не желал произносить». Н.С. Хрущев придал этому обороту новое значение – «...абсолютная диктатура Сталина. При этом смысл термина тоже изменился. Смысл – нарушение не только партийных традиций, но и советских законов»².

На съезде было сказано и второе словосочетание *массовые репрессии*, которому было придано значение террористических практик против партийных кадров.

¹ См.: Реабилитация: как это было. Документы президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т.1. Март 1953 – февраль 1956. М., 2000.

² Фельдман Д. Терминология власти. М., 2006. С.38, 63.

В действительности, новым и шокирующим в докладе можно считать развернутую, эмоционально насыщенную, проиллюстрированную фактами и статистическими данными дискредитацию Сталина. Доклад был выдержан в древнейшем жанре – обличения; причем авторы должны были осуществить виртуозную операцию по отлучению своего главного персонажа от системы, которую он выстроил и, что самое главное, символизировал в глазах присутствующих. Следующим шагом было бы забвение: уже привычное вычеркивание ненужного лица из учебников истории и газетных статей. Впоследствии в прессе, в учебниках и в исторических монографиях появился эвфемизм *партия организовала и повела*. Его употребляли как синоним, заменяющий неудобное имя. Итальянский журналист, вернувшийся в Москву в 1963 г., был удивлен и даже несколько шокирован, обнаружив, что «...из музея революции все следы Сталина исчезли»¹. В 1956 г. Сталин был слишком велик, запечатлен в тысячах каменных истуканах, в мириадах портретов, в названиях улиц. Культ Сталина был сродни религиозному, и сразить его надо было тем же оружием. Марксистский дискурс для такой процедуры не подходил. Хрущев обратился к другой традиции – христианской и миссионерской. Сталин в докладе был стилизован под князя тьмы, или иначе, павшего (в 1934 г.) ангела. Сталин – первопричина всех пороков и преступлений, он губил партийные кадры по собственному капризу, поскольку был обуреваем дурными страстями, прежде всего, подозрительностью и гордынею. Чего в докладе нет, так это десаκραлизации Сталина. Из царства света эту фигуру, наделяемую сверхчеловеческими чертами, перемещали в царство тьмы, но, испугавшись, на полпути бросили, оставили на разделительной линии. Игра полутеней придавала ее облику дополнительную выразительность, загадочность и притягательность.

В докладе Сталин противопоставлен Ленину, которому были приписаны противоположные черты – личная скромность, гуманность, снисходительность, предусмотрительность, всеведение и толерант-

¹ Боффа Дж. После Хрущева. М., 1966. С. 157.

ность. Когда Хрущев углублялся в детали, его подводил язык. Прямо по «Краткому курсу», или фильму «Ленин в октябре» он рассказал о «предательстве революции» Каменевым и Зиновьевым и тут же похвалил Ленина за то, что он «...оставил их в партии, в руководстве»¹.

Доклад нужное впечатление произвел; культурный шок вызвал. И Сталин, и его соратники были не только символическими фигурами, оберегающими социалистический порядок. Запечатленные в названиях улиц, районов и городов, заводов и колхозов они маркировали освоенное пространство. Деноминация городов и сел, снос памятников, перекраивание исторических мифов – все эти правительственные меры колебали основы жизненного мироустройства.

Тем более, что партийные функционеры на местах попали в тяжелое положение. Им разослали текст доклада, поручили организовать его читку в организациях, но не снабдили ни методическими инструкциями, ни вспомогательными материалами. Секретарь обкома К.И. Галаншин объяснял свое невразумительное выступление перед коммунистами университета тем, что «... в обкоме партии нет других документов, кроме закрытого письма», поэтому он ничего к нему добавить не может².

Ошеломленные коммунисты высказывались, как могли и умели. В ежедневных информационных отчетах, адресованных Молотовским обкомом в ЦК КПСС, представлена вся палитра мнений; вернее, осколков разбитого вдребезги политического сознания. Вот мнение члена партии Кузнецова (г. Соликамск): «Я все время считал тов. Сталина вождем – и потому (во) все, что написано в докладе тов. Хрущева не верю, можете меня исключать из партии, я не верю». После этого Кузнецов ушел и не стал присутствовать при ознакомлении с докла-

¹ См.: Продиктованные Н.С. Хрущевым дополнения к докладу «О культе личности и его последствиях» // Реабилитация: как это было. Документы президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т.1. Март 1953 – февраль 1956. М., 2000. С.365–379; О культе личности и его последствиях. Доклад первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду КПСС. 25 февраля 1956 // Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С.19–67.

² Протокол партийного собрания Молотовского госуниверситета. 29.03.1956 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп.1. Д.120. С.16.

дом тов. Хрущева». В расположенной неподалеку Чердыни кто-то из коммунистов, напротив, потребовал немедленно «...убрать из мавзолея этот вонючий труп».

Участники собраний приступили к оценке деятельности Президиума ЦК и его наиболее влиятельных членов. «Я считаю, что в поступках Сталина виновны и члены ЦК КПСС. Я обвиняю тт. Хрущева и Булганина, а также и Маленкова... Они проявили трусость», – обличал подполковник Давыдов (г. Нытва). В Березниках спрашивали: «На XIX съезде КПСС почему не выступали Хрущев, Молотов, Ворошилов? Помрет Хрущев – тоже скажут: у него есть недостатки».

Слушатели доклада вспомнили и о некогда непогрешимых и наводящих страх органах и их агентуре. В Управлении пожарной охраны (г. Молотов) прозвучали прямые угрозы: «Нам известны люди, которые клеветали в 1937 г. Если правительство ими не займется, мы сами их найдем». В Краснокамске спрашивали: «Будут ли особые отделы..., то есть слежка за людьми?» Участники собраний готовы были покуситься на святыни. «Почему у нас в стране одна единственная партия, – спрашивали в Уинске, – не является ли это ущемлением демократии?». «Если бы так продолжалось дальше, – интересовались в Кунгуре, – могла ли у нас быть революция?»

Острые критики поворачивалось против местных начальников. В культе личности обвиняли хозяйственных руководителей заводского и цехового уровня. Начальников уличали в том, что те «... ведут себя крайне хамски, позволяют всякие оскорбления и унижения вплоть до нецензурных и т.п.». Вспомнив о директорах, «эксплуатирующих» рабочих, не забыли и об их женах, которые разъезжают «в кафе на "зимах"; официантки грузят /им/ пироги в машину...»¹.

Во всех этих высказываниях, репликах и вопросах зримо проявились первичные черты культурного шока – ослабление самоконтроля, отход от норм политического языка, даже стремление нарочито снизить ситуацию. Среди вопросов, заданных докладчику, есть и такой: «Почему

¹ См.: ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.8. Д.197. С.13; Д.199. С.73, 76, 87-90, 121, 130; Д.200. С.18, 30.

нет картофеля в магазинах?». Человек или был ошеломлен настолько, что потерял чувство времени и места, или попытался спрятаться за знакомыми оборотами. Возможен, правда, и другой вариант. Слушателю это все было совсем неинтересно; он уже жил частной жизнью.

Реакция на доклад бывала и парадоксальной. Студенты университета смеялись, услышав о планировании военных операций по глобусу; комплиментах, которые отпускал в свой адрес И.В. Сталин, о «шевелении мизинцем...»¹.

Комсомольцы узнали из доклада много нового касательно советской истории и нравов большого руководства. Что касается номенклатурных работников, то вряд ли они были ошеломлены, услышав о 1937 годе. Многие сами в большой чистке участвовали, разоблачали, говорили речи, голосовали. Некоторые из сотрудников аппарата провели этот год в следственных тюрьмах НКВД. В контрольных списках работников, занимающих должности номенклатуры ЦК ВКП(б) по областям есть рубрика – прежняя занимаемая должность. Как правило: главный инженер, парторг ЦК ВКП(б). Но вот в списке, например, за 1945 г. встречаются и другие записи – спецбюро НКВД (заключенный), особое бюро НКВД (заключенный)². Таких людей на партийной работе оставалось немало. Даже особое слово возникло, при помощи которого бывшие сидельцы, освобожденные перед войной, обозначали свое временное пристанище – «академия»³. О терроре 1937 г. партийцы старше сорока знали в деталях, только говорить об этом было не принято. Потрясло их другое – безудержное, открытое, не упакованное в марксистские формулировки «о классовой природе», о «мелкобуржуазности», обличение Сталина,

¹ Отклики на доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях». Март – апрель 1956 г. //Россия. 1941–1991. Документы, материалы, комментарии. Пермь, 1993. С. 116–117.

² См.: Контрольные списки работников, занимающих должности номенклатуры ЦК ВКП(б) по Молотовской области за первое полугодие 1945 года// ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.11. Д.430. 103 л.

³ Вот диалог, произошедший в служебном кабинете в конце войны между корреспондентом «Известий» и заместителем председателя Молотовского облисполкома: «А я только недавно узнала, что Вы тоже прошли академию». Я сначала не понял. – «Вы тоже сидели в тюрьме в 37 году», – пояснила Мальц. Я ответил, что исключался из партии, но в тюрьме не сидел, и никакой «академии» не проходил, т.к. 9 месяцев пребывания вне партии работал на заводе в очень хорошей обстановке». Назаровский – Гусарову. 28 02 1945// ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.11.Д.154.Л. 15.

очень напоминающее символическое убийство. Конечно, спорить с начальством, а тем паче уходить в отставку, эти дисциплинированные люди были не приучены. Опомнившись от первого шока, они взяли реванш, преследуя молодых людей, пожелавших не только услышать, но и понять, что происходило в стране в прошлые годы, не сохраняются ли корни для культа личности в годы сегодняшние¹.

Изгнание из президиума ЦК последних сталинских ветеранов в 1957 г. повлекло за собой новую волну слухов и критических замечаний. Местные «пикейные жилеты» тут же поставили диагноз: продолжается борьба за власть – беспринципная и откровенная.

Победители «антипартийной группы» извлекли урок из мартовской недели свободы 1956 г. Докладчики получили надлежащий текст, наполненный общими рассуждениями об антиленинской сущности взглядов В.М.Молотова, Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича и «примкнувшего к ним» Д. Т. Шепилова.

Партийное собрание в университете, носящем имя Молотова, назначили перед отпуском – 4 июля. С докладом выступил председатель Молотовского обкома Никольский. Он зачитал присланный из ЦК документ. Слушатели принялись задавать каверзные вопросы:

– Получил ли на Пленуме какое-либо взыскание тов. Хрущев и за что?

– В Вашем докладе есть невольное противоречие: Вы не коснулись вопроса о том, в чем же была сущность аргументации Маленкова, Молотова, Кагановича, убедившей, видимо, в какой-то момент тов. Булганина, Первухина, Сабурова, которые, несмотря на неустойчивость, не новички в марксизме?

– Мне приходилось слышать сегодня <...> совершенно необоснованное мнение о том, что эта группа выступила против прекращения выпуска займа, за что была обвинена. Абсурдность этого мнения мне была очевидна. Известно ли вам их отношение к этому мероприятию?

¹ Подробней см.: Лейбович О. В городе М. Очерки политической повседневности советской провинции в сороковых – пятидесятых годах XX века. Пермь, 2005. С. 202–234.

– Какую позицию занимал на Пленуме ЦК КПСС и в Президиуме тов. Ворошилов?

– После всего происшедшего удобно ли нашему городу носить имя тов. Молотова? Какие шаги предприняты в этой связи?

Никольский отвечать не стал. В докладе он изложил, что положено и за его пределы выйти не захотел.

Дискуссия была оживленной. Ф.С. Горовой предложил «...восстановить прежнее название городу Молотову – город Пермь, а Молотовской области – Пермской» и одновременно «переименовать Молотовский и Кагановический районы». К нему тут же присоединился Я.Р. Волин. Малофеев «... выразил несогласие с тов. Никольским, который отказался отвечать о платформе оппозиционеров» и предложил исключить Маленкова из партии. Чусовитин тут же объяснил, что «... подобная группа могла возникнуть в результате недостатков в работе Президиума ЦК», добавил несколько слов о «склоках», его разъедающих и раскритиковал номенклатурный принцип: «Провинившиеся кадры, как в шахматах фигуры, переставляют с места на место. Надо такие кадры не передвигать, а смещать и направлять в народ».

«На душе горько», – признался В.В.Мухин. К.С. Маханек недоумевал, как «Маленков и другие сбили с толку тов.Булганина»? «Доводы письма неубедительны», – заявил Уточкин.

Игнатьев заговорил о «расколе партии», но резче всех выступил П.И. Хитров. Он начал с того, что в докладе нет достаточных материалов, чтобы судить, кто прав, кто виноват, а потом обвинил Президиум ЦК в «семейственности и двурушничестве», напомнил пословицу, что «рыба гниет с головы» и осудил «культ Президиума ЦК».

Судя по всему, собрание оторопело. П.И. Хитров был известен всем другими выступлениями. Спасать положение принялся ректор В.Ф. Тиунов: «Тов. Хитров выступил на низком теоретическом уровне. Как историку ему это совершенно непростительно <...> Выступление тов. Хитрова путанное и недопустимое». Ему вторил бывший секретарь

партбюро В. В. Кузнецов: «Выступление тов. Хитрова было путанным и неправильным».

Никольский не на шутку рассердился: собрание вышло из-под контроля: «О какой же "гнилой рыбе" и об "освежении" говорят здесь товарищи. Нет ничего странного в том, что партработник становится профессией. Тяжелое впечатление осталось от выступления тов. Хитрова. Неправ тов. Хитров, который требовал доводить до народа все документы. С таким бойцом я не пошел бы сражаться. У него каша в голове. Никакого культа Президиума ЦК нет. Это чепуха <...> Тов. Хитров виляет хвостом. Более низкого выступления я давно не слышал».

В конце концов, собрание одобрило решение ЦК и осудило «...политически путанное и неправильное выступление тов. Хитрова», который до этого успел взять слово для справки, что хвостом он не вилял, а вот «мера наказания для антипартийной группы недостаточна»¹.

Город переименовали в Пермь, что вызвало дополнительную волну критики, на этот раз со стороны рабочих, проделавших несложную логическую операцию: выгоняют старых большевиков – ухудшается продовольственное снабжение. «Почему городу Молотову и области предлагается старое название Пермь, от которого все давно отвыкли и от которого пахнет стариной, – спрашивали на том же заводе им. Калинина в июле 1957 г., – почему нельзя назвать каким-нибудь уральским названием как Прикамск, или другим подходящим? Почему г. Молотов переименовывается в г. Пермь, не считаясь с жителями г. Молотова? Ведь тов. Молотов – не враг народа»².

Власть, после Познани, а затем и Будапешта осознавшая, что дальнейшее обсуждение культа личности угрожает системе, запретила публичные дискуссии на эту тему. Летом 1956 г. был отменен запланированный пленум по идеологии. Вместо него было принято постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», в

¹ Протокол партийного собрания. 4.07.1957 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп.1. Д.122. С.68–77.

² Вопросы, заданные на собрании партийной организации завода им. Калинина // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.21. Д.62. Л.74–75, 78.

котором была сделана попытка институализировать новый политический тезаурус: *Культ личности – это пройденный этап в жизни советской страны, культ личности противоречит природе социалистического строя, он превращался в тормоз на пути развития советской демократии и продвижения советского общества к коммунизму, источники культа следует искать в сложной международной и внутренней обстановке; выступление против Сталина не было бы понято народом, культ личности не мог изменить и не изменил природы советского общественного строя*¹.

После XX съезда КПСС можно наблюдать, прежде всего, в кругах партийной интеллигенции, раздвоение политического паттерна. Дискурс остается общим: *(культ личности, противопоставленный ленинским нормам партийной жизни; социалистическая законность versus массовых репрессий; догматизм против творческого развития марксизма – ленинизма, социалистическая демократия против бюрократизма)*; политические стратегии расходятся. Первая из них может быть названа стратегией конформизма.

Партийное руководство предъявила к сознательным гражданам новые политические требования: нужно ссылаться на революционные традиции, изучать, но не прорабатывать труды Ленина, поддерживать все мероприятия нового политического курса, проявлять бдительность по отношению ко всякого рода идейным шатаниям, никогда не критиковать партийное руководство. По сравнению с прежними установками они не слишком обременительны, во всяком случае, не требовали ни полной самоотдачи, ни публичной самокритики, ни больших временных затрат. Отдай политике что положено – и занимайся собственными делами.

Вторая стратегия была принята людьми, не удовлетворенными слабостью, а на самом деле, принципиальным отсутствием марксист-

¹ См.: Записка комиссии ЦК КПСС под председательством П.Н. Поспелова в ЦК КПСС о представлении проекта постановления ЦК КПСС «О работе партии по преодолению культа личности и его последствий»//Реабилитация: как это было. Т.2. Февраль 1956 – начало 80-х годов. М., 2003. С.132–146.

ской интерпретации природы культа личности, отказом от глубокого анализа состояния советского общества, робостью и непоследовательностью политики демократизации. Свою миссию они видели в том, чтобы помочь реформаторам в партийном руководстве, самостоятельно проделав ту мыслительную работу, на которую практики из ЦК были не способны, а также предоставить им информацию, искажаемую местными догматиками – бюрократами. Такую линию политического поведения можно назвать стратегией инициативного участия. Молодые люди пытались выступать на собраниях, призывая к активности и принципиальности. Все эти попытки наталкивались на равнодушие сверстников и наказания со стороны умудренных старших товарищей. На комсомольском собрании физического факультета в университете студент III курса И. Шарц, пытаясь активизировать притихшую аудиторию, бросил в лицо товарищам: «Вы все трусы и лицемеры. По за-углам шепчетесь, что коммунизм – это лишь новая религия, а здесь молчите»¹.

Публика безмолвствовала. «Никто не дал ему отповедь», – сетовала секретарь комитета комсомола В. Стряпунина².

Стратегия инициативного участия оживила на время интерес к политическому марксистскому дискурсу у интеллигенции. Понять природу культа личности, обнаружить его проявления в современной действительности – излюбленные темы обсуждений в студенческих аудиториях, общежитиях и курилках, потом на кухнях.

Власть была не способна к марксистскому анализу ситуации вовсе не по причине заскорузлого догматизма ее идеологов. По авторитетному суждению И.С. Кона, «они» прекрасно все понимают, но не хотят, или боятся»³.

Страх был вполне оправдан. Во-первых, производить марксистский анализ феномена культа личности означало идти по стопам Льва

¹ Справка «О фактах проявления политически нездоровых настроений среди студентов Молотовского госуниверситета»// ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.23. Д.87. С.124.

² Протоколы партийных собраний. 1957//ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп.1. Д.120. С.113.

³ Кон И. Эпоху не выбирают..., С.30.

Троцкого, исписавшего сотни страниц на эту тему. Обвинение в *троцкизме* и в 1956 г. оставалось таким же политически убийственным, как десятилетием раньше или позже. В этой части политический тезаурус не изменился и после того, как ошельмованный вместе с автором «Краткий курс» изъяли из обращения. Во-вторых, марксисты, исходящие из примата экономического базиса над идеологической надстройкой, должны были признать, что хозяйственная система производства и распределения в тридцатые и в пятидесятые годы оставалась той же самой и, стало быть, сохраняла в себе источники для воспроизводства культового режима. Прочитую Д. Лукача: «Для мыслящих людей, искренне преданных делу прогресса, неизбежно возникала проблема социального генезиса этого этапа развития, – проблема, которую первым точно сформулировал Тольятти, когда он указал на то, что необходимо прояснить социальные условия, в которых появился и консолидировался "культ личности". Тольятти столь же справедливо добавил, что это задача в первую очередь – для советских ученых»¹.

Размышлять над культом Сталина в марксовых терминах означало на деле подвергнуть сомнению фундаментальные основания советского строя. Для людей, призванных его защищать, такие действия были бы противоестественными. Совсем по-другому вели себя интеллигенты, не удовлетворенные интеллектуальным содержанием доклада Хрущева и последующей политикой, больше напоминающей откат, нежели прорыв в будущее. Партийная пропаганда создавала авторитет первому секретарю методами, апробированными в сталинскую эпоху. Публичное поведение Хрущева отличалось грубостью и бесцеремонностью.

¹ Lukacs G. Reflection on the Cult of Stalin/ <http://www.marxists.org/archive/lukacs/works/1962/stalin.htm>. Лидер итальянских коммунистов П. Тольятти в 1956 г. в одном из интервью о культе личности позволил себе рассуждать о «бюрократизации партии» и «некоторых формах перерождения советского общества», а также об «ошибках общего порядка», допущенных КПСС. Президиум ЦК тут же направил ему официальное письмо, в котором указал на допущенные им «неправильные выражения» и «неудачные формулировки»: «тезис о перерождении советского общества подрывает веру трудящихся в преимущества социалистического строя вообще». См.: Постановление Президиума ЦК КПСС. О письме ЦК КПСС г. Тольятти. 30 06 1956// См.: Реабилитация: как это было. Документы президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т.2. ..., С. 147.

Рассерженные партийцы все чаще применяли термин «Култ личности» для характеристики нового режима. В сельском Карагайском районе на партийных собраниях звучали речи такого содержания: «Что касается культа личности т. Хрущева, то осталось только несколько песен про него сложить...». Ораторы говорили, что «... култ личности Хрущева в настоящее время сильнее, чем был у Сталина; что жить в настоящее время стало труднее, чем было раньше». В решении бюро РК КПСС специально подчеркивалось, что «остальные коммунисты не дали принципиальной оценки демагогическим вывихам»¹.

Наивные люди, получившие образование в советских вузах, исходили из того, что руководители страны являются идейными людьми, представителями рабочего класса – и потому не имеют никаких частных, или корпоративных интересов. Они честно ошибаются, или чего-то недопонимают. Им надо подсказать, подвергнуть справедливой критике, и тогда Хрущев с товарищами одумаются и исправятся. Преподаватель политэкономии Пермского госуниверситета В. Кумсков обратился в Президиум ЦК КПСС с письмом такого содержания: «Култ личности у нас существует от культа Хрущева до культа председателя райисполкома во всех звеньях нашего партийного, советского, хозяйственного аппарата. Бесчестная, преступная и трусливая бюрократия, подобно спруту, своими отвратительными щупальцами пронизала все звенья партийного, советского и хозяйственного аппарата сверху до низу. Она давит и душит наше общество, сковывает его развитие. Она отделена от народа и стоит над народом, так как живет в несравнимо лучших условиях, практически неподотчетна народу и несменяема народом. Все наиболее важнейшие политические и государственные дела бюрократия вершит тайно от народа. Она не хочет поступаться ничем из своих чрезмерно раздутых материальных интересов и возможностей для действительного улучшения жизни народа. <...> Ленина пре-

¹ Протокол заседания бюро РК КПСС 23.02.1961 // ПЕРМГАНИ. Ф.81. Оп.15. Д.147. С.55–56.

вратили в икону, а его учение – в собрание догм, которыми удобно пользоваться при любой конъюнктуре»¹.

На самом деле, преграды для демократических реформ были еще непреодолимее, чем для свободной критики. Для нее в действительности был только один путь, о котором догадывались даже уинские партийцы – создание многопартийной системы со свободным соперничеством политических сил, или ее аналога – свободы фракций и группировок внутри партии. Согласиться с таким подходом власть предержащие не могли и в силу традиций, и сообразуясь с инстинктом самосохранения.

Стратегия инициативного участия, выбранная незначительным меньшинством, в конечном счете, выродилась в «кухонный марксизм» – необязательную и пустую болтовню на одни и те же темы².

Что касается громадной массы рабочих и колхозников, то для них политические темы были заглушены хозяйственными заботами. И о руководителях они судили, исходя из собственного житейского опыта. В их настроениях преобладает критическая струя. Новые правители, в отличие от предшественников, не настоящие; они не умеют карать, много болтают и плохо заботятся о трудящихся: кормят весь мир, сами объедаются, а о простых советских людях не думают. Культурные архетипы остаются неколебимыми, практики сводятся к формальному участию в манифестациях, все той же властью заказанной, бунтарский дух уходит в анекдоты, в пьяные дебоши. Все – и бунтари, и конформисты, и выпивохи, и трезвенники – инстинктивно сторонятся политики, уходя от нее в любую предоставляемую властью щель.

¹ Справка о письме антисоветского содержания, отправленном Кумсковым В. И. в адрес ЦК КПСС. Январь 1959 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.26. Д.62. С.59-60.

² О сходных практиках, отделенных 200 годами от постсталинского времени, писал Ф.Фюре: «Литераторы отдавали предпочтение закону перед фактом, принципам перед балансом интересов, а также средствам, ценностям и целям перед властью и действием. Таким образом, лишенные истинных свобод французы получили абстрактную свободу и, не имея ни конкретного опыта, ни понимания пределов действия, неосознанно стремились к политической иллюзии». Фюре Ф. Постижение французской революции. СПб., 1998. С.45.

Для множества людей пережитый ими культурный шок стал поводом для того, чтобы отвернуться от загаженных алтарей и, соблюдая социалистическую обрядность, заняться собственными делами: обустроить свою повседневную жизнь, в тени партийного государства плести частные социальные сети, приспособленные для эффективного получения сугубо материальных благ: мебели, одежды, продуктов питания, жилплощади, путевок. Приверженцы сдвигали ряды вокруг поверженного кумира. «Почему ходят анекдоты про Хрущева, а при Сталине не было», – допытывались в 1957 г. партийцы завода имени Калинина у председателя Молотовского облисполкома¹.

Власть предоставляла разным людям многочисленные поводы для недовольства. Одним она казалась безыдейной, другим – бестолковой, третьим – эгоистичной. Все сходились на том, что новое руководство не в состоянии обеспечить населению обещанный сносный уровень жизни. С ропотом обывателей власть была вынуждена смириться. Главным итогом множества неупорядоченных публичных практик, вызванных культурным шоком от разоблачения Сталина на XX съезде КПСС и последующих актов десталинизации – переименования городов и улиц, сноса памятников, изъятия книг – можно считать институализацию новых паттернов политического поведения.

Прежде всего, для советского человека политика отложились в отдельную область общественной жизни, отличную от хозяйственной и, тем более, от формирующейся частной. Политическая активность означала участие в организованных публичных акциях, призванных выразить согласие с мероприятиями высшей партийной власти. От политических кампаний прошлой эпохи эти практики отличались рутинностью, регулярностью, строгим временным регламентом и отказом от взаимных разоблачений. Смысловое наполнение осталось прежним – демонстрация лояльности к власти, но иными менее обременительными и опасными для участников способами. На собраниях можно было

¹ Вопросы, заданные на собрании партийной организации завода им. Калинина // ПЕРМГАНИ. Ф. 105. Оп. 24. Д. 62. С. 77.

молчать. И никто не требовал к ответу своих товарищей, уклоняющихся от разоблачения антипартийной группы, или китайских маоистов. Достаточно было просто поднять руку в нужный момент. Тема критики и самокритики самого «острого оружия нашей партии» была постепенно сведена на нет. Ее заменили отчеты о достижениях. Политическая активность, заданная властными институтами, становится периферийным видом деятельности по отношению к производственной и потребительской. Происходит ее бытовизация. Демонстрации 7 ноября и 1 мая превращаются в праздничные шествия – веселые, нетрезвые, презентабельные. Знаменосцы получают денежное вознаграждение за тяжкий труд. День 8 марта становится домашним праздником, днем любимых женщин, поводом для публичных застолий и маленьких подарков со стороны сослуживцев. Политическая лояльность к власти принимает, по преимуществу, демонстрационный характер; происходит деполитизация социальной жизни.

В основе политических паттернов остается текст, представляющий собой конгломерат из ленинских трудов, партийных постановлений, речей и статей руководителей. Несмотря на то, что из него изъяли беллетристику, дискурс перестал быть монолитным. Его разнородные элементы, отличные по языку, сюжетам, пафосу, пригнаны друг к другу внешними усилиями – программами политического просвещения, вузовскими учебными курсами. Ленинские произведения обладают признанным первенством по отношению ко всем прочим документам; созданные в другую эпоху и предназначенные иным читателям они сложны для восприятия, иногда просто непонятны, допускают разные толкования и мало соотносятся с новыми политическими документами. Ленинские тексты размыкают границы политического дискурса. Они полемичны, в них содержатся указания на иные взгляды и интерпретации; знакомство с ленинским наследием порождает соблазн узнать из первых рук, что писали и думали его оппоненты. Более того, некоторые ленинские высказывания, опубликованные в полном собрании сочинений, порождают неприятные аллюзии. На фоне ленинских работ

современные партийные документа теряют свою авторитетность. Амбивалентность политического текста делает его удобным для индивидуальных и групповых интерпретаций, в том числе, и критических по отношению к действующей власти. Возникает разрыв между политическим текстом и демонстративной политической активностью, заполняемый житейским опытом, лишенным вербальной определенности. Косноязычие становится языком политической обрядности.

В отличие от текста символический мир политики выстроен строго по ранжиру. На вершине Ленин, которому приписаны все человеческие достоинства и надчеловеческие возможности. Рядом с Лениным фигура первого секретаря, или генсека – самого верного ленинца и продолжателя его учения. Чуть ниже соратники, некогда бывшие положительными персонажами «Краткого курса», за исключением его автора. Они окружены пламенными революционерами, большей частью безымянными – комиссарами в пыльных шлемах. Чуть поодаль – герои войны: маршалы победы и красноармейцы. По другую сторону расположены герои труда: тут и передовые рабочие, и великие физики. Есть еще и задний фон, где на некотором удалении располагаются деятели прежних эпох – Александр Невский, Александр Суворов, Петр Великий. Пантеон велик и разнообразен настолько, что это не позволяет объединить всех его персонажей в целостную эталонную группу. Для гражданина есть возможность выбора, а с ним и выстраивания собственной политической ориентации в разрешенных пределах. Человек, равняющийся на старых большевиков, в своих политических взглядах и демонстративных актах отличается от своего товарища, строящего жизнь по Стаханову. Символы разнятся. Можно держать дома портрет Че Гевары, а можно и портрет Хемингуэя.

Величина и всеохватность большого пантеона порождает соблазн выстроить собственный пантеон для личного, или дружеского пользования, отобрать близкие себе персонажи из пантеона общего и добавить других лиц из того же ряда, но не пользующихся официальным признанием. Люди, сознательно избегающие политики, создают осо-

бый символический мир, который условно можно назвать олимпийским. Он населен прозаиками и поэтами. В нем высшими авторитетами могут быть Достоевский, или Толстой; Пушкин, или Ахматова.

Единая эталонная политическая группа дробится на малые сообщества. Постсталинский пантеон теряет свои интеграционные свойства, все более становясь инструментом особой политической идентификации.

В таких условиях меняется характер восприятия власти, ее учреждений и людей. Действующая власть теряет сакральность. Ее вожди лишаются харизматических свойств. Легитимность определяется традицией. Священство уходит в глубь десятилетий. Десталинизация восстановила и приумножила культ Ленина. Начатая в прежнюю эпоху глорификация военных и государственных мужей старой России продолжалась и в последующем время. Память о Сталине, великом и ужасном, сохранилась в коллективном сознании. Более того, спустя короткое время, ропщущие по поводу житейских трудностей рабочие укоряли его именем современных начальников. По мере нарастания трудностей в снабжении и увеличения исторической дистанции конструировался новый миф о сталинском изобилии. На фоне прежних исполинов современные представители власти выглядели непрезентабельными эпитонами. Телевидение убедило миллионы людей в том, что высшие руководители страны ничем от них не отличаются, только выглядят хуже. Секретари, министры и маршалы мало напоминали героев исторических и батальных кинолент. В домашних условиях, или в курилках можно было рассуждать о них на языке повседневности, обсуждать одежду, жесты, телосложение, рассказывать анекдоты и беззлобно бранить за тщеславие, пустые обещания и сытую жизнь. «Один-два шага за границы дозволенного, если они сопровождались соблюдением коммунистических ритуалов и необходимыми "молитвами" о верности социализму, стали теперь допустимым риском, игрой с властью, которая могла и не закончиться тюрьмой, если ты успел вовремя вернуться в

очерченные коммунистическими правителями рамки, если ты научился правильно понимать политические сигналы и намеки»¹.

Обыденность победила сакральность.

Амбивалентность политических паттернов в соединении с пустой обрядностью политических практик породили явление политической шизофрении – раздвоенности, рассогласованности политического поведения. На публике в официальном мероприятии человек оперирует готовыми лозунгами, в подготовленный для печати текст вносит цитату из Н.С. Хрущева, или не возражает, когда за него это делают другие. В частной беседе он аттестует Никиту Сергеевича – кукурузником, рассказывает, или слушает анекдот о том, как сегодня догоняют Америку – и при этом вовсе не считает себя «двурушником», или «политическим лицемером». Такое поведение признается допустимым в условиях, когда люди проводят разделительную линию между публичным и частным пространством, более того, стремятся закрыть освоенное ими пространство от чужого вмешательства, наконец, создать в нем по индивидуально отобранным образцам (ориентирам) собственный стиль поведения, отличный от официального. Публичная сфера также распадается на отдельные секторы, требующие особых поведенческих стратегий. Одним из результатов этой дифференциации социального мира является специализированные, не совпадающие между собой артикуляции одних и тех же политических тем в разных социальных пространствах.

Новые политические паттерны, амбивалентные по своему содержанию, открыли перспективы полистилизма в границах советской культуры.

¹ Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. М., 2005. С.31.

**«...ПРОШУ ВЕРНУТЬ ПРАВО БЫТЬ РАВНОПРАВНЫМ
ГРАЖДАНИНОМ СВОЕЙ ВЕЛИКОЙ РОДИНЫ!»:
РЕАБИЛИТАЦИЯ ПАРТИЙНЫХ РАБОТНИКОВ,
РЕПРЕССИРОВАННЫХ В 1937–1938 гг.**

А. Колдушко

Процесс реабилитации лиц, осужденных по политическим мотивам, неотделим от имени Хрущева и от 1956 года, несмотря на то, что первые реабилитационные документы появляются после смерти Сталина.

В советской историографии проблемы, связанные с политической историей 1950–60-х гг. практически не разрабатывались. Не была исключением и такая «неудобная» тема, как реабилитация жертв политических репрессий. Имелось большое количество статей и трудов общего характера, посвященных «оттепели» и «славному десятилетию», однако специальных исследований по этой теме не было¹.

Удивительно, но и в настоящее время история политической реабилитации исследована мало и довольно односторонне. Ученых больше интересуют политические аспекты реабилитации: внутрипартийная борьба, механизм принятия политических решений², персональная

¹ Медведев Р. А. Н. С. Хрущев: Политическая биография. М., 1990; Никита Сергеевич Хрущев: Материалы к биографии. М., 1989; Свет и тени «великого десятилетия». Н. С. Хрущев и его время. Л., 1989 и др.

² XX съезд КПСС и его исторические реальности. М., 1991; Наумов В.П. Н.С. Хрущев и реабилитация жертв массовых политических репрессий // Вопросы истории. 1997. № 4; Пихоя Р.Г. СССР: история власти. 1945–1991. М., 1998; Пыжиков А.В. Политические преобразования в СССР (50–60-е годы). М., 1999.

роль советских руководителей в начатых преобразованиях¹. Работ, в которых рассматривается собственно сам процесс реабилитации и его «технология», немного. Среди них книга Н. Адлер «Трудное возвращение: судьбы советских политзаключенных в 1950–1990-е годы»². Это исследование, хоть и было первым обобщенным русскоязычным исследованием процесса реабилитации, в основном уделило основное внимание социальной адаптации возвращавшихся из ГУЛАГа жертв политических репрессий. В целом изучение реабилитационных дел жертв политических репрессий и официальных документов по этой тематике связано с юридической стороной изучаемого явления. Имеются публикации, посвященные анализу политико-правовых основ реабилитации, исполнения законодательства о реабилитации, механизмам ее осуществления.³

Первыми реабилитированными были партийные руководители. Несмотря на это, работы, непосредственно отражающие процесс реабилитации репрессированной партийной номенклатуры, практически отсутствуют. В отчете о работе комитета партийного контроля при ЦК КПСС 1961 г. было указано, что «за истекшее после XX съезда КПСС время реабилитированы в партийном отношении 30 954 коммуниста (многие по-смертно). Среди них 3693 бывших руководящих партийных и комсомольских работника, 4148 руководящих работников советских органов, 6165 руководящих хозяйственных работников»⁴. Данных по реабилита-

¹ См., напр.: Старков Б. Сто дней «Лубянского маршала» // Источник. 1993. № 4. С. 82–90; Зубкова Е.Ю. Маленков и Хрущев: личный фактор в политике постсталинского руководства // Отечественная история. 1995. № 4. С. 104; Хлевнюк О.В. Л.П. Берия: пределы политической «реабилитации» // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 152–153; Предисловие А.И. Пожарова к публикации А.И. Кокурина «Новый курс» Л.П. Берии // Исторический архив. 1996. № 4. С. 132–136; Наумов В.П. К истории секретного доклада Н.С. Хрущева // Новая и новейшая история. 1996. № 4.

² Адлер Н. Трудное возвращение: судьбы советских политзаключенных в 1950–1990-е годы. М., 2005.

³ См., например, Петров А.Г. Реабилитация жертв политических репрессий: опыт исторического анализа. М., 2005; Артизов А., Сигачев Ю. Реабилитация // Родина. 2003. №2.

⁴ Из отчета о работе комитета партийного контроля при ЦК КПСС за период с XX по XXII съезд КПСС (1956–1961 гг.) июль 1961 г. // Реабилитация. Политические процессы 30–50-х гг./ под общей ред. А.Н. Яковлева М., Политиздат, 1991. С.84.

ции иных социальных или профессиональных групп в отчете нет. Реабилитации репрессированных видных партийных работников посвящен начавшийся публиковаться с конца 1980-х гг. сборник «Реабилитирован посмертно». В нем сосредоточены очерки о видных деятелях партии, крупнейших военачальниках, ученых, врачах и т.д.¹ Между тем, до сих пор остается малоизученным аспект реабилитации жертв политических репрессий как общественно-политического явления.

В связи с этим, целью исследования является изучение реабилитации репрессированной партийной номенклатуры в общественно-политическом контексте явления. Реабилитация понимается в первую очередь как восстановление репутации человека, ранее безосновательно обвиненного. Представляется, что понятие «реабилитация» имеет более широкий смысл, чем простое восстановление в правах человека, подвергшегося политическим репрессиям. Это и восстановление утраченного «доброго имени», и возмещение морального и материального ущерба. Не будем забывать, что в 1956 г. реабилитация для людей, пострадавших от политических репрессий 1930-х гг., стала избавлением от прежних гонений, увольнений с работы, а для некоторых и способом поправить свое материальное положение.

Основными источниками исследования стали как опубликованные, так и неопубликованные документы и материалы. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. появилось значительное количество сборников документов по истории реабилитации², позволяющих значительно расширить возможности исследователей. В качестве неопубликованных источников использовались реабилитационные материалы архивно-

¹ См., например: Реабилитирован посмертно. Вып.1. М., 1988.

² Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Н.Ковалева, А.Коротков, С.Мельчин, Ю.Сигачев, А.Степанов. М., 1998; Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Наумов, Ю.Сигачев. М., 1999; Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: В 3 т. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956. Сост. А.Н. Артизов, Ю.В. Сигачев, В.Г. Хлопов, И.Н. Шевчук. М., 2000; Т. 2. Февраль 1956 – начало 80-х годов. Сост. А.Н. Артизов, Ю.В. Сигачев, В.Г. Хлопов, И.Н. Шевчук. М., 2003; Т. 3. Средин 80-х годов – 1991. Сост. А.Н. Артизов, А.А. Косаковский, В.П. Наумов, И.Н. Шевчук. М., 2004.

следственных дел на секретарей райкомов и горкомов Пермской области, репрессированных в 1937–1938 гг. Сейчас эти материалы хранятся в Государственном общественно-политическом архиве Пермской области. Документы дают характеристику судьбам людей, побывавших у кормила власти, в один миг сброшенных с вершины властной пирамиды и превратившихся во «врагов народа», а после вновь возведенных этой же властью в ранг героев.

Анализ реабилитационных материалов архивно-следственных дел позволил выяснить некоторые хронологические особенности процесса. В Прикамье первым реабилитированным партийным руководителем стал бывший секретарь Молотовского горкома ВКП(б) С.Д. Высочиненко¹. Его дело, разбиравшееся в декабре 1955 г., можно отнести к реабилитации жертв политических репрессий первой волны, которая развернулась еще до знаменитого XX съезда КПСС. Набор документов и материалов, касающихся реабилитации, в деле довольно скуден: пространное заключение военного прокурора, материалы проверки и определение Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Никаких сведений об инициаторах реабилитации Высочиненко в деле не имеется.

Последним реабилитированным стал секретарь Ленинского райкома ВКП(б) г. Перми А.Д. Золотарев (июнь 1990 г.)². Он принадлежал к тем партийным руководителям, которые были реабилитированы уже в годы третьей, горбачевской волны этого процесса. При изучении архивно-следственного дела складывается впечатление, что про Золотарева просто «забыли». Постановление о возбуждении уголовного дела по вновь открывшимся обстоятельствам было инициировано прокуратурой в конце ноября 1988 г. Несмотря на то, что большинство фигурантов, проходящих по делу, давно было реабилитировано, следствие затянулось почти на два года и проводилось с не меньшей тщательностью, чем в 1955–1956 гг.

¹ ПЕРМГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10115.

² ПЕРМГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16984.

Большинство реабилитационных процессов партийной номенклатуры произошло во временном диапазоне с апреля 1956 по сентябрь 1957 гг. Высшей точкой принятия решений о реабилитации становится сентябрь-октябрь 1956 г. Длительность процесса реабилитации от возбуждения уголовного дела по вновь открывшимся обстоятельствам до вынесения судебного решения была различной. С момента начала проверки до вынесения решения о реабилитации в среднем проходило около года. Однако исключениями стали указанные выше два дела. В рекордно короткий срок был реабилитирован С.Д. Высочиненко (процесс длился чуть более 3 месяцев), самым же затянувшимся процессом стала реабилитация А.Д. Золотарева.

Технологическое осуществление реабилитации партийных руководителей в разные периоды времени имело особенные черты. Так, весь процесс реабилитации секретарей райкомов и горкомов мы можем условно разделить на два этапа: конец 1955–1960 гг. и конец 1980-х-начало 1990-х гг.

Попытаемся описать стандартную схему первой волны реабилитации партийных работников. Импульсами, запускавшими процесс реабилитации осужденных к высшей мере наказания, являлись письма близких родственников в прокуратуру или в соответствующий отдел КГБ с просьбой выяснить судьбу арестованного и восстановить его честное имя. Механизм принятия решения о реабилитации был довольно сложным. Для проверки законности осуждения письмо и архивно-следственное дело отправлялось начальнику управления КГБ по Молотовской области. Проверка, как правило, включала в себя несколько мероприятий: 1) проверить принадлежность к контрреволюционной организации правых; 2) путем допроса или передопроса свидетелей установить действительность доказательств, указанных в деле или «свидетелей, могущих охарактеризовать осужденного в деловом и политическом отношении»¹; 3) составление обзорных справок по делам осужденных, указания на которые имеются в деле (с конца 1950-х гг. –

¹ ПЕРМГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10242. Л.70.

справки о прекращении дел); 4) запрос в партийный архив для получения информации о принадлежности репрессированного партийного руководителя к оппозиции, о выступлениях контрреволюционного характера и т.д.; 5) приобщение справок о судимости «за фальсификацию следственных дел на бывших работников УНКВД, проводивших следствие по данному делу»¹. Состав документов в архивно-следственных делах соответствовал указанному перечню. В некоторых случаях «толщина» дел доходила до 400 листов².

В конце 1980-х – начале 1990-х, когда были реабилитированы два бывших секретаря райкомов партии – Николай Киприянович Ершов и Афанасий Дмитриевич Золотарев, в этой схеме произошли некоторые изменения. Проверка архивно-следственных дел была инициирована уже не родственниками, а непосредственно прокуратурой по вновь открывшимся обстоятельствам. Заявления родственников с просьбой о реабилитации в делах отсутствуют. Реабилитация Н.К. Ершова и А.Д. Золотарева подпадала под действие ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов». В этом указе говорилось о необходимости «отменить внесудебные решения, вынесенные в период 30–40-х и начала 50-х годов действовавшими в то время «тройками» НКВД–УНКВД, коллегиями ОГПУ и «особыми совещаниями» НКВД–МГБ–МВД СССР, не отмененные к моменту издания настоящего Указа Президиума Верховного Совета СССР. Считать всех граждан, которые были репрессированы решениями указанных органов, реабилитированными»³. Несмотря на то, что этих партийных руководителей в конце 1950-х – начале 1960-х гг. просто не успели реабилитировать, следствие проводилось тщательно: «необходимо провести по делу дополнительную проверку, разыскать все имеющиеся на перечисленных лиц уголовные дела, сопоставить содержащиеся в

¹ Там же.

² См., например, ПЕРМГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 11927.

³ Реабилитация: как это было. Т.3. М., 2004. С.179.

ла, сопоставить содержащиеся в них сведения о том, что лица, проводившие расследование этих дел наказаны за нарушения законности, то их следует отразить в справке»¹.

Отметим, что подавляющее большинство реабилитационных процессов разворачивалось в отношении партийных руководителей, приговоренных к высшей мере наказания. Однако, имелись исключения. Особое внимание необходимо обратить на процедуру реабилитации тех бывших секретарей райкомов и горкомов ВКП(б), кто, получив значительные сроки исправтрудлагерей, не только выжил, но и стал бороться за собственную реабилитацию. Это Ашихмин Иван Данилович, бывший секретарь Нытвенского райкома ВКП(б), и Борисов Сергей Васильевич, бывший секретарь Кизеловского горкома ВКП(б). Оба были арестованы в 1937 г. и осуждены за контрреволюционную деятельность Особым совещанием к разным срокам заключения.

Проверка по делу реабилитации Ивана Даниловича Ашихмина была проведена практически молниеносно – менее чем за три месяца. Реабилитационная часть архивно-следственного дела Ашихмина начинается с письма Прокурора Свердловской области начальнику следственного отдела УКГБ по Свердловской области, в котором сообщалось, что Ашихмин обратился в Свердловский обком КПСС с заявлением «о его незаконном привлечении в 1937 г. к уголовной ответственности. <...> Ввиду того, что проверка данного дела контролируется Свердловским обкомом КПСС, проверку по делу прошу провести в кратчайший срок»².

Письмо Ашихмина является довольно ценным источником как для изучения истории репрессий против партийной номенклатуры 1936–1938 гг., так и для истории ее реабилитации. Из письма Ашихмина можно узнать и о методах ведения следствия: «когда я от подписи отказался и методы следствия назвал методами фашистских за-

¹ Прокурор Пермской области – начальнику следственного отделения УКГБ СССР по Пермской области 23 09 1988 // ПЕРМГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28441. Л. 63.

² Прокурор Свердловской области – начальнику следственного отдела УКГБ по Свердловской области 03 01 1957 // ПЕРМГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13466. Л. 66.

стенков, он ударил рукояткой пистолета по кисти моей правой руки, разбил указательный и средний пальцы, перебил сухожилия»¹; и о полном отсутствии судебных разбирательств: «Просидев в подвале и тюрьме 14 месяцев, мне объявили решение Особого Совещания при НКВД СССР от 2 августа 1938 г. о том, что я осужден за к/р деятельность к заключению в ИТЛ на 5 лет...»². Необходимость реабилитации для таких политических заключенных была очевидной. В своем заявлении областному прокурору Ашихмин, объясняя, почему он не мог вернуться на Урал сразу после отбытия наказания, написал, что «здесь были созданы совершенно невозможные условия для бывших политических заключенных (ограничение в правах, травля «бывших» со стороны политических слепцов, которых, к сожалению, еще немало, травля семьи, в частности детей)»³.

С.В. Борисов был заслуженным партийцем с дореволюционным стажем (с 1908 г.), участвовал во Всероссийском совещании Советов рабочих депутатов в марте 1917 г. в Петрограде, неоднократно избирался членом ВЦИК и ЦИК Союза, в Москве работал в НКВД уполномоченным по организации советских органов на местах. С 1919 по 1921 гг. он работал заведующим орготдела Пермского губкома партии, в 1922–23 гг. – секретарем Бежицкого губкома партии Брянской губернии. После окончания московских курсов марксизма-ленинизма в конце 1925 г. Борисов был утвержден секретарем Орловского губкома партии, а с 1928 по 1930 гг. – секретарем Смоленского губкома, с 1930 по 1931 г. работал в Москве председателем ЦК союза водного и морского транспорта. С 1932 по 1934 гг. С.В. Борисов работал председателем краевой КК-РКИ в Горьком. После года работы в качестве парторга ЦК на Николаевском заводе Одесской области, в 1935 г. был утвержден секретарем Кизеловского горкома ВКП(б). Сергей Васильевич Борисов был арестован в августе 1937 г., через год был осужден Особым сове-

¹ Заявление Ашихмина в областную прокуратуру 15 12 1956 // ПЕРМГАНИ. Ф.641/1. Оп.1. Д.13466. Л.75 Об.

² Там же.

³ Там же. Л.76.

щением к 8 годам лагерей. В августе 1949 г., через 3 года после освобождения, он вновь был арестован и без предъявления обвинений решением Особого совещания был сослан в бессрочную ссылку в Красноярский край. В июле 1955 года Борисов обращается в прокуратуру с просьбой о реабилитации, в июне-июле 1955 г. пишет письма в комитет партийного контроля при ЦК КПСС¹. КПК при ЦК КПСС обратился к Борисову за разъяснениями, почему он подписал обвинения против себя и других лиц, проходящих по делу. В письме от 24 июня 1955 года он дал подробные объяснения: «В ходе следствия ко мне применялись меры воздействия, убивающие волю и приводившие к безразличию ко всему. Один из работников Свердловского управления НКВД <...> на мой вопрос, зачем нужны мне такие дикие показания на себя и на других, как взрыв моста в Горьком и другие, отвечал: “Это неважно и не имеет значения, это только для формы”. Но ведь за это судят? “Будут судить и все будут целы”. <...> Тот же капитан сказал мне, что я буду отправлен в Москву и что меня примет нарком Ежов, я ухватился за это с мыслью все рассказать лично знающему меня Ежову о всем ходе следствия и его методах. Но этого не случилось. Был вызван не Ежовым, а одним из его заместителей, который сразу грубо и резко обошелся со мной и не дал мне ничего об этом говорить»². Борисов пишет, что не воспринимал происходящее с ним как беззаконие: «Я верил в орган, руководимый Ежовым. Для меня в то время было не «ежовщина», как об этом сейчас говорят, а Ежов, посланный на эту работу ЦК нашей партии. <...> то, что делается, так видно это нужно. И я в своем сознании не мог быть в обиде на кого-либо»³. Уже 24 августа 1955 г. Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного Совета СССР приняла решение. Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 2 августа 1938 г. «в отношении Борисова отменила и дело о нем производством прекратила, поэтому подлежит отмене также и постановление ОСО при МГБ

¹ ПЕРМГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15214. Лл. 179-180, 182-183.

² С.В. Борисов – КПК при ЦК КПСС 24.06.1955 // ПЕРМГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15214. Л. 182.

³ Там же. Л. 183.

СССР от 6 августа 1949 г., неосновательно применившее к Борисову ссылку на поселение»¹.

Возмещение материального ущерба родственникам репрессированных включало в себя выплату двухмесячного оклада репрессированного и возвращение стоимости конфискованного имущества. В связи с этим разворачивались драматические события, сравнимые с сюжетами современных сериалов. В январе 1956 г. в прокуратуру Молотовской области обратилась гражданка Семенова² В ее заявлении было изложено, что ее муж Малышев, работая секретарем горкома, был арестован 10 августа 1937 г. «Я ждала его в сквере у обкома и видела, как в 5 час вечера он в сопровождении нескольких человек был выведен из обкома, посажен в машину»³. Вскоре и сама Семенова была арестована как член семьи изменника Родины и приговорена к 8 годам исправительно-трудовых лагерей. Вернувшись из лагеря в 1955 г., Семенова не могла устроиться на работу, поскольку имела судимость. Далее в заявлении она просит о реабилитации ее самой и мужа Малышева⁴. На первый взгляд это заявление о реабилитации ничем не примечательно: лагерные сроки «за недонесение», как члены семьи изменника Родины, в те годы получали многие. Но есть в этом деле одна пикантная особенность. На последних листах архивно-следственного дела есть еще одно заявление, на сей раз от гражданки Малышевой. Прочитав его почти полностью: «Прошу Вашего разъяснения по поводу моего заявления о розыске мужа Малышева. Мое заявление Вы переслали в Военную Коллегию Верховного Суда СССР, на которое было получено указание <...>. Там сказано, что свидетельство о смерти и справка о реабилитации Малышева выслана в УКГБ по Свердловской области 13.02.1956 г. и выдана Семеновой. Я являюсь законной женой Малыше-

¹ Определение Военной Коллегии по уголовным делам Верховного Совета СССР 24 08 1955 // ПЕРМГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15214. Т.2. Л. 63.

² Здесь и далее фамилии изменены.

³ Заявление Семеновой в прокуратуру Молотовской области январь 1956 г. // ПЕРМГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 16213. Л.127Об.

⁴ Там же. Л.132.

ва, имею от него дочь, поэтому мои претензии по неполучению документов о муже вам понятны. Второй законной жены у Малышева быть не могло, т.к. я имею свидетельство о браке, а развода не было»¹.

Вот такая жизненная драма: одна жена, незаконная, отбыла срок в 8 лет лагерей² как член семьи изменника Родины, а другая, законная, пишет претензии по поводу выдачи справки о реабилитации в прокуратуру для того, чтобы получить компенсацию.

Вопрос, связанный с возмещением конфискованного имущества, в большинстве случаев решался не в пользу заявителя. При отсутствии информации об изъятии имущества необходимо было разыскать свидетелей, которые могли бы подтвердить факт конфискации. Однако через 20 лет найти этих самых свидетелей было чрезвычайно трудно.

Имущественный интерес родственников в реабилитации подчас был крайне острым, особенно, если при жизни репрессированный руководитель имел дорогие вещи, а еще лучше владел респектабельным автомобилем. В этом отношении имущественная заинтересованность в реабилитации представлялась наиболее очевидной.

Один из томов архивно-следственного дела Петра Константиновича Премудрова, бывшего директора завода № 172, приговоренного в 1937 г. к высшей мере наказания, пожалуй, более чем на треть состоит их переписки по вопросу возвращения конфискованного автомобиля «Линкольн». Реабилитационная часть дела Премудрова начинается с письма начальника УАО УКГБ при Совете Министров СССР по Молотовской области майора Бармина заместителю начальника учетно-архивного отдела КГБ при Совете Министров СССР полковнику Плетневу. В письме говорится, что «объявить определение в отношении Премудрова П.К. его родственникам не представилось возможным, так как последние на жительстве в городе Молотове и области нами не ус-

¹ Заявление Малышевой в прокуратуру Молотовской области 21 10 1957 // ПЕРМГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 16213. Лл. 190-1900б.

² См.: ПЕРМГАНИ. Ф.641/1. Оп.1. Д.15036.

тановлены»¹. Менее чем через месяц, 7 марта 1957 года начальнику управления ГБ области приходит заявление от Премудрова К.П., сына репрессированного Петра Константиновича Премудрова: «Прошу, чтобы согласно положения, выдали зарплату за два месяца по месту его работы до ареста, а также компенсировали конфискованную автомашину марки «Линкольн» награжденная² моему отцу наркомом т. Орджоникидзе»³. В объяснении от 31 марта 1957 г. он дал описание иностранного авто и обстоятельства ее изъятия: «...Внешний вид машины: окраска черная, на водяной крышке фигура бегущей собаки, количество мест также как в ЗИЛе. <...>. После ареста отца в 1937 г. машина была конфискована, и была поставлена в гараж завода им. Молотова г. Мотовилиха. Износ машины в момент конфискации должен быть минимальным, так как она очень мало эксплуатировалась. Отец ездил в основном на заводской машине. Управление машиной доверялось только шоферу»⁴. В объяснении были указаны также фамилии и адреса свидетелей. В последующих заявлениях от родственников Премудрова история об утрате «Линкольна» обростала все новыми подробностями. 29 марта того же года было написано объяснение Жуковой Валентины Петровны, дочери Премудрова П.К., которая сообщала: «У моего отца была собственная легковая автомашина марки «Линкольн», подаренная за хорошую работу наркоматом тяжелой промышленности в 1933 г. В 1937 г. при аресте отца, у нас машину отобрали, документы мы не получили. Куда ее отправили, не знаю. Машина была черного цвета, семиместная – в кузове 5 мест и в кабине шофер и рядом с шофером место. Впереди на пробке радиатора была фигура собаки из нержавеющей стали. Кабина от кузова была отделена стеклом, которое можно открывать. В кузове был микрофон на шнурке, соединен с шофером»⁵.

¹ Бармин – Плетневу 13 02 1957 // ПЕРМГАНИ. Ф.641/1. Оп.1. Д.11996. Л.238.

² Так в документе.

³ Заявление Премудрова К.П. 07 03 1957 // ПЕРМГАНИ. Ф.641/1. Оп.1. Д.11996. Л.245.

⁴ Объяснение Премудрова К.П. 31 03 1957 // ПЕРМГАНИ. Ф.641/1. Оп.1. Д.11996. Л.248.

⁵ Объяснение Жуковой В.П. 29 03 1957 // ПЕРМГАНИ. Ф.641/1. Оп.1. Д.11996. Л.250.

29 апреля 1957 года УГБ по Молотовской области получает письмо от супруги репрессированного – Бертум-Премудровой Карлы Карловны, которая также обращалась с просьбой о выплате компенсации и возврате автомобиля, подаренного ее мужу наркомом тяжелой промышленности Орджоникидзе в 1933 г.¹

В ходе длительных разбирательств по поводу возмещения стоимости «Линкольна» из свидетельских показаний было выяснено, что в 1937 или в 1938 году в кабинет начальника автобазы зашло несколько сотрудников МВД. Заявили, что они из города Свердловска, имеют задание забрать машину марки «Линкольн», принадлежащую директору завода Премудрову. После долгих телефонных согласований начальник легкового гаража якобы передал машину сотрудникам МВД². Никто из свидетелей точно не мог сказать, куда исчезла машина, все знали, что была, а куда делась – непонятно. Версия о том, что на «Линкольне» разъезжали сотрудники Свердловского отдела внутренних дел, косвенно подтверждается данными учета ГАИ: «... установлено, что в АТО ХОЗО УМВД Свердловской области действительно имелся легковой автомобиль марки «Линкольн» 1932 года ввоза в СССР, технический паспорт № СВ 002440, за которым в последнее время был закреплен автознак СЛ 00–28. Указанный автомобиль ввиду плохого технического состояния и конструктивной устарелости при пробеге 191161 км был выбракован на основании протокола №41 от 25 октября 1953 года Свердловской городской комиссией по выбраковке автомобилей при исполкоме Свердловского горсовета депутатов трудящихся. Утверждать, что указанный автомобиль ранее принадлежал Премудрову П.К., ГАИ не может, так как материалы на выбраковку вместе с техническим паспортом уничтожены в связи с ис-

¹ Заявление Бертум-Премудровой К.К. 29 04 1957 // ПЕРМГАНИ. Ф.641/1. Оп.1. Д.11996. Л. 249-249Об.

² Объяснение Пономарева М.Ф. 17 04 1957 // ПЕРМГАНИ. Ф.641/1. Оп.1. Д.11996. Л. 269.

течением срока их хранения»¹. В конечном счете, Молотовская городская финансовая комиссия 24 июля 1957 г. установила стоимость конфискованного имущества – 27 570 рублей 05 копеек².

Изменения в политике, связанные с «оттепелью», нашли отражение и в изменении свидетельских показаний. В архивно-следственных делах нередко встречаются протоколы так называемых «передопросов» свидетелей, необходимые для реабилитации с процессуальной точки зрения. Показания свидетелей, проходящих по делу в 1937–1938 гг. и их показания спустя двадцать лет отличаются кардинально. Так, в ноябре 1937 г. по делу бывшего секретаря Чусовского горкома ВКП(б) М.В. Мальцева был допрошен оперуполномоченный горотдела НКВД Н.Н. Кривоногов (он вел допросы свидетелей). В деле имеется протокол допроса самого Кривоногова в качестве свидетеля. Он передал содержание разговора, состоявшегося между ним и Мальцевым: «Мальцев долго разъяснял мне, что и бывших вредителей нужно перевоспитывать и что если рядом с вредителем находится секретарь горкома ВКП(б) ГО НКВД нечего опасаться за целостность пролетарской диктатуры»³. Несмотря на то, что в показаниях конкретных фактов «вражеской деятельности» Мальцева нет, общий смысл показаний Кривоногова сводится к оценке деятельности секретаря Чусовского горкома ВКП(б) как контрреволюционной: «В том же году по этому же вопросу Мальцев наедине мне говорил, смеясь: «Я понимаю, что вам нужно. Я знаю, что в борьбе с врагом все средства хороши, но нельзя же так». Я в то время смысл этого контрреволюционного лозунга не понял и понял только год спустя, когда вражеская деятельность Мальцева М.В. была вполне очевидна. И лозунг этот глубоко контрреволюционный. Это клевета на нашу партию и на органы НКВД»⁴.

¹ Начальник ГАИ УВД Свердловской области – заместителю начальника учетно-архивного отдела УКГБ при Совете Министров СССР по Молотовской области 30 04 1957 // ПЕРМГАНИ. Ф.641/1. Оп.1. Д.11996. Л. 287.

² ПЕРМГАНИ. Ф.641/1. Оп.1. Д.11996. Л. 303.

³ ПЕРМГАНИ. Ф.641/1. Оп.1. Д.16213. Л.74.

⁴ Там же.

В протоколе допроса от 31 августа 1956 г. Кривоногов, будучи уже пенсионером, заявил: «В протокол допроса писал все неполадки по городу и району, о которых показывал свидетель, независимо от того, причастен ли был к таковым Мальцев. В протоколы допроса я не вписывал положительную работу Мальцева, так как об этом имел указания от УНКВД Свердловской области. Мне не раз приходилось слышать от руководящих работников, что положительные стороны в отношении арестованных в протоколах не указывать. Так делали все сотрудники ГО НКВД. Однако при допросе свидетелей я ни от кого не слышал, чтобы кто-либо показывал о контрреволюционной деятельности Мальцева»¹. На вопрос, соответствуют ли действительности его показания в отношении Мальцева, Кривоногов ответил: «То, что указано в протоколе, в основном действительности соответствует. Однако в этом протоколе я не указал положительные стороны Мальцева, о которых я знал. Мальцева я знал с положительной стороны как честного, скромного в быту коммуниста-руководителя. У большинства коммунистов района, насколько мне было известно, пользовался авторитетом. По работе Мальцев был принципиальным и требовательным. У Мальцева были и недостатки, в частности он был иногда груб в обращении. Я лично о преступной деятельности Мальцева ничего не знал»².

Сами заявления родственников репрессированных в компетентные органы с просьбой о реабилитации чутко реагируют на изменение политической ситуации. До XX съезда в заявлениях, датированных 1955-м годом, слово «реабилитация» встречается довольно редко. Родственники просят «пересмотреть дело», «снять судимость»³, выдать «документ о невиновности», «похоронную»⁴. Слово «реабилитация» при этом нередко пишется с ошибками.

¹ ПЕРМГАНИ. Ф.641/1. Оп.1. Д.16213. Лл. 148Об.-149.

² Там же. Л. 149Об.

³ См., например: Заявление Балтгалл О.А. заместителю прокурора Молотовской области 1955 // ПЕРМГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10443. Л. 50Об.

⁴ См., например: Заявление Кондратьевой А.В. в Генеральную прокуратуру 20 12 1955 // ПЕРМГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11957. Л.450Об.

После того, как хрущевская «оттепель» начинает активно проникать в жизнь рядовых граждан, тон заявлений с просьбой о реабилитации родственников становится заметно смелее. Появляются ссылки и на знаменитый доклад Хрущева «О культе личности и его последствиях». Так, дочь А.И. Благоднарова (до 1937 г. ответственный секретарь Коми-Пермяцкого окружкома ВКП(б)), пишет в заявлении: «В докладе Н.С. Хрущева на XX съезде партии было упомянуто о том, что Уральское дело Кабакова было пересмотрено»¹. Уже к 1960 г. заявления принимают шаблонный характер, а ссылки на доклад «О культе личности и его последствиях» становятся более отчетливыми. Так, жена Бугулова М.Я., работавшего до 1937 г. первым секретарем Бардымского райкома партии, пишет: «При чтении письма «О культе личности», я узнала, что в 1937 г. был допущен ряд ошибок по вопросу исключения из партии, и что ряд исключенных тогда из партии сейчас реабилитированы, в том числе и по Свердловской области. <...> Прошу ЦК КПСС сообщить мне о том, пересмотрено ли дело Бугулова и реабилитирован ли он. Если нет, то куда мне обратиться о его реабилитации с тем, чтобы снять это пятно с меня и моего сына»².

Особенностью процесса реабилитации репрессированных партийных руководителей стала его противоречивость. С одной стороны, это был гласный процесс, сопровождавшийся формированием пантеона новых героев-мучеников, пострадавших от сталинизма; с другой – сверхсекретный, осуществляемый преимущественно в недрах Комитета госбезопасности. Правду о судьбах репрессированных не сообщали даже родственникам: в справках о реабилитации, в которых сообщалось о причине смерти репрессированного, о применении высшей меры наказания – расстрела – не было сказано ни слова. Так, при выдаче справки жене Тукачева, до 1937 г. работавшего секретарем Гаинского райкома ВКП(б), компетентные органы указывали: «Просим объявить

¹ Заявление Семеновской Л.А. военному прокурору // ПЕРМГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13195. Л.148.

² Заявление Бугуловой А.П. // ПЕРМГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14268. Лл. 276-276Об.

гр-ке Тукачевой В.С., что ее муж Тукачев Н.Ф. 21.09. 1937 г. осужден на 10 лет ИТЛ и находясь в заключении, умер 2 октября 1943 г. от артериосклероза»¹. В действительности Тукачев был приговорен тройкой 21 сентября 1937 г. к высшей мере наказания.

Таким образом, процесс реабилитации и для обывателя, и для родственника репрессированного, отражал происходящие изменения политической конъюнктуры. Из большой политики в частную жизнь начинают проникать новые слова и штампы (реабилитация, «он был верным партийцем», «пострадал от культа личности» и пр.), появление которых мы можем констатировать в письмах во власть.

На первый план выдвигаются немыслимые ранее вопросы: выплата компенсации, возвращение конфискованного имущества или возмещение ущерба. Вообще, только в 1955–1956 гг. появилась возможность напрямую обратиться с заявлениями в партийные органы, прокуратуру и КГБ, получив в ответ не отписку, а действительный пересмотр дела репрессированного родственника. Таким образом, большая политика, творящаяся где-то далеко, в Москве, перестала носить флер таинственности. Впервые люди почувствовали возможность участия в политическом процессе, пусть и в очень дозированном масштабе – возможность диалога с властью.

Процесс реабилитации бывших партийных лидеров стал определенным возвращением их в прежний пантеон заслуженных партийцев и превращением теперь уже бывших «врагов народа» в героев-мучеников. Однако эти герои все же были «помельче», чем прежние партийные руководители, властвовавшие в 1920–1930-х гг.

¹ Переписка по заявлению гр. Тукачевой В.С. о розыске Тукачева Н.Ф. // ПЕРМГАНИ. Ф.641/1. Оп.1. Д.12306. Л.5.

«ПРОШУ ВАС НАМ ВЕРНУТЬ АВТОМАШИНУ ...»

МАЛЕНЬКИЙ ЭТЮД О БОЛЬШОМ АВТОМОБИЛЕ

В. Шабалин

18 марта 1957 г. сотрудник Молотовского УКГБ майор Бармин начал процедуру возвращения имущества очередным родственникам очередного репрессированного в 30-е годы гражданина. В стране разворачивался процесс реабилитации, и для учетно-архивного отдела, в котором работал майор, дело должно уже было стать знакомым. Частота повторений процедуры превращала оборот документации в рутину. «Большегрузные» запросы и «легковые» справки отправлялись по проверенным бюрократическим маршрутам. В перевозимых конструкциях канцелярских формулировок менялись лишь фамилии, даты, и то, что не укладывалось в чиновничий канон. Бармину предстояло разослать пакет запросов по привычным адресам, дождаться ответов и, оформив соответствующие документы, доложить начальству. Вряд ли он был сильно поражен тем, что этим реабилитированным гражданином оказался П.К. Премудров, бывший когда-то директором известного на Урале Мотовилихинского завода. В то время снималась судимость с сотен директоров предприятий, секретарей обкомов, председателей облисполкомов и даже членов ЦК партии. Возможно, архивиста больше поразило то, что в письмах родственников Премудрова, которые были присланы в КГБ из трех разных городов, содержалась одна и та же просьба – вернуть автомобиль американской марки «Линкольн». И, наверное, Бармин еще сильнее бы поразился, узнав, что этим не сложным, на первый взгляд делом, ему придется заниматься ближайшие пять месяцев.

Директор Премудров

Премудров был опытным красным директором с почти идеальной биографией¹. Он имел пролетарское прошлое – до революции работал на заводе токарем. В 1912 г. вступил партию. Арестовывался за революционную деятельность. После установления советской власти руководил различными промышленными предприятиями. В конце 1920-х гг. учился в Промакадемии. И в довершение всего еще и являлся членом ЦИК, т.е., формально принадлежал к высшей политической элите СССР. Небольшим пятном на политической биографии Петра Константиновича было выступление на партсобрании Промакадемии, в котором он вступился за правых. Однако в своих симпатиях к правым он не упорствовал, и серьезных оргвыводов по его поводу не последовало, если, конечно, не считать... назначение на пост директора Мотовилихинского артиллерийского завода № 172.

В 1930 г. новый директор приехал в Мотовилиху (которая на следующий год, отделившись от Перми, превратилась в самостоятельную административную единицу – город Молотово). Назвать это назначение повышением трудно, ведь завод находился в запущенном состоянии и требовал серьезнейшей модернизации. Предыдущие директора – Чекмарев² и Кустов с этой задачей справиться не смогли. Завод постепенно начали готовить к закрытию. Премудрову была уготована роль, если так можно выразиться, похоронного генерала. Он должен был проводить промышленную гордость Прикамья в последний путь.

Вот здесь и проявилась незаурядность Петра Константиновича. Он добился того, чтобы завод не только не закрыли, но и выделили

¹ Подробнее о мотовилихинском этапе биографии Премудрова см.: Шабалин В.В. Спаситель Мотовилихи (о директоре завода им. Молотова Петре Константиновиче Премудрове) // Ретроспектива. 2012. № 1. С. 5-9.

² В 1930 г. специальная комиссия сместила с занимаемых должностей ряд руководителей оборонных ведомств и предприятий. Их обвинили в недостаточной бдительности в борьбе с вредительством. Среди прочих потерял свой пост и Чекмарев, биография которого и так уже была подпорчена. Известно, что в 1927 г. он активно поддерживал Л.Д. Троцкого. Мухин М.Ю. Советская авиапромышленность в годы нэпа – «гадкий утенок» «оборонки» // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2006. С. 217.

средства на его реконструкцию. За несколько лет энергичный директор запустил в производство новые артиллерийские системы, практически с нуля создал заводскую инфраструктуру (железнодорожные пути, водопровод, заводской транспорт), построил новые цеха. При нем появился конструкторский отдел и рентген-лаборатория. Вложения центра в завод увеличивались, росли возможности нового директора, отдачу от возрождающегося предприятия стал ощущать и новый город. Самым известным и заметным подарком горожанам стало строительство цирка, которому решением горсовета было присвоено имя Премудрова.

Конечно, не все было так радужно. В условиях хаоса первых пятилеток работа любой экономической структуры не могла быть стабильной. Трудно было выполнить план. Сложности возникали с управлением недовольными рабочими¹. Приходилось выпускать непрофильную продукцию. Сначала оружейный завод делал драги для добывания золота. Затем ему дали еще более трудное задание – наладить выпуск экскаваторов. Спорить с заданием было бесполезно и опасно, а возможно, что и невыгодно, ведь под новый проект можно было получить дополнительные ресурсы, а при успешном завершении и получить от центра поощрение в виде премий или подарков. Экскаваторы начали делать, не имея нормальных чертежей² и необходимых специалистов. В результате – брак и возмущение получателей продукции.

Мог ли завод сделать машины более качественно? Смог ли кто-нибудь другой на месте Премудрова наладить производство экскаваторов как надо? В тех условиях вряд ли. Система организации экономики не давала такой возможности. Зато она оставляла лазейки. Наркомат и

¹ Из материалов Д. Осетрова, который реконструировал события, разворачивавшиеся в феврале 1931 г. в цехе № 3, видно, что тогда творилось с рабочим коллективом Мотовилихинского завода. В регулярном невыполнении плана обвинили рабочих – бывших меньшевиков и эсеров, а партийную ячейку, из 104 коммунистов, превратили в этакого коллективного Чекмарева и расформировали за попустительство. См.: Осетров Д. «Вредители» в замасленных спецовках» // Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в вузе, техникуме, школе: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. Перм.гос.техн.ун-т. – Пермь, 2007. С. 72-73.

² Заводу пришлось использовать чертежи, полученные от пермской железной дороги. См.: Протокол № 14 общего закрытого партсобрании заводоуправления от 8 августа 1937 г. // ПЕРМГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 3. Л. 75.

ЦК не видели продукцию, они видели только отчеты. В отчетах оружейного завода экскаваторы были. В подобных действиях был риск, но в тех условиях, когда центральная власть ставила нереальные сказочные задачи, управленцы, которые видели производство непосредственно, а не из столичного кабинета, вынуждены были приспособливаться. Пережить на своем посту первую пятилетку, создать благоприятное впечатление у начальства в тех областях, где успехов, мягко говоря, было немного, в этом тоже, проявилась незаурядность Петра Константиновича.

Середина 30-х гг. для Премудрова – время пика карьеры. Живет и развивается спасенный завод. Руководство наркомата довольно работой. Местная власть проявляет знаки внимания. Фамилия «Премудров» знакома каждому мотовилихинцу. Полная власть на заводе и почитание со стороны подчиненных, которые величают директора Петром Великим. Полным ходом идет складывание культа «местнотчимого» вождя¹.

Качественный сдвиг в процессе возвеличивания Премудрова совершил московский журналист С. Дзюбинский, написавший в 1935 г. хвалебный очерк о директоре Молотовского завода. В очерке фигура Премудрова приобрела почти эпические масштабы, соответствующие канонам сталинской эпохи. Перед читателем предстает суровый хозяин завода, обладающий большевистской волей, упорством и «твердым расчетом». Он строг с подчиненными – этого требует дело, которому он сам посвятил всю свою жизнь. У него «дюжая» фигура и твердый голос. Мир вокруг него преображается и меняется к лучшему. И даже экскаватор, который с удовлетворением гладит Премудров, сравнивается с железным слоном, не может ведь такой человек гладить какую-нибудь мелочь вроде собачки. Да это уже не просто человек. Приезжий художник несколькими привычными взмахами кисти превратил красного директора в титана или, точнее, в демиурга, строящего новый мир – светлое социалистическое будущее.

¹ Этот процесс не был чем-то уникальным и присущим персонально Премудрову. В 30-е гг. культовые практики были обычным явлением для номенклатуры Урала. См. об этом: Колдушко А.А., Лейбович О.Л. «Троцкистская операция» на Урале // «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937-1938 гг. М., 2009.

В этом очерке есть одна интересная деталь, которая воспринимается вполне органично. У главного персонажа есть автомобиль – «личный подарок наркома т. Серго Орджоникидзе». Указана даже марка машины – «Линкольн». В замысел Дзюбинского не входило останавливаться на ней подробно, даже семья и подчиненные всплывают в тексте как безымянный фон, на котором возвышается Петр Константинович. Между тем этот автомобиль требует особого описания.

Автомобиль Петра Великого

Фирма «Линкольн» выпускала автомобили класса «люкс». Эта марка отличалась высочайшим уровнем сборки¹ и являлась официальным автомобилем американских президентов. У последних, впрочем, не было монополии на обладание этими машинами. «Линкольн» приобретали все, у кого водились большие деньги. В этом лимузине можно было увидеть и финансового воротилу и мафиозного босса. В детских книжках, выпущенных в советское время, машины именно этой марки, наряду с фраком, цилиндром и огромным животом, стали узнаваемым символом «буржуинов».

Не брезговала роскошью на колесах и советская элита. Известно, например, что в 1932 г. политбюро приняло решение о закупке «30 легковых автомобилей системы «Линкольн» ... для гаражей ЦИК СССР и ВЦИК»².

По свидетельству личного шофера Премудрова, «Линкольн» был в Молотово в декабре 1934 года. Это был один из 16 автомобилей, которыми наркомтяжпром премировал руководителей завода за хорошую работу. Американская машина среди них была только одна, и досталась она, естественно, хозяину предприятия. По тем временам это было настоящее чудо техники. Черный семиместный красавец, срав-

¹ «На заводе установилась жесткая система контроля качества. Так, отклонения в размерах шатунов и коленчатых валов допускались в пределах 0,0002 дюйма. Перед тем как покинуть завод, каждая машина подвергалась 177 различным замерам и испытаниям». См.: Аристократ империи Форда. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lincoln.biz/st06.php>

² О закупке автомобилей «Линкольн» для гаражей ЦИК СССР и ВЦИК // Власть. 2007. № 11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=753010

нимый по габаритам с большим современным джипом. Внутри салона – недемократичное стекло, отделяющее шофера от пассажиров. Связь между ними осуществлялась посредством специального «микрофона на шнурке». А на коробке радиатора была прикреплена приятная мелочь, украшение – фигура собаки из нержавеющей стали.

Мотовилиха 30-х годов еще не полностью принадлежала двадцатому веку. Вокруг завода на возвышенностях стояли целые кварталы деревянных, вполне деревенских домов с огородами и банями. За ними начинались поля и сельскохозяйственные угодья. Рукой было подать до ближайших деревень. Каменные здания в большинстве своем были трофеями, взятыми у дореволюционной эпохи. Исключением были лишь три жилых квартала нового района (Рабочий поселок), построенного при активном участии все того же Премудрова. Дороги были плохие. Город и машина не очень подходили другу другу. На том фоне американский лимузин должен был восприниматься как гость из другого мира. Сказочный подарок наркома, несомненно, стал еще одним фактором, создававшим вокруг его владельца ауру небожителя.

Бюрократические маршруты

Жизнь и карьера Петра Константиновича, как и у многих подобных ему советских деятелей той эпохи, оборвалась в 1937-м¹. Он был обвинен во вредительстве, шпионаже в пользу Германии и принадлежности к большой повстанческой организации, якобы действовавшей на территории Уральской области. Семья бывшего директора репрессий избежала, но из Молотово уехала. Его жена с дочерью и сын, перебравшийся в другой город еще в 1932 году, затерялись так успешно, что КГБ в 1957 году так и не смог их обнаружить, чтобы сообщить о реабилитации Премудрова.

Как уже говорилось, весной 1957 года от трех родственников Премудрова в молотовское КГБ поступили заявления с просьбой вернуть автомобиль. Майор Бармин запросил из Москвы архивно-следственное

¹ Подробнее см.: Шабалин В.В. «Вредители не всегда работали плохо...» // Годы террора. Пермь, 1998.

дело бывшего директора, отправил запросы в финансовые и хозяйственные отделы УВД свердловской и молотовской областей, а также в молотовский горфинотдел. Побеспокоил он и областное ГАИ. От финансовых и хозяйственных органов требовалась информация об имуществе Премудрова, которое, возможно, проходило через их руки. Все запросы выглядели примерно одинаково: «...просим проверить поступало ли имущество ПРЕМУДРОВА для реализации. В утвердительном случае какое имущество было реализовано и на какую сумму зачислены деньги в госдоход». Во вступлении к документам обязательно выделялась машина: «было конфисковано имущество /какое неизвестно/ и легковая автомашина «Линкольн»»¹.

Почти все ответы оказались отрицательными. Имущество Премудрова в документах не значилось, а свердловское УВД, чей ответ пришел раньше всех, и вовсе ответило, что «приходно-расходные документы на изъятое при аресте в 1937 году имущество уничтожены по 1943 год включительно», поэтому установить поступало ли имущество реабилитированного гражданина, «не представляется возможным»². Разочаровало и архивно-следственное дело. В нем должно было содержаться описание всех изъятых при аресте вещей. Однако обнаружился лишь длинный перечень изъятого охотничьего оружия и некоторых других предметов. Никаких упоминаний о существовании и изъятии машины там не было.

Немного порадовала ГАИ. Спустя почти полмесяца после запроса оттуда подтвердили, что автомобиль «Линкольн», зарегистрированный на имя Премудрова «значится», и что он имел «номерной знак 24–40»³.

Задача, тем не менее, упрощалась не намного. Бармину предстояла еще довольно долгая переписка с различными инстанциями. Всего бы-

¹ См. например: Начальнику ФИНО УВД по Молотовской области гор. Молотов Начальнику ФИНО УВД по Свердловской области гор. Свердловск Начальнику ХОЗО УВД Молотовской области гор. Молотов Начальнику ХОЗО УВД Свердловской области гор. Свердловск // ПЕРМГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 4. Л. 254.

² Начальнику УАО УКГБ по Молотовской области // ПЕРМГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 4. Л. 259.

³ Любопытный факт. Машина Премудрова была зарегистрирована 2 августа 1937 г., за 9 дней до ареста Петра Константиновича.

ло отправлено и получено 38 документов разного объема и содержания. Ответы официальных органов чаще всего не содержали полезной информации, она стала появляться только после опроса сотрудников Премудрова. Все десять опрошенных граждан подтвердили, что машина была. Некоторые даже в ней ездили. Вот только подробности дальнейшей судьбы ее большинству были не известны. Только слухи о том, что автомобиль попал в НКВД. Например, Л.М. Чекин – бывший водитель Премудрова – сообщал, что сначала «Линкольн» стоял в гараже автобазы завода, а затем исчез. Знакомые шоферы сказали Чекину, что за ним «приехали из НКВД Свердловска и уехали туда своим ходом»¹.

Источником слухов, возможно, был М.Ф. Пономарев, работавший в 1937 году начальником эксплуатации автобазы. По его воспоминаниям, на заводе появились «несколько человек военные по петлицам было видно, что работники МВД». Приехавшие заявили Пономареву, что они из Свердловска и «имеют задание забрать машину марки «Линкольн» принадлежащую директору завода Премудрову». Директором завода тогда был В.И. Баринов, и он дал «устное указание, машину не задерживать «отдать»»².

Новая информация³, полученная спустя почти месяц после начала поисков, вносила большую определенность. Местом, на котором следовало сконцентрировать внимание, вновь становилось знакомое и родное Бармину ведомство. Сразу же по получении результатов бесед с бывшими работниками Молотовского завода он обратился к свердловским коллегам: «Просим тщательно проверить через хозяйственные и

¹ В управление государственной безопасности гор. Молотово от Чекина Л.М. ... работник автобазы завода н/я № 210 механик Объяснение // ПЕРМГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 4. Л. 270.

² В управление гос безопасности от начальника автобазы завода п/у 210 Пономарева Михаила Федоровича Объяснение по части автомашины «Линкольн» принадлежащей бывшему директору завода Премудрову // ПЕРМГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 4. Л. 2.

³ Косвенным доказательством правдоподобности истории об изъятии машины работниками НКВД стал эпизод из биографии Л.А. Радкевича, еще одного бывшего сослуживца Премудрова, который в 1933 г. уехал в Горький и работал там директором завода № 92. Он, также как Премудров был премирован автомашиной, правда, отечественной марки ГАЗ. Позже ее заменили на М-1. И также как Петр Константинович, в 1937 г. Радкевич был арестован. При опросе по поводу «Линкольна» в мае 1957 г., переживший чистку директор сообщил: «Моя машина при аресте была также отобрана, поэтому полагаю, что и у Пемудрова ее также изъяли». См.: Протокол опроса Радкевич Л.А. (Москва 7 мая 1957 г.) // ПЕРМГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 4. Л. 293.

финансовые отделы УВД и УКГБ Свердловской области, соответственно через гаражи и лиц работавших в тот период, эксплуатировалась ли автомашина марки «Линкольн» управлением НКВД Свердловской области, где находится в настоящее время, если списана, то кем, когда и по какому документу, а также кому она принадлежала до ее поступления в УНКВД»¹. Аналогичный запрос был отправлен и начальнику ГАИ Свердловской области.

Бармину так и не удалось получить точные сведения о судьбе «Линкольна». Машина пропала. Зацепкой могла послужить информация от начальника свердловского ГАИ подполковника Дедюкина, полученная 30 апреля 1957 г. Дедюкин сообщал, что в АТО ХОЗО УМВД Свердловской области находился автомобиль разыскиваемой марки «1932 г. ввоза в СССР». Он был списан ввиду плохого технического состояния и «конструктивной устарелости» в октябре 1953 г.² Информация по нему, за исключением госномера (СЛ 00–28) и номера его техпаспорта была уничтожена в связи с истечением срока хранения. Принадлежал ли этот автомобиль ранее Премудрову, работники ГАИ установить не могли, не сообщали они и то, кто на нем ездил во второй половине 30-х³.

Сбор свидетельств о машине продолжался еще и в мае, но принципиально новой информации уже получено не было. 10 мая Бармин передал семистраничный документ с результатами расследования в молотовский горфинотдел для решения вопроса о компенсации. (В документе, между прочим, как факт указывалось то, что машина была изъята

¹ Начальнику учетно-архивного отдела УКГБ при СМ СССР по Свердловской обл. подполковнику тов. Горшенину гор. Свердловск // ПЕРМГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 4. Л. 275.

² Премудров Петр Константинович // ПЕРМГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 4. Л. 287.

³ Профессор О.Л. Лейбович, в беседе с автором данной статьи, выдвинул очень правдоподобную, на наш взгляд, версию о том, кто бы мог ездить на машине Премудрова в Свердловске. Претендентом номер один в списке потенциальных обладателей гангстерским лимузином стоит глава областного НКВД Дмитриев. Во-первых, на подобном статусном трофее мог ездить только большой человек, а лица выше Дмитриева во второй половине 1937 г., когда шел большой террор, в области не было. Во-вторых, известно, что в НКВД практиковалось присвоение вещей арестованных граждан. Это, кстати, к вопросу о попытках найти следы «Линкольна» и другого имущества репрессированного директора в официальных документах. Куда подевался охотничий арсенал Премудрова, Бармину ведь также выяснить не удалось.

и «угнана» в Свердловск работниками НКВД). В конце июля комиссия горфинотдела вынесла решение возместить родственникам Премудрова стоимость конфискованного имущества в размере 27570 рублей 05 копеек. Этих денег вполне могло хватить на покупку нового отечественного автомобиля. Последний документ в переписке, которую вел майор Бармин, датирован 8 августа 1957 г. В нем сообщалось о возвращении в Москву архивно-следственного дела и кратко излагались результаты его использования.

Здесь в нашей статье можно было бы поставить точку. Судьба удивительной машины незаурядного человека сама по себе, как нам кажется, интересна и показательна. Мы видим, как власти, отказавшиеся от массового насилия, восстанавливают справедливость – возвращают доброе имя и незаконно отобранное имущество. Однако нам хотелось бы остановиться еще на нескольких моментах.

Игры власти и дух времени

Несмотря на обильную переписку, расследование было довольно поверхностным и по бюрократически формальным (что вообще характерно для реабилитационных процедур того времени). Бармин шел проторенным маршрутом: хозяйственные отделы собственного ведомства, финансовый отдел горсовета, ГАИ, опрос свидетелей. Нет ни одного документа, свидетельствующего о запросах на Мотовилихинский завод, где обслуживалась машина. Нет запросов министерства, откуда, собственно, и прибыл автомобиль. И наконец, следствие обрывается на самом интересном месте. Ответ свердловского ГАИ открывал новый этап в поисках пропавшего лимузина. Опросы шоферов, сотрудников, анализ хозяйственной документации могли бы пролить свет на историю машины Премудрова, но Бармин прекращает поиск. Поджимали сроки, отведенные на подобные мероприятия и это, в совокупности с формальностью, о которой мы говорили выше, заставляет

думать, что существовала некая установка, которой и руководствовались работники КГБ, подобные Бармину.

Эта установка подразумевала предрешенность итогов следствия, т.к. все, пострадавшие в 1937 г., воспринимались как жертвы нарушения социалистической законности. С них надо было снять судимость и вернуть им имущество. Эта установка, верная для политических дел, и превращала следствие в формальное действие с заранее известным итогом. Его требовалось подкрепить перечнем соответствующих документов, количество и информативность которых, видимо, зависело от конкретного работника КГБ, который вел поиск.

Подобная практика имела несколько последствий. С одной стороны, такой бюрократизированный подход давал возможность реабилитировать и возместить потерянное имущество сразу многим. С другой стороны, он приводил к искажению картины прошлого. Власть стремилась поскорее переписать страницу номер 1937, не желая давать возможности людям вчитываться в ее содержание.

Восстановление юридического и отчасти экономического – статуса не означало полной символической реабилитации. Люди вроде Премудрова, как мы уже говорили, были не просто советскими и партийными работниками, они были персонажами большого сталинского мифа. В нем отдельные советские граждане становились олицетворением железной воли и самоотречения, наделялись сверхчеловеческими чертами для решения задач, которые еще никогда не стояли перед человечеством. На смену сталинскому мифу, который направлял социальную энергию в нужном власти направлении, во второй половине 50-х приходил новый миф – о честных коммунистах. Он был менее масштабен и не обладал таким же значительным мобилизационным потенциалом. Это было повествование о сотворении социалистического мира, с тайными главами, в которых рассказывалось о том, почему «честные коммунисты» покинули мир в один и тот же год.

В новом мифе далеко не все реабилитированные представители элиты получили большую отдельную биографию. В частности, нам не известны попытки символической реабилитации Премудрова. Новый цирк в Мотовилихе, построенный уже при Брежневe, остался безымянным, нет улицы, носящей его фамилию. Даже активность родственников была направлена, прежде всего, на возмещение имущества.

Вероятно, между властью с одной стороны, родственниками реабилитированных представителей элиты – с другой стороны, в тот момент возник своеобразный консенсус. Первые ограничивались признанием несправедливости репрессий и компенсацией материальных потерь семей, вторые соглашались на это, не заостряя внимания на вопросе о возвращении пострадавшим прежнего облика культурных героев.

Нам не известны попытки родственников Премудрова вернуть ему сверхчеловеческий образ. Из писем в КГБ только в письме сына содержится информация о прежних, в том числе революционных, заслугах Петра Константиновича. Жена и дочь к ним не апеллируют. Это можно объяснить личными качествами, а можно вспомнить про дух времени.

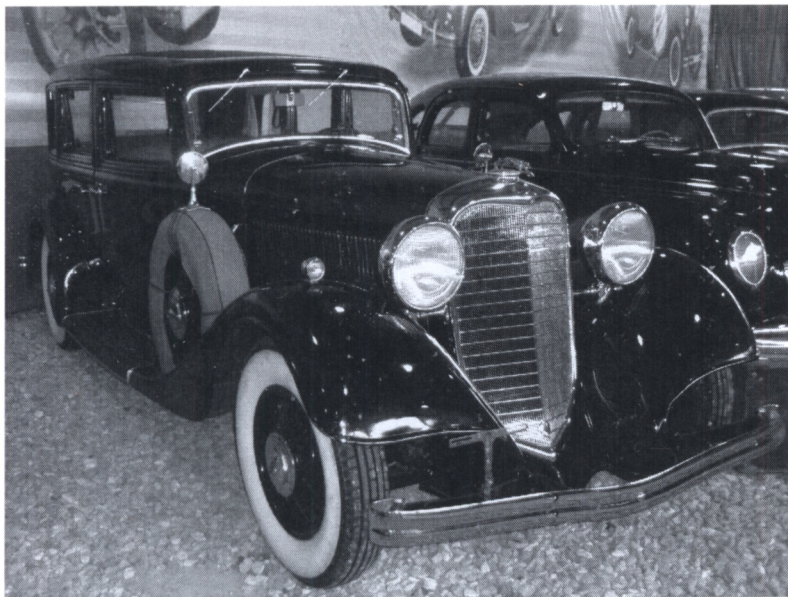
В 50-е годы люди понемногу стали обустраивать, делать более комфортной свою повседневную жизнь. Они покидали бараки, где каждый был как патрон в обойме прижат к другому, лишен личного пространства и свободы выбора модели поведения. У граждан появлялся интерес к домашней обстановке, моде. События, связанные с машиной Премудрова, рассмотренные под этим углом зрения, вполне соответствуют тогдашним общественным настроениям. Машина или компенсация за нее могли значительно изменить материальное положение. Вероятно это, а не борьба за восстановление образа демиурга, было более важным в то время.

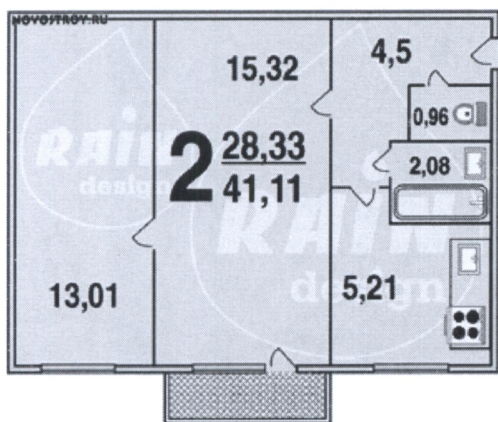
*Двухэтажная постройка барачного типа
в районе бывшего завода им. И.В. Сталина*

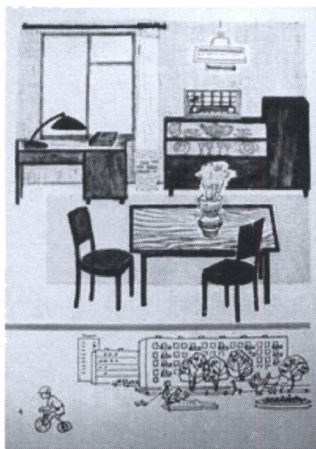
*Школьники на Демонстрации.
Фото из фондов ПермГАНИ*

*Lincoln KB 1933 года в московском музее Ретро-Автомобилей.
Автор фото Галин Владимир Петрович*

*План двухкомнатной «хрущевки»
с проходной комнатой*

Интерьер

ПОГАНКИ

Иностранцы!! Иностранки!!
Нет! От пяток до бровей
Это местные поганки,
Доношенный «Бродвей»!

Эмил КРОТКИЙ

Рисунки КУКРЫНИКСЫ

«Поганки». Рис. Кукрыниксы. Ж-л «Крокодил», 20 января 1960 г.

ПОЧТИ ПО БРЕМУ

ПОПУГАЙ

Он знаменит, но не пареньем,
А лишь заморским опереньем.

И, чтобы холить оперенье,
Способен долгие года
Жить у людей на издвигенье,
Не улета я никкуда.

По форме — пестр. По содержанию —
Предрасположен к подражанию.

Перенимает он ретиво,
В момент, услышав лишь едва,
С чужого голоса мотивы,
С чужого голоса слова!

Почти по Брему. Попугай. Ж-л «Крокодил», 20 января 1960 г. № 1.;
Стихи В. Дыховичного, М. Слободского

ПРОКУРОР, «ТУФТА» И «СУКИ»: ЛАГЕРНАЯ ЖИЗНЬ В ПРИКАМЬЕ В 1950-Е ГОДЫ

С. Шевырин

ГУЛАг являлся краеугольным камнем сталинской системы. Десталинизация означала неизбежные трансформации этого института. Как изменилась лагерная жизнь, труд и быт заключенных в 1950-е годы?

В послевоенное время количество лагерей ГУЛАГа значительно увеличилось. Если в 1946 г. лагерных управлений¹ было 44, то в 1953 г. – уже 166². Каждое лагерное управление создавалось для выполнения определенной хозяйственной задачи. В числе новыхстроек ГУЛАга в Прикамье на рубеже 1940-х – 1950-х были лесозаготовки и крупные стройки – КамГЭС и нефтеперерабатывающий завод (Молотовстрой).

В это время правительство передало МВД Главное управление золотоплатиновой промышленности (Главзолото) Министерства цветной металлургии СССР. Это сосредоточило в руках МВД всю золотоплатиновую промышленность. Кроме того, в распоряжении министерства оказались слюдяная, асбестовая промышленность, добыча алмазов, кобальта, апатитов. ГУЛАГ МВД выполнял большие объемы строительных работ – каналы, железные дороги, военно-промышленные объекты, стройки атомной промышленности³. В Молотовской области в 1952 г. было 112 238 человек заключенных, большая часть которых была заня-

¹ «Лагерное управление» в структуре ГУЛАГа того времени объединяло несколько «лагерных отделений» (ЛО), которые в свою очередь объединяли несколько конкретных лагерей – «лагерных пунктов» (ЛП).

² История сталинского ГУЛАГа. М., 2004. Т.2. С.40.

³ Хлевнюк О.В. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930-1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития. // Экономика принудительного труда. М. РОССПЭН, 2005 г. С.74-75.

та на лесозаготовках (более 75 тысяч человек), на строительстве (около 15 тысяч), угледобыче, производстве обуви, баянов, мебели, гвоздей, мясорубок¹ и т.д. Из «литерных дел» лагерей можно узнать примерный состав их заключенных. Так, в ИТЛ «Молотовстрой» (строительство нефтеперерабатывающего комбината на окраине г. Молотова) в апреле 1952 г. содержалось 5856 человек. Из них 264 (4,5%) человека были осуждены за контрреволюционные преступления, а 189 человек (3,2%) проходили по оперативным сводкам как «уголовно-бандитствующие»². В лесном Ныроблаге в это же время содержалось 22804 человек, из них 4678 осужденных по 58 статье (20,5%), уголовно-бандитствующих – 1979 (8,7%)³. Опасные преступники (по УК – контрреволюционеры и бандиты) должны были содержаться в малонаселенных местах страны.

Репрессивная политика в это время получила новый импульс – в виде июньских Указов 1947 г. об усилении охраны личной и общественной собственности. Не отменены были и Указы 1940 года⁴. В результате количество лагерного населения резко увеличилось и достигло своего пика в 1950 г.⁵

В это же время был смягчен режим в лагерях и колониях МВД. Весной 1947 г. была принята Инструкция по содержанию заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях. Этот документ уделял больше внимания перевоспитанию заключенных, а не их трудовому использованию. Декларировалось преобладание поощрительных мер стимулирования труда⁶. Низкие нормы питания, характерные для первых послевоенных лет были к концу 1940-х годов значительно повы-

¹ Материалы по проведению амнистии 1953 г. // ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.686. Л.9.

² Литерное дело ИТЛ и Молотовстрой МВД СССР. Апрель 1952 г. // ГАРФ. Ф.9414. Оп.1с. Д.592. Л.8-16.

³ Литерное дело Ныробского ИТЛ. Апрель 1952 г. // ГАРФ. Ф.9414. Оп.1с. Д.570. Л.5-91.

⁴ От 26 июня «О переходе на 8 часовой рабочий день, на 7 дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»; 10 июля «Об ответственности за самовольные отлучки и дезертирство»; 28 декабря «Об ответственности учащихся Ремесленных, Железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)».

⁵ 2,5 млн. человек. // Соколов А.К. Принуждение к труду в советской экономике 1930-е – середина 1950-х гг. // ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М. РОССПЭН, 2005 г. С. 62-63.

⁶ Уголовно-исполнительное право России. М. 2002 г. С.297.

шены¹. Тогда же была отменена смертная казнь². Руководство МВД и ГУЛАГа издало ряд директив, обязывающих администрацию лагерей улучшить быт заключенных³.

Хроническое невыполнение лагерями производственных планов и низкая производительность труда заключенных заставляли администрацию ГУЛАГа искать новые методы стимулирования труда. Уже в 1947 г. заместитель министра внутренних дел В.В. Чернышев предлагал платить заключенным деньги за работу и вернуться к практике условно-досрочного освобождения⁴. Последнее было осуществлено уже 26 ноября 1947 г. Постановление Совета Министров СССР «в целях повышения производительности труда, обеспечения выполнения плановых заданий, окончания строительства в установленные сроки» разрешало условно-досрочное освобождение для заключенных, занятых на стройках и предприятиях Минтяжстроя и Минчермета, на строительстве железной дороги от станции Чум до Обской губы, лесозаготовительных работах, объектах нефтяной промышленности и строительстве трубопроводов. Система условно-досрочного освобождения в 1947 г. была распространена даже на некоторые каторжные лагеря (Особый лагерь №5)⁵. В течение 1948–1950 гг. в лагерях и колониях была введена заработная плата для заключенных⁶.

¹ Приказ МВД СССР №0562 с объявлением норм продовольственного снабжения заключенных ИТЛК МВД от 10 августа 1949 г. // ГУЛАГ, 1918–1960. М., 2002. С.541–552.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. // Детков М.Г. Содержание карательной политики Советского государства и ее реализации при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в 1930–1950 гг. М., 1992 г. С.72.

³ Приказ от 26 марта 1948 г. "О мероприятиях по улучшению физического состояния заключенных, содержащихся в ИТЛ и К МВД" // Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). Пермь, 2003 г.с.55. Детков М.Г. Содержание карательной политики Советского государства и ее реализация при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в 1930–1950 гг. М., 1992 г. С.72.

⁴ Соколов А.К. Принуждение к труду в советской экономике 1930-е – середина 1950-х гг. \ ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М.РОССПЭН, 2005 г. С.135–136.

⁵ Условно-исполнительное право России. М. 2002 г. С.400.

⁶ Постановление Совета Министров СССР №4293-1703сс «Об оплате труда заключенных исправительно-трудовых лагерей Дальстроя МВД СССР» от 20.11.1948 г.; Постановление Совета Министров СССР №1065-376сс «О повышении производительности труда и более рациональном использовании труда заключенных ИТЛК МВД СССР» от 13.03.0950 г. // История Сталинского ГУЛАГа. М., 2004 г. Т.3. С.299–306.

Но, в лагерных условиях этот стимул приобрел свою специфику: «Новая система оплаты труда зк, введенная в августе прошлого года, дала положительные результаты в части повышения производительности труда. Наряду с положительными результатами необходимо отметить, что значительная часть заключенных стала применять жульнические приемы в приписке объемов, в результате чего на некоторых лагпунктах, вместо повышения производительности труда имеет место снижение. ...были случаи завышения объемов бандитствующему элементу, что очень сильно влияет на общую производительность труда»¹. В приписках или «туфте» были заинтересованы все – и заключенные и администрация лагеря. Нормы выработки постоянно снижались, отчетность составлялась по совершенно оторванным от рентабельности или прибыльности показателям. Видимость высокого уровня «выхождаемости на работы» легко достигалась в условиях «перелимита» контингента. Низкие нормы и многочисленная «туфта» позволяли получать премии за «высокие производственные показатели». Государство несло огромные убытки, и было вынуждено дотировать лагерное хозяйство. Так, по отчетным данным Молотовское УИТЛК план 1953 г. выполнило на 116%. Конечно же, все начальство получило премии. Однако последующие ревизии выявили приписок и недостач на сумму 1,5 млн. руб. Стоимость произведенного продукта была завышена на 8,6% от плана.²

Еще одним последствием появления денег в лагерях стало то, что заключенные получили возможность покупать у охраны водку, продукты и даже наркотики. Летом 1954 г. прокуратура области отмечала, что почти во всех лагерях заключенные покупают через охрану водку³. В Кизеллаге были отмечены многочисленные совместные пьянки заключенных и охраны, употребление охраной наркотиков. За деньги

¹ Из протокола собрания партийно-хозяйственного актива Ныробского ИТЛ, 1951 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.3839. Оп.6. Д.6. Л.39.

² Справка о проверке фактов нарушения финансово-хозяйственной деятельности УИТЛК МВД по Молотовской области за 1953 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.21. Д.146. Л.97-105.

³ Справка прокурора Молотовской области. 28.06.1954 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.21. Д.142. Л.189.

ключенных и охраны, употребление охраной наркотиков. За деньги и водку охрана пропускала в ШИЗО посетителей из зоны, приносила продукты, шприцы, финские ножи¹.

Лагерный быт в это время соответствовал самым мрачным описаниям ГУЛАГа в художественной литературе. Документы фиксировали сотни случаев «нарушения соцзаконности» охраной и лагерной администрацией. Можно только догадываться, сколько фактов не дошло до вышестоящего начальства. Например, в Кизеллаге осенью 1952 г. конвоиры с вышек беспричинно стреляли из автоматов по проходящим колоннам заключенных; при возвращении с работы из леса могли погнать «галопом», стреляя под ноги или натравливая собак. Интересно, что эти факты дошли до суда только летом 1953 г. Источником судебных разбирательств стали многочисленные письма заключенных в ЦК КПСС, Правительство СССР, Генпрокурору СССР². Произвол администрации вызывал случаи массового неповиновения заключенных. Так, 13 февраля 1953 г. при конвоировании заключенных в лес солдат-охранник «без каких либо к этому причин, выстрелом в упор, сзади в голову, застрелил заключенного...». После этого 300 заключенных отказались работать и потребовали приезда прокурора. В этот раз виновный был осужден на 25 лет ИТЛ³. Ранее такие жалобы заключенных оставались внутри ГУЛАГа и передавались на рассмотрение начальника политотдела, ВОХР, лагеря. Например, в 1948 г. заявление избитого охранниками заключенного Усолялага рассматривал начальник первого отдела. К делу была приложена справка от лагерного врача, где было написано: «...никаких знаков насилия на теле з/к не обнаружено». Солдаты все же были наказаны – получили по 15 суток гауптвахты⁴. В апреле 1952 г. надзиратели Кизеллага избили заключенного в присутст-

¹ Протокол собрания партийно-хозяйственного актива парторганизации Кизеловского ИТЛ от 15.12.1955 г. // ПЕРМГАНИ. Ф. 4356. Оп. 1. Д. 40. Л. л.5об.-7.

² Из представления начальнику управления по надзору за местами заключения прокуратуры СССР от 05.06.1953 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.20. Д.158. Л.9.

³ Там же. Л.11.

⁴ Заключение по делу ВОХР. 25.11.1948 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.4460. Оп.1. Д.136. Л.139.

вии начальника лагерного пункта (ЛП), после раздели до белья, облили холодной водой и в наручниках бросили в холодную камеру. Там его без пищи и воды держали 5 суток. Дело дошло до лагерного суда. 24 апреля 1952 г. лагерный суд рассмотрел дело и не нашел в действиях надзирателей «нарушения советской законности». Дело было сдано в архив. В мае 1952 г. надзиратели ЛП «Вильва» Кизеллага забили заключенного дубинками до смерти. Следователь особой инспекции УМВД через два месяца вынес заключение: «фактов нарушения соцзаконности не установлено»¹.

Низовые административные должности в лагере часто занимали уголовники, применявшие собственные методы «администрирования» и распределения заработанных денег, продуктов и вещей. В Ныроблаге в 1952 г. почти ежедневно совершались убийства «уголовно-бандитствующим элементом». Речь шла именно о тех заключенных, которых лагерная администрация «широко ...использовала в хозяйственной лагерной обслуге и на низовых административно-производственных должностях»². В 1953 г. Ныроблаг был отмечен в директиве ГУЛАГа как пример «грубейшего нарушения правопорядка», где «при попустительстве руководства лагеря ...допущено массовое использование в хозобслуге и на низовых административно-производственных должностях заключенных из числа бандитов, уголовников-рецидивистов»³. Уголовники избивали, грабили и издевались над «честно работающими заключенными»⁴.

Использование уголовников на низовых административных должностях часто приводило к отказам от работы обычных заключенных, у которых неработающие уголовники забирали большую часть заработанных денег и зачетов. Также значительно увеличивалось количество

¹ Представление прокурора Кизеллага. 05.06.1953 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.20. Д.158. Л.5-6.

² Из директивы Минюста СССР от 24.06.1953 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.20. Д.157. Л.155-156.

³ Из директивы политического отдела ГУЛАГа, 03.08.1953 г. // ПЕРМГАНИ. Ф. 2464. Оп.1. Д.175. Л.10.

⁴ Справка о проверке жалоб заключенных. 09.12.1953 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105.Оп.20. Д.180. Л.131.

«промотов», т.е. продаж заключенными вещей, стройматериалов, инструментов вольным гражданам. Так, в январе 1953 г. лагерный суд УИТЛК по Молотовской области рассматривал дело о заключенных «Молотовстроя», которые распродавали казенные материальные ценности. Товаром был бензин, автол, электромоторы, бензопилы. Клиентами – колхозы Пермского района и простые колхозники¹.

Новая, более мягкая, инструкция по содержанию заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях 1947 г. больше внимания уделяла воспитательным мерам, чем репрессивным. Так, в Усольлаге за 1951 г. был осужден за отказы от работы лишь один человек, хотя таких случаев были тысячи. Были своего рода и рекордсмены по отказам. Заключенный Усольского ИТЛ Федоров в течение 1951 года 191 раз не вышел на работу. Сталкиваясь с такими случаями, лагерная администрация ограничивалась только мерами убеждения². Казалось бы, что законодательно режим был смягчен. Однако, на самом деле в лагерях царил произвол администрации и уголовников. Уже с конца 1940-х годов это явление встречало активное сопротивление обычных заключенных. Так, в марте 1949 г. заключенные Отдельного лагерного пункта (ОЛП) №22 Молотовского УИТЛК избили и выгнали дежурных надзирателей из зоны. Примерно в то же время в Лагерном отделении (ЛО) №13, заключенные, обстрелянные охраной с вышек, не вышли на работу³. Другим способом воздействия на лагадминистрацию стали многочисленные письма в вышестоящие инстанции. До весны 1953 г. жалобы отправлялись на рассмотрение в систему МВД и ГУЛАГ. Комиссии по их рассмотрению создавались из сотрудников лагерей и почти всегда находили действия охраны правильными⁴. Типичные заключения таких

¹ Частное определение лагерного суда. Январь 1953 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.20. Д.179. Л.16.

² Докладная записка начальника ГУЛАГа И.И. Долгих министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову об отказах от работы от 25.03.1952 г. // История сталинского ГУЛАГа. М., 2004. Т.3. С.339.

³ Из протокола собрания партячейки Молотовского УИТЛК, 20.01.1950 г.// ПЕРМГАНИ. Ф.2464. Оп.1. Д.128. Л.83-85.

⁴ Например, Справка УМВД по Молотовской области в обком КПСС по проверке жалоб заключенных, 15.01.1953 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.20. Д.179. Л.111-112.

комиссий гласили: «указанные факты не подтверждаются... Физическое состояние контингента удовлетворительное»¹.

После смерти Сталина ГУЛАг начинает реформироваться. Уже 18 марта Совмин СССР принял предложения Берии об изъятии производственных функций у ГУЛАГа. Это не означало, что заключенных перестали эксплуатировать. Они продолжали работать на тех же объектах, но уже по договору с вольным предприятием. Причем, жилищно-бытовые условия, согласно типовому договору, должны были обеспечивать новые хозяйственные организации².

25 марта по предложению Берии правительство приняло новое постановление. Прекращались 22 крупнейших лагерных стройки: Главный Туркменский канал, железная дорога Салехард – Игарка, тоннельный переход под Татарским проливом и др.³ Общая стоимость этих строителей составляла 22% от расходной части государственного бюджета СССР⁴. В марте была проведена амнистия, в результате которой на свободу вышло около миллиона человек. В Молотовской области подлежало освобождению 49 592 человека или 44% от общего количества заключенных на март 1953 г.⁵ Сокращалось количество лагпунктов и лаготделений. Если 15 марта 1953 года Ныробский лагерь имел 11 ЛО и 53 ЛП, то после амнистии – 7 ЛО и 32 ЛП.

Многие амнистированные, по словам Льва Разгона (не попавшего под амнистию в Усольяге): «...попили, пограбили, побабились, отвели душеньку – и вернулись в родной дом (*лагерь*)»⁶. Сотрудники УИТЛК отмечали, что после амнистии «...значительно увеличился «удельный вес» категории осужденных за бандитизм, разбойное нападение и др.

¹ Докладная записка по жалобе заключенного. Май 1953 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.20. Д.177. Л. 102-103.

² Справка ГУЛАГ об использовании заключенных на объектах других ведомств от ноября 1953 г. // История Сталинского ГУЛАГа. М., 2004 г. Т.3. С.356-362.

³ ГУЛАГ, 1918-1960 г.г. документы. М.2002 г. С.788-791.

⁴ История Сталинского ГУЛАГа. М., 2004 г. Т.2. С.49.

⁵ Материалы по амнистии 1953 г. // ГАРФ. Ф. 9414. Оп.1. Д. 686. Л. 9.

⁶ Разгон Л. Бунт на борту... // Годы террора. Ч.2. Пермь, 2000. С.193.

социально опасные преступления». Конечно, большинство настоящих рецидивистов под амнистию не попали и остались в лагере. Речь шла о тех, кто после амнистии совершили на свободе тяжкие преступления и вновь пополнили население лагерей¹. Хотя, официальная статистика и не отметила бурного роста преступности на воле, необходимо помнить, что преступления, попадавшие под амнистию, не фиксировались².

16 июня 1953 года Берия внес на рассмотрение Президиума ЦК КПСС и Совмина СССР предложение «Ликвидировать сложившуюся систему принудительного труда ввиду экономической неэффективности и бесперспективности»³. Реформы Берии можно оценить как попытку оптимизации производства и труда в ГУЛАГе. В распоряжении начальника ГУЛАГа Долгих об амнистии прямо говорится о закрытии нерентабельных подразделений.

После ареста Л.П. Берии, начатое им масштабное реформирование ГУЛАГа было приостановлено. Более того, произошел определенный возврат к старой системе. В январе 1954 г. ГУЛАГ вновь был передан в ведение МВД. В феврале-марте началась передача производств из профильных ведомств в МВД.

Арест Берии дал новый импульс вызвал новый поток жалоб от заключенных. На этот раз лагерная администрация обвинялась в «бериевских методах управления». Ее называли «бериевским охвостом» и пытались приписать шпионаж⁴. Вести с воли часто служили поводом для писем «во власть». 6 августа 1954 года заключенные ЛП «Горный Волим» Ныробского ИТЛ обратились в «Комитет в защиту мира». В письме сообщалось: «Нам изредка приходится читать газеты, в которых мы прочитываем статьи и узнаем из них, что весь мир борется, чтобы создать благо человечеству, а здесь все наоборот, творят произ-

¹ Справка комиссии обкома партии. Апрель 1954 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.21. Д.146. Л.114.

² Справка о состоянии работы органов милиции Молотовской области по борьбе с преступностью. 1953 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.20. Д.159. Л.2-3.

³ Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929-1953 г.г.) Пермь, 2003 г. С.62.

⁴ Из письма члену Центрального комитета и секретарю Молотовского обкома коммунистической партии СССР от зк, 09.10.1954 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.21. Д.147. Л.97.

волы и чем озлобляют и уничтожают этим народ», «наша партия и правительство искоренило всю эту нечисть ... у нас творится ... равносильно тому, как занимались фашисты»¹.

После передачи 28 марта 1953 г. ведомства ГУЛАГ из МВД в министерство юстиции, реакция на письма заключенных изменилась. Примером может служить жалоба заключенного Ныроблага, пришедшей в Молотовский обком партии 24 марта 1953 г. Прокуратура начала расследование фактов произвола и издевательства над заключенными. В результате 3 надзирателя были осуждены на длительные сроки заключения². Летом 1953 г. прокуратура проверила почти все лагеря области. После этого была разослана специальная директива Минюста «Об усилении партийно-политической работы среди личного состава по обеспечению советской законности и повышению бдительности в ИТЛК МЮ СССР». В ней говорилось: «...МЮ за последнее время установлены серьезные факты нарушения советской законности...отдельные работники преступно относились к выполнению своих служебных обязанностей, допускали факты произвола и беззакония в отношении заключенных». В предложениях этой директивы было: «считать важнейшей задачей в работе политотделов ...воспитание личного состава в духе строжайшего соблюдения советской законности и нетерпимого отношения ко всякого рода нарушениям советской исправительно-трудовой политики»³.

К этому времени власть в лагерях почти полностью перешла в руки уголовников, что подтверждали и работники лагадминистрации: «Дело доходит до того, что в ряде ЛП не мы являемся хозяевами, а уголовный

¹ Из обращения в Комитет в Защиту Мира, 06.08.1956 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.21. Д.147. Л.60-61.

² Из справки прокурора Ныроблага в Молотовский обком КПСС от 20.06.1953 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.20. Д.180. Л.21.

³ Директива МЮ начальникам политотделов ИЛК-УИТЛК. 03.08.1953 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.2464. Оп.1. Д.175. Л.10-14.

рецидив»¹. В результате «...пьянство, хулиганство, сожительство, отказы от работы среди заключенных стали массовым явлением... Допущено большое количество бандпроявлений, групповых неповиновений и побегов»². Только в Ныроблаге «За 1954 г. было 6 случаев массовых неповиновений, сотни случаев пьянства...»³. «В этом лагере 10% заключенных вообще не работали, 45% работали, но, не выполняя норм выработки»⁴. Кроме того, дезорганизации лагерной жизни способствовали враждебные уголовные группировки, которые часто устраивали массовые драки и неповиновения лагадминистрации, простые заключенные также часто объединялись и давали отпор уголовникам. Так, в январе 1954 г. в КОЛП (комендантский ЛП) Ныроблага произошла массовая драка, в результате которой 12 человек попали в больницу, а 1 был убит. Драка произошла из-за того, что в ЛП разместили два этапа, состоящие из враждующих группировок. В апреле того же года в ЛП «Головная» произошла драка между уголовниками и «рабочим контингентом», в результате которой 60 человек было госпитализировано, из них 10 – с тяжелыми ранениями, 2 умерли в больнице, 3 человека были убиты в драке. При этой драке были разрушены нары, окна, двери, печи⁵. Прибывший летом 1954 г. в Боровск этап так описывал свой первый день: «Не прошло каких ни будь 10 минут как в барак ворвались заключенные с ножами, палками, железными ломami. И они стали избивать ни в чем не повинных и незащищенных людей, за что никто не знает. Многим пробили головы, сломали руки, поотбивали ноги и все внутренности. А кто еще был в силах передвигаться всех загнали в за-

¹ Протокол партийно-хозяйственного актива Кизеловского ИТЛ МВД СССР от 29.09.1955 г. // ПЕРМГАНИ. Ф. 4356. Оп.4. Д.9. Л.67.

² Из протокола №73 заседания бюро Молотовского обкома КПСС от 18.04.1955 г. // ПЕРМГАНИ. Ф. 105. Оп.22. Д.28. Л. 23.

³ Справка о ходе выполнения постановления ЦК КПСС от 10.07.1954 г. политотделом Ныроблага МВД, апрель 1955 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.22. Д.75. Л.56.

⁴ Из протокола №73 заседания бюро Молотовского обкома КПСС от 18.04.1955 г. // ПЕРМГАНИ. Ф. 105. Оп.22. Д.28. Л. Л.23.

⁵ Из письма прокурора Молотовской области секретарю Молотовского обкома КПСС, 05.06.1954 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.21. Д.142. Л. 156.

претную зону...»¹. В сентябре 1953 г. группа надзирателей ЛО №4 Молотовского УИТЛК была избита уголовниками за то, что они попытались защитить от избиений прибывший этап².

Чтобы исправить такое положение, было принято Постановление ЦК КПСС от 10 июля 1954 года «О мерах улучшения работы исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД». Это постановление предполагало разделение заключенных по видам режима и по статьям. Осужденные за контрреволюционные преступления, бандитизм, разбой, грабеж, изнасилования, умышленные убийства должны были содержаться отдельно от осужденных впервые и за менее опасные преступления. Должны были создаваться «советы актива», призванные противостоять уголовникам. Еще более усиливалось значение поощрительных мер «к честно работающим людям». Предлагалось заменить репрессивные меры воспитательными: лекциями, докладами, просмотром кинофильмов, художественной самодеятельностью, посещением библиотек, общеобразовательной и технической учебой. В числе предложений было улучшение жилищно-бытовых условий: обеспечить жильем по нормам, выдать все, что полагается (постельное, вещдвольтствие), улучшить торговлю предметами первой необходимости³.

Постановление также обязывало лагерное начальство донести новые законодательные нормы до всех заключенных через общие собрания. Вооруженные новыми знаниями заключенные начинали требовать от нерасторопной лагадминистрации выполнения норм постановления. Так, в декабре 1954 г. заключенные Няризьского отделения Нырблага написали письмо прокурору. Проверка выявила недостаток сменного белья, матрацев, низкую температуру в бараках, плохой рацион. Администрация мер не приняла и тогда 28 августа 1955 г. на ЛП

¹ Из письма заключенного А. секретарю горкома партии г. Молотова гр. Струеву. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.21. Д.147. Л.167.

² Справка по заявлению на имя т. Струева. 08.04.1954 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.21. Д.146. Л.113.

³ Из протокола №73 заседания бюро Молотовского обкома КПСС от 18.04.1955 г. // ПЕРМГАНИ. Ф. 105. Оп.22. Д.28. Л. Л.23.

«Весенняя» Нярызского ЛО заключенные не вышли на работу, разгромили штрафной изолятор, выгнали из зоны администрацию лагеря¹. Это массовое неповиновение продолжалось 4 дня.

После постановления ЦК КПСС от 10 июля 1954 г. все лагеря Молотовской области были вновь проверены прокуратурой. Было выявлено множество недостатков – недостаточная жилплощадь, а в ЛО №1 Усольлага 100 человек вообще не имели спальных мест, в ЛП №4 того же лагеря на 444 заключенных имелось 80 мисок и 75 ложек, заключенные ели из консервных банок, по видам преступлений заключенные часто были не разделены и т.д.² В результате проверки Ныробского ИТЛ прокурор по надзору за местами заключений в связи с многочисленными нарушениями передал дело на начальника управления лагеря в прокуратуру Молотовской области³.

Внедрение новых правил происходило очень медленно. В мае 1955 г. прокурор Усольлага сообщал секретарю Молотовского обкома КПСС Струеву: «с момента выхода в свет данного Постановления прошел уже почти год, руководители Усольского ИТЛ ... данное постановление партии не выполняют» – по видам преступлений заключенные не разделены, низовые должности лагадминистрации занимают уголовники, нарядчиками работают лица, осужденные за растраты⁴. В июне 1955 г. Молотовский обком провел проверку этого письма и обязал начальника лагеря срочно все исправить⁵.

В 1955 г. Молотовская прокуратура продолжала отмечать массовые беспорядки и драки между враждующими группировками. В официальных документах упоминались колоритные названия: «воры в законе,

¹ Из справки о ходе выполнения постановления ЦК КПСС от 10.07.1954 г. политотделом Ныроблага МВД, апрель 1955 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.22. Д.75. Л.53.

² Из письма прокурора Молотовской области секретарю Молотовского обкома КПСС, 05.06.1954 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.21. Д.142. Л.178–202.

³ Из справки о результатах проверки условий режима и законности содержания заключенных в Ныробском ИТЛ, 04.09.1954 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.21. Д.143. Л.77.

⁴ Из письма прокурора Усольского ИТЛ Максимова секретарю Молотовского обкома КПСС т. Струеву, 31.05.1955 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.22. Д.129. Л.12–14.

⁵ Акт проверки работы Усольского ИТЛ, 21.06.1955 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.22. Д.129. Л.15–17.

отошедшие – «суки», польские воры, поленом подпоясанные, красные шапочки, беспредельники, махновцы и др.». Выполняя постановление, администрация лагерей их изолировала и «в результате огромные группы заключенных не работают, годами этапировуются из одного лагеря в другой, живут в штрафных изоляторах и тюрьмах. Так, только в 1955 г. работниками УИТЛК группа заключенных, т.н. «польских воров» была этапирована ... 19 раз»¹. Руководство Няризьского отделения Нырблага жаловалось на собрании партийно-хозяйственного актива лагеря, что имеются сотни человек «рабочей силы строгого режима» (т.е. осужденные за опасные преступления) использовать их на работе невозможно – будут контакты с другими группировками или «рабочим контингентом». Поэтому эти заключенные просто не выводятся ни на какие работы. В результате отделение имеет миллионные убытки².

Реакция прокуратуры на жалобы, нередкие случаи наказания лагерной администрации привели к тому, что заключенные почувствовали свою силу и значимость. Нередко администрация оказывалась беспомощной перед сплоченными уголовными группировками. Прокурор по надзору писал, что эти группы открыто требуют у начальства отправки в нужный им лагерь. Заключенные ультимативно заявляли: «...мы учиним беспорядки, резню и убийства и тогда вы будете за это нести ответственность»³. Это давало пример сплоченного, совместного сопротивления лагерной администрации. Когда в августе 1955 г. пьяные охранники Усольского ИТЛ избили заключенного, весь ЛП отказался выходить на работу, выгнал из зоны администрацию и потребовали приезда прокурора. После приезда последнего и ареста солдат заключенные вышли на работу⁴. В августе того же года на другом ЛП Усольлага заключенные не работали 7 дней. по аналогичной причине. Про-

¹ Из письма прокуратуры Молотовской области, 18.07.1955 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.22. Д.129. Л.37-40.

² Протокол №1 собрания партийно-хозяйственного актива Нырблагского ИТЛ МВД от 22.02.1955 г. // ПЕРМГАНИ. Ф. 3839. Оп.6. Д.33. Л.31-36.

³ Там же. Л.40.

⁴ Справка прокуратуры Молотовской области секретарю Молотовского обкома КПСС, 19.08.1955 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.22. Д.129. Л.96.

должались конфликты и между различными группировками заключенных. В январе 1954 г. в ЛП №1 ЛО №13 Кизеллага около 100 уголовников решили напасть на осужденных за контрреволюционные преступления. В результате массовой драки было тяжело ранено 16 уголовников, 5 их противников получили легкие телесные повреждения¹.

В лагерях начали создаваться «советы актива». Чаще всего они избирались на общем собрании заключенных, на котором зачитывались Постановление и новое Положение о лагерях и колониях. Одной из задач актива было выявление «бандитствующего элемента» с целью перевода их на спецЛП, что не могло не встретить отпора со стороны уголовников. Так, в Ухтымском ЛО Ныроблага уголовники избили совет актива, но с помощью солдат 56 уголовников перевели на спецЛП². Другой задачей актива было улучшение быта заключенных. Так, совет актива Быбульского отделения осенью 1954 г. оборудовал футбольную и волейбольную площадку, отремонтировал радиолинию, посадил деревья для озеленения зоны и начал строить беседку³. В женском ЛП «Шунья» совет актива организовал кухню для индивидуального приготовления пищи, комнату гигиены, ларек, построил волейбольную площадку. Правда, «за весь период лета всего два раза играли в волейбол. Женщины больше всего интересовались проведением танцев под радиоу и гармошку. Кроме танцев проводились и массовые игры»⁴. Совет актива ЛП «Нижний Волим» организовал ремонт барачных корпусов, оштукатурили стены, нанесли на них трафареты и «художественные оформления», на деньги заключенных приобрели шторы на окна, двери и для спальных корпусов, около барачных корпусов разбили цветочные клумбы⁵.

¹ Справка начальника политотдела Кизеллага. 05.03.1954 г. // ПЕРМГАНИ.Ф.105. Оп.21. Д.145. Л.27-28.

² Пояснительная записка к статистическому отчету о политико-воспитательной работе среди заключенных Ухтымского ЛО Ныробского ИТЛ за 2 полугодие 1956 г. // ПЕРМГАНИ. Ф. 3839. Оп. 10. Д.53. Л.105.

³ Докладная записка инспектора КВЧ от 09.10.1954 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.3839. Оп.10. Д.40. Л.6-8.

⁴ Докладная записка о методах и формах работы среди женщин. от 14.01.1956 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.3839. Оп. 10. Д. 46. Л.212.

⁵ Доклад об опыте работы санитарно-бытовой секции совета актива ЛП «Н-Волим» Волимского ЛО. от 29.12.1955 г. // ПЕРМГАНИ. Ф. 3839. Оп. 10. Д. 52. Л.4-5об.

Конечно же, таких бараков было очень мало. В большинстве своем бараки были грязными, перенаселенными и холодными. Так, очередная проверка Ныроблага, проведенная в апреле 1955 г., обнаружила, что во многих ЛП жилой площади на одного заключенного приходится 1,4 кв. м., тогда как по санитарной норме положено было 2 кв. м. На некоторых ЛП отсутствовали бани и заключенные были завшивлены¹. Характерно было приукрашивание реальной ситуации в официальных отчетах. Например, по данным администрации Кизеллага жилплощади для заключенных имелось ровно по норме – 2 кв. м. Прокуратура же выявила, что в некоторых ЛП на одного заключенного приходится 0,95 кв. м. жилья².

После смерти Сталина ГУЛАГ изменился. Массовые амнистии намного уменьшили население ГУЛАГа. Были прекращены масштабные строительства. Принимались новые законодательные акты, которые больше внимания уделяли перевоспитанию, а не репрессиям. Новые законы доводились до сведения заключенных, которые на деле видели произвол лагерной администрации и частое невыполнение законодательных норм. Вероятно, первые опыты массового неповиновения и сопротивления администрации совершили сплоченные и организованные уголовные банды. В дальнейшем их примеру последовали и обычные заключенные, защищаясь не только от администрации, но и от самих уголовников. Если первые попытки массового сопротивления встречались пулеметным огнем³, то после 1953 г. чаще приезжал прокурор и наказывал виновных в нарушении «соцзаконности» сотрудников лагадминистрации. Другим способом воздействия на администрацию стали многочисленные письма в самые разные инстанции, вплоть до генерального секретаря ЦК КПСС.

¹ Из справки о ходе выполнения постановления ЦК КПСС от 10 июля 1954 г. Апрель 1955 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.22. Д.75. Л.58.

² Из акта комплексной ревизии Кизеллага прокуратурой, 04-22.12.1954 г. // ГАПК. Ф.р-1366. Оп.1. Д.324. Л.8-9.

³ Например, 1947 г. в Кусьинском ИТЛ восстали заключенные одного барака. Администрация расстреляла барак из пулеметов. Из справки прокурора по надзору за местами заключения. 1947 г. // ГАПК, ф. р-1366, оп.1 д.657. л.398.

Лагерный быт начал меняться. Жуткие сталинские бараки стали иногда приобретать обжитый вид: на окнах появились занавески, под ними – цветочные клумбы. Если раньше освоение заключенными лагерного пространства происходило стихийно и не имело поддержки лагадминистарции, то после 1954 г. начальство уже было обязано поощрять такие мероприятия как озеленение зоны, строительство спорт-площадок и т.д.

Соппротивление заключенных главенству уголовников было под-держано администрацией. Законодательно было решено содержать уголовников отдельно от остальных заключенных. Процесс отделения уголовников-рецидивистов был долгим и сложным и до конца так и не был доведен. Однако, власть в лагерях начала возвращаться к админи-страции. В противовес уголовным бандам из проверенных и лояльных к администрации заключенных были созданы «советы актива», которые поддерживались штыками и автоматами охраны и имели средства к улучшению лагерной жизни.

Почти сразу после XX съезда КПСС среди заключенных началось разъяснение материалов и решений съезда специальными агитатора-ми. Так, например, в УИТЛК Молотовской области для этого было вы-делено 130 агитаторов¹.

Заключенный М.Т. Данилкин писал 21 марта 1956 г. секретарю Мо-товского обкома КПСС К.И. Галаншину: «Сейчас, после 20 съезда КПСС, делегатом которого Вы были, мне стало особенно ясно, что мое пове-дение и до ареста и после ареста было принципиально правильным, оно органически вытекало из сложившейся в стране обстановки и бы-ло направлено к тому, чтобы способствовать изменению этой гадкой и опасной для исторических судеб нашей Родины обстановки в лучшую сторону». В письме Данилкин просил: «Поставить перед соответствую-щими органами вопрос о необходимости срочного, внимательного, в

¹ Материал секретаря обкома КПСС т. Кириенко для доклада на партийном активе УИТЛК об итогах XX съезда КПСС. 28.03.1956 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.23. Д.171. Л.32.

свете теперешней обстановки пересмотра моего дела»¹. Таким образом, в лагерях суть доклада Н.С. Хрущева стала известна уже в марте.

5 апреля 1956 г. МВД СССР направил в ЦК КПСС доклад «О назревшей реорганизации системы ИТЛ МВД». Существующая система была признана неэффективной ни как система исправления, ни как хозяйственный механизм. Было отмечено, что более 25% из общего количества заключенных уже не в первый раз отбывали наказание, «крупные недостатки в организации труда заключенных» способствовали увеличению преступности. Авторы доклада предлагали упразднить лагеря, как нецелесообразные². Этот доклад встретил сопротивление со стороны председателя КГБ И.А. Серова и секретаря КПСС Л.И. Брежнева, признавших необходимым продолжать «перевоспитание с помощью общественно-полезного труда». Прокуратура Молотовской области 17 октября 1956 г. также направила свои предложения по «перестройке системы ИТЛ». Ее оценка ситуации была близка к позиции МВД: «Анализ состояния преступности показывает, что из общего числа лиц, осужденных судами Молотовской области, вновь осуждено 25% лиц, которые уже отбыли меру наказания в местах заключения. Поэтому в ряде случаев пороки в исправительно-трудовой политике сводят на нет работу судебных и следственных органов. Мы не достигаем нужной нашему государству цели – наказанием воспитать большую часть лиц, совершивших преступления». По мнению прокуратуры, сложившаяся система не перевоспитывает преступника, а знакомит с различными воровскими группировками и учит криминальному образу жизни³.

19 марта 1956 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления»⁴. На основании этого постановления должны были создаваться комиссии для рассмотрения

¹ Из письма заключенного Данилкина. 21.03.1956 г. // ПЕРМГАНИ. Ф. 105. Оп.23. Д. 106. Л.29-20.

² Уголовно-исполнительное право России. М. 2002 г. С.164-175.

³ Доклад прокурора Молотовской области, 17.10.1956 г. // ГАПК. Ф.р-1366. Оп.1. Д.678. Л.5.

⁴ Докладная Молотовского обкома КПСС в ЦК КПСС, 25.08.1956 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.23. Д.104. Л.92.

дел заключенных. В Молотовской области такие комиссии начали свою работу 16 апреля 1956 г. В Усольском и Ныробском лагерях комиссия рассмотрела 3566 дел, из них 840 политических. Решено было освободить 1269 человек, из них 546 политзаключенных. Причем, комиссия обнаружила 23 человека необоснованно осужденных. За период работы комиссии в ее адрес поступило 1892 письма и заявления от заключенных, а также приезжали родственники заключенных с личными просьбами к комиссии¹. Другая комиссия в это же время работала в местах заключения Молотовского УИТЛК и Кизеловского ИТЛ, было рассмотрено 2147 дел и освобождено 689 человек².

С этими комиссиями заключенные связывали большие надежды на освобождение или смягчение наказания. Так, на ЛП «Промежуточная» Ныробского ИТЛ в начале мая 1956 г. произошло характерное происшествие. Из-за весенней распутицы комиссия не смогла добраться до этого лагеря, тогда заключенные отказались выходить на работу, пока не приедет комиссия³.

Отделение уголовников от обычных заключенных было продолжено. Так, в Усольском лагере только за 1 полугодие 1956 г. было отправлено на тюремный режим 300 человек и переведено на спецстрогий и строгий режим 1117 человек. Это, по мнению администрации, «сократило количество бандпроявлений и массовых неповиновений ...по сравнению с предыдущим полугодием. Но преступность среди заключенных все еще продолжает оставаться высокой»⁴.

Следующим шагом к ограничению власти уголовников и наведению порядка в лагерях стало Постановление Совмина и ЦК КПСС от

¹ Докладная Молотовского обкома КПСС в ЦК КПСС, 25.08.1956 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.23. Д.104. Л.92-101.

² Отчет о результатах рассмотрения дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления, 21.08.1956 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.23. Д.104. Л.85-89.

³ Из протокола 10 партийной конференции парторганизации Ныробского ИТЛ МВД от 9-10.06.1956 г. // ПЕРМГАНИ. Ф. 3839. Оп.6. Д.38. Л.10-11.

⁴ Докладная записка о партийно-политической работе парторганизации Усольского ИТЛ МВД за 1 полугодие 1956 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.23. Д.104. Л.68.

25 октября 1956 г. Это постановление регламентировало создание отрядов, безлический расчет с заключенными, обязательное общеобразовательное и профессиональное обучение, также в постановлении еще раз говорилось о раздельном содержании «опасных рецидивистов и впервые осужденных» и спецмерах по «разложению воров-рецидивистов»¹.

Поощряя работу «советов актива», управлением Усольского ИТЛ был издан приказ о проведении с 15 марта по 1 июня 1956 г. конкурса на лучший лагпункт, барак. В рамках конкурса были изготовлены или приобретены абажуры для жилых бараков, картины, занавески на окна, скатерти и салфетки на столы и тумбочки. Выиграл конкурс ЛП №1 ЛО №3. Заключенные получили приз: 12 инструментов для духового оркестра, 150 м мануфактуры и 30 м хлопчатобумажных дорожек для оформления жилых секций². Женщинам-заключенным начали выдавать «нормальные платья» вместо обычной для сталинского ГУЛАГа мужской одежды. Платья должны были быть по росту и «подходящие по расцветке»³.

Однако, большая часть бараков была в очень плохом состоянии. Проведенная прокуратурой в августе 1956 г. проверка Усольлага выявила, что «заключенные во многих лагпунктах размещены в непригодных и не приспособленных для жилья помещениях и с нарушением установленной для них санитарной нормы жилплощади». В ЛП №1 ЛО №14 заключенные жили в палатках и недостроенных бараках, а 11 человек проживали «в умывальнике барака». Множество бараков оказались грязными, неоштукатуренными и не побеленными. Эта же проверка выявила многочисленные факты совместного проживания уголовников и впервые осужденных. В некоторых лагпунктах низовые администра-

¹ Из протокола собрания партийного актива партийной организации Кизеловского ИТЛ МВД от 10.04.1958 г. // ПЕРМГАНИ. Ф. 4356. Оп.4. Д. 22. Л.31-37.

² Из протокола собрания партийного актива партийной организации Кизеловского ИТЛ МВД от 10.04.1958 г. // ПЕРМГАНИ. Ф. 4356. Оп.4. Д. 22. Л.69-70.

³ Доклад секретаря Молотовского обкома КПСС т. Кириенко на партийном активе УИТЛК об итогах XX съезда КПСС. 28.03.1956 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.23. Д.171. Л.21.

тивные должности по-прежнему занимали уголовники, которые терроризировали заключенных, отбирали деньги и посылки¹. Можно предположить, что конкурсные бараки, побеленные и оштукатуренные с занавесками и абажурами, клумбами и озеленением существовали в единичном виде и служили больше для отчетности. Отмеченное администрацией Усольлага «сокращение числа бандпроявлений и преступности» в первом полугодии 1956 г. проверкой прокуратуры не было подтверждено. Даже наоборот, прокуратура отметила рост преступности на 57% в первом полугодии 1956 г. по сравнению со вторым полугодием 1955 г. Особенно резко возросло количество таких преступлений, как умышленное убийство, нанесение тяжких телесных повреждений, мужеложство, хищения. Таким образом, законодательно декларируемое улучшение жизни для заключенных не наступило. Администрация часто отчитывалась «туфтой», выполненной только на бумаге работой или несколькими приведенными в более или менее жилой вид бараками. К примеру, Кизеллаг отчитался еще в 1955 г., что «...в основном закончено расселение контингента по видам режима. Впервые осужденные, а также осужденные за маловажные преступления отделены от уголовно-бандитствующего элемента»². Однако, 2 ноября 1958 г. на ЛП «Речная» случилась массовая драка. 3 человека получили тяжелые травмы. Произведенная проверка показала, что долгое время на этом лагерном пункте группа уголовников терроризировала заключенных. На многочисленные жалобы администрация не реагировала, после чего заключенные решили сами выгнать уголовников. Объединившись, заключенные пришли в барак, где жили уголовники и предложили «ворам» мирно покинуть лагерь. Уголовники кинулись в драку³. В этом же

¹ Акт проверки работы прокуратуры Усольского ИТЛ, 21.08.1956 г. // ГАПК. Ф.р-1366. Оп.1. Д.352. Л.6-18.

² Протокол партийно-хозяйственного актива Кизеловского ИТЛ МВД СССР от 29.09.1955 г. // ПЕРМГАНИ. Ф. 4356. Оп.4. Д.9. Л.62об.

³ Протокол собрания партактива парторганизации политотдела Кизеловского ИТЛ от 09.12.1958 г. // ПЕРМГАНИ. Ф. 4356. Оп.4. Д.22. Л.96об.

году в Усольском ИТЛ были отданы под суд несколько офицеров за то, что за деньги переводили заключенных со строгого на общий режим¹.

Многочисленные постановления и директивы, призывающие улучшить быт и труд заключенных, на деле не вели к желаемым результатам без достаточного финансирования и кардинального изменения пенитенциарной практики. Преступность в лагерях оставалась высокой, а производительность труда низкой. Прокурор Молотовской области, анализируя сложившуюся ситуацию, пришел к следующим выводам: лагеря имеют разные, часто исключаящиеся друг друга, задачи. Так воспитательная задача требует отдельного содержания заключенных, а производственная требует совместного проживания всех заключенных для их вывода на работу. В интересах производства оказывалось и назначение авторитетных уголовных лидеров на должности бригадиров, нарядчиков. Практика отдельного содержания уголовных группировок и «честно работающий контингент» ведет к тому, что огромные массы заключенных вообще не работают, так как нет условий, чтобы вывести их на работу и избежать столкновений с враждебно настроенными группами. В результате план не выполняется, и начальники лагерных управлений просят МВД СССР прислать новые партии заключенных. Для новых партий нет жилья, что противоречит инструкциям и положениям и не содействует перевоспитанию заключенных. Многочисленные проверки, комиссии и представители МВД, ГУЛАГ, ГУЛП «ведут общие рассуждения о необходимости улучшения работы лагерей, но не было еще послано такого представителя, который бы совместно с администрацией лично организовал на месте устранение всех нарушений в лагере»². Вероятно, прокурор высказал суть проблемы. По его мнению, прописанные в постановлениях и приказах механизмы улучшения лагерной жизни были недействительны и вели либо к выполнению производственной задачи, либо к воспитательной. По-

¹ Справка о растратах, хищениях и злоупотреблениях в торгующих, снабженческих и других организациях области. 1958 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.25. Д.74. Л.4.

² Докладная прокурора Молотовской области, 18.07.1955 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.22. Д.129. Л.37-40.

следнее приводило и без того дотационные лагерные предприятия в еще больший финансовый кризис.

Несомненно, что большинство мероприятий и реорганизаций ГУЛАГа в этот период были связаны с желанием усилить производственную отдачу лагерей. Амнистии намного уменьшили количество заключенных, были даже специальные амнистии для инвалидов¹. Возвращение условно-досрочного освобождения и введение заработной платы заключенным должно было мотивировать их труд. Борьба с уголовниками была во многом спровоцирована ростом бандпроявлений, дестабилизирующих лагерную жизнь, нежеланием заключенных работать в условиях, когда бандиты отбирают пищу и заработанные «проценты» и начавшимся стихийным сопротивлением уголовному террору. Отчасти, проведенные мероприятия достигли своей цели. Если дотация Кизеллагу в 1956 г. составляла 25,5 млн. руб., то в 1958 г. – 6 млн. руб.²

В послевоенное время карательная политика государства наполнила лагеря заключенными. Производственная деятельность лагерей не могла обеспечить увеличившийся контингент работой. У заключенных появилось много свободного времени, занять которое лагерь был не готов. В результате, драки, карты, «воровские войны» становятся в лагерях обычным занятием. Большое количество неработающих заключенных намного удорожало содержание ГУЛАГа, делало его очень затратным. К затратам необходимо добавить издавна существующую в советской пенитенциарной системе «туфту».

После смерти Сталина проводится ряд мероприятий, направленных на оптимизацию производства – уменьшение численности заключенных, численности лагерного аппарата, прекращение убыточных строителей и производств. Новые законодательные акты в области исправительно-трудового права были призваны улучшить мотивацию труда у заключенных.

¹ Например, Указ Президиума Верховного совета СССР от 03.09.1955 г. о досрочном освобождении нетрудоспособных инвалидов.

² Протокол собрания партийно-хозяйственного актива парторганизации политотдела Кизеловского ИТЛ от 21.06.1958 г. // ПЕРМГАНИ. Ф. Ф. 4356. Оп. 4. Д. 22. Л.50.

Жалобы заключенных в различные инстанции в это время приобретают характер требований. Часто в ответ на грубые действия администрации следует уже не жалоба, а восстание, массовое неповиновение. Назначение на низшие административные должности уголовников начинает встречать стихийное сопротивление в виде тех же восстаний и драк. После XX съезда количество писем (жалоб, требований) еще более увеличилось. Фактически каждое письмо рассматривалось комиссией или обкомом партии. На места выезжали проверяющие. Виновные в среде лагадминистрации и ВОХР наказывались. Фактов произвола лагерной администрации во второй половине 1950-х годов стало значительно меньше, но остался террор со стороны уголовников, который помогал администрации выполнять производственный план.

Борьба за свои права и жизнь от единичных выступлений перешла к многочисленным массовым протестам, неповиновениям и восстаниям. Это изнутри разрушало систему ГУЛАГа. Принудительный труд стал не только неэффективным, но и финансово обременительным для государства. Если в 1930–1940-е годы в Пермский обком ВКП(б) поступали тысячи заявок от промышленных предприятий на невзыскательную подневольную рабочую силу лагерей, то в 1950-е годы предприятия предпочитали нанимать вольных рабочих. Собственное производство лагерей стало еще более убыточным.

«Туфта» сохранившись в производственной сфере, распространилась и на культурно-воспитательную работу. Администрация отчитывалась уютными бараками с занавесками и геранями, а проверки обнаруживали не утепленные палатки со сплошными нарами.

«ПРИМЕР МАЛЕНКОВА ПОДСКАЗЫВАЕТ НАМ...»: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В ЖИЗНЕННОМ МИРЕ СОВЕТСКОГО ПЕДАГОГА 1950-Х ГОДОВ

А. Чашухин

«Начинаются крики, начинается какой-то обыск, что они у меня каждый раз искали – я не могла понять. Начинаются крики: «Признайся! Что ты взяла!». Я стою, молчу, молчу, ничего не говорю, молчу. Начинаются вопли дикие... Вот я не помню имени секретаря, девушки, а визг ее помню, вот этот бабий визг: «Вызывай милицию, мы ее сейчас отправим под конвоем!». И вот я представляла – меня под конвоем поведут. Вот сердце вот там все вот холодело»¹. Прочитированный здесь отрывок интервью – не воспоминания жертвы политических репрессий. Речь идет о молотовской школе 1954 г. Роли следователей исполняли директор и секретарь, а следственно-оперативное мероприятие можно было бы назвать «делом о пропаже комсомольского билета».

Репрессивные практики поддержания власти были основой советской системы. При этом забывается, что политические практики (которые не исчерпывались репрессиями) были характерны не только для власти как таковой, но и для множества институтов напрямую или опосредованно с этой властью связанных. Директора заводов и школ, выполняя разные функции, управляли вверенными им людьми и хозяйством схожими методами. На уровне школы подражание «большой власти» могло проявляться не только в «оперативно-следственных» меро-

¹ Из авторизованного интервью с преподавателем школы № 22 А.Г. К-ной, записано 02.12.2004.// личный архив автора.

приятнях, но и в организации исправительно-трудовых работ. Так, в школе № 49 такой исправительно-трудовой «колонией» могла быть школьная кочегарка, в которой провинившийся ученик таскал золу или уголь¹. Подобные же практики были осуществляли и учителя. Репрессивные методы могли проявляться в эмоциональном воздействии на ученика, у которого вызывалось чувство страха. Крики и угрозы, публичный «шмон» (вытряхивание сумки в поисках дневника), жесткий контроль за внешним видом школьников – процедуры для школы вполне обычные². При этом угрозу отправить школьника к директору можно перевести как обещание «передать дело в следственные органы».

Сказанное выше не имеет целью прямого отождествления школы и лагеря для заключенных. Речь идет о том, что методы управления страной не ограничивались взаимоотношением по линии народ – власть, но и проникали в различные советские институты, причудливо изменялись, приспосабливались к местной специфике. В этой статье речь пойдет о наиболее многочисленном отряде советских служащих – о школьных педагогах. В контексте эпохи эта социальная группа упоминается сравнительно редко. Исключением является разве что, школьная реформа 1958 г. Между тем, значение школьных учителей в советской системе было огромным. Их место и роль в то время отличались от обязанностей сегодняшнего школьного педагога. Не стоит забывать о том, что именно эти люди были ответственны за социализацию, в том числе и политическую миллионов учащихся. Резонно, таким образом, поставить вопрос о том, как десталинизация повлияла на людей, которые в силу исполнения профессионального долга оказались на линии коммуникации общества и власти? Для решения этой проблемы традиция проводить историческую реконструкцию через призму действий

¹ Из авторизованного интервью с пенсионером Ч-ным В.А.//личный архив автора. Записано 15.03.2004.

² Из авторизованных интервью с преподавателем школы № 22 А.Г. К-ной, записано 2.12.2004.// личный архив автора; с преподавателем школы № 22 П.М. Е-вым. Записано 9.12.2004// личный архив автора; с пенсионером Ч-ным В.А.//личный архив автора. Записано 15.03.2004.

центральной власти вряд ли может быть продуктивной. Необходима обратная перспектива рассмотрения процессов эпохи – с позиций самого педагогического сообщества. В этом случае основной категорией исследования оказывается повседневность. Проясним значение этого слова. Указанный термин используется здесь не как синоним бытописания. Повседневность понимается с позиций феноменологического направления социологии А. Шюца и его последователей П. Бергера и Т. Лукмана. В рамках этой парадигмы реальность повседневной жизни представляется как интерсубъективный мир, разделяемый индивидом с другими людьми. Благодаря интерсубъективности повседневная жизнь резко отличается от других осознаваемых реальностей, а именно – имеет само собой разумеющийся характер. «Она не требует никакой дополнительной проверки сверх того, что она просто существует. Она существует как самоочевидная и непреодолимая фактичность». Повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира. Главенствующее положение повседневности определяется ее коммуникативным свойством связывать сферы конечного значения, такие как наука, искусство или религия¹. Условие существования повседневности выражается А.Шюцем, в так называемом постулате «взаимности перспектив». Этот постулат подразумевает, что в обычных повседневных практиках субъекты, несмотря на известные им индивидуальные отличия друг от друга, выстраивают свою деятельность из априорного допущения своей взаимозаменяемости в ситуациях определяемых ими как тождественные. Кроме того, «взаимность перспектив» подразумевает одинаковую систему релевантности – сходный отбор значимого для участников знания. Процесс конструирования происходит на основе так называемого «наличного знания» – комплекса представлений и знаний о мире, усвоенных в результате личного или опосредованного опыта. Достижение «взаимности перспектив» пред-

¹ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. 1995. С. 18-23

полагает типизацию участников: конструирование типа, с которым выстраивается взаимодействие при одновременном самоконструировании¹. Таким образом, происходит самоидентификация индивидов. Она формируется под влиянием наличного знания разных уровней: эталонных образов и личного опыта. Эталон формирует определенную ценностную систему координат. Личный опыт может в той или иной степени корректировать, видоизменять, но не уничтожать эту систему. Наличного знания для формирования идентичности, в том числе профессиональной, однако, недостаточно. Идентификация, как правило, подразумевает интеракцию. Мысль о том, что идентичность приобретает «окольным путем», через взгляд на себя со стороны глазами «обобщенного другого» в процессе социального взаимодействия принадлежит еще Дж. Миду. «Отдельный человек до тех пор не является идентичностью в рефлексивном смысле этого термина, пока он не станет для себя объектом»². Иными словами, идентификация хоть и происходила на основе наличного знания, состояться могла только при интеракции с «обобщенными другими», глазами которых на себя смотрел преподаватель. Очевидно, что идентичность учителя формировалась в процессе взаимодействия со школьным начальством, родителями и учениками, коллегами по работе. Помимо этих агентов, жизненный мир педагогов испытал на себе серьезное воздействие и макромистра. Процессы, происходящие во властных структурах, которые презентовались через массовые и специализированные каналы информации (например, закрытые письма ЦК КПСС) причудливым образом влияли на учителей и школу того времени. «Обобщенного другого» этого уровня, который играл роль «воспитателя» не только для учителей, но и для всего советского общества можно обозначить как *советскую власть, партию и правительство (курсив мой – А. Ч.)*.

¹ См.: Шюц А. Структуры повседневного мышления // Социологические исследования. 1988; № 2. Шюц. А. Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии. М. Институт Фонда «Общественное мнение». 2003. С. 260-286

² Цит. по: Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб. 1999. С. 28.

Для того, чтобы понять изменения, которые претерпели повседневность, жизненный мир¹ учителей в процессе десталинизации необходимо задать точку отсчета. Таковой, естественно, будет сталинская школа начала 1950-х. Напомним, что микромир школы конституировался по образу и подобию большого мира власти и общества. Речь идет не только о репрессивных практиках. Сама школа соответствовала сложившейся к началу 1950-х гг. социальной стратификации и в известной степени ее воспроизводила. Социальная дистанция между директором и остальными учителями была огромной. Речь идет не только о зарплате, сколько о стиле руководства, воспроизводившего стиль заводского или районного начальства. В этом смысле директор школы стоял ближе к районному начальству (районо, райком, районная прокуратура), нежели к своим подопечным. Кандидатура директора школы и завуча назначалась соответствующим органом управления образования при обязательном согласовании с партийной инстанцией. Помимо директора и завуча номенклатурное назначение и согласование действовало и в отношении школьного политрука – учителя истории. Сфера ответственности по ряду вопросов между директорским корпусом, райкомом, милицией и прокуратурой не была разграничена. К этим вопросам можно отнести девиантное поведение подростков, просветительская (идеологическая) работа с взрослым населением рабочего поселка, организация выборов, учет избирателей и учащихся². Можно сказать, что на этом поле школьное начальство и могло выстраивать коммуникации с властями. Отсутствие четкого понимания, где заканчивается сфера компетенции партийных органов, и начинается компе-

¹ В рамках феноменологической парадигмы категории *жизненный мир* и *повседневность* можно понимать как синонимы.

² См: Доклад прокурора г.Молотова об улучшении работы по делам н/летних и переписка с горкомом КПСС о неудовлетворительной работе детских комитетов и мерах борьбы с детской преступностью.// ГАПК. Ф. р-1365. Оп.2с.Д.279. Л.8.; Представления Прокурора г. Молотова «О серьезных недостатках в нарушении трудового законодательства на предприятиях оборонной промышленности» и «О состоянии преступности среди н/л и детской беспризорности и безнадзорности». // ГАПК. Ф. р-1365. Оп.2с.Д.281. Л.14-24.

тенция школы, во многом и обеспечивало условия функционирования школы, как института власти. Подражание «большой власти» не исключало, а скорее подразумевало патернализм. Преподаватель К-на вспоминает как директор Л-ва решила ей помочь после критики ее коллег, превратно истолковавших ее слова о «бутылочке для гостя дорогого»: «Знаешь, я что хочу тебе сказать, тебе надо подготовиться быть сильной в жизни, – потому что, она ведь сама жила одна без мужа, она разошлась рано с мужем. И вот она, видимо такой опыт мне решила передать, – говорит, – потому что, женщина, которая живет одна, как бы она не жила, она все равно – блядь. Она произнесла это слово! Во-первых, от такого доверительного вот тона разговора, да уж от этого слова, я думала, я скончаюсь, я не знала, куда, в какой угол глядеть»¹.

К сказанному необходимо добавить, что общество позднего сталинизма, в котором главным социальным идентификатором выступало государство, было организовано по сословному принципу. Это выражалось в наличии правовых различий между социальными группами, разделенными и номинированными властью сообразно размерам и особенностям государственных повинностей². Сами группы отличались замкнутостью, возраставшей по мере приближения к верхним этажам социальной лестницы. Школа соответствовала этой модели социальной стратификации и воспроизводила ее. Так, учеба в старших классах, предназначенных для поступления в ВУЗ, чаще была уделом детей служащих и номенклатурных работников. Выходцы из пролетарской среды в лучшем случае завершали свой образовательный путь семилеткой, в худшем – ФЗО или РУ. Образование для детей колхозников зачастую ограничивалось начальной четырехклассной школой. Этой социально-образовательной дифференциации способствовали различные факторы. Различия в доходах и наличие платы за обучение становились для представителей низших страт социальным фильтром

¹ Из авторизованного интервью с преподавателем школы № 22 К-ной А.Г., записано 2.12.2004 // личный архив автора.

² См. Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. Пермь. 1993.

на пути к повышению статусных позиций. При этом социальная дифференциация в сфере образования закреплялась неравномерным распределением квалифицированных педагогов. Профессионализм учителей и качество преподавания соответствовали уровню школьного звена. Так, в 1953 г. только 33 % педагогов г. Молотова имели высшее образование. При этом старшие классы на 87,4 % были укомплектованы именно этими преподавателями, в V-VII классах их доля снижалась до 37 %. В начальной школе учителя с вузовскими дипломами отсутствовали¹. Таким образом, выходец из семьи служащего или номенклатурного работника получал более качественное школьное образование и имел несравнимо больше шансов для поступления в ВУЗ. Корреляция между уровнем школьного звена и образованием педагога, с одной стороны закрепляла сложившуюся систему, с другой – служила наряду с партийностью основанием для иерархии внутри педагогического корпуса. Биографии педагогов, отраженные в характеристиках-представлениях на звание заслуженного учителя достаточно четко демонстрируют это правило. Профессиональный путь преподавателя начинался чаще всего с преподавания в начальной школе. После получения диплома ВУЗа учитель начинал работать в старших звеньях школы². Указанная стратификация была не только вопросом престижа, она имела вполне четкое материальное воплощение.

¹ Отчет ГорОНО о работе школ за 1953-54 учебный год. // ГАПК. Ф. р- 478. Оп.2. Д. 79. Л.218.

² Биографии преподавателей, см.:

Пермский ОблОНО. Личное дело Мануильской Марии Захаровны.//ГАПК.Ф.р-986.Оп.2.Д.93. Л.1-3

Пермский ОблОНО. Личное дело Мансветова Серафима Павловича.//ГАПК.Ф.р-986.Оп.2.Д.91. Л.1-3

Пермский ОблОНО. Личное дело Дербиловой Антонины Семеновны.//ГАПК.Ф.р-986.Оп.2.Д.39. Л.1-3

Пермский ОблОНО. Личное дело Демидовой Полины Николаевны.//ГАПК.Ф.р-986.Оп.2.Д.37. Л.1-3

Пермский ОблОНО. Личное дело Дербиковой Марии Дмитриевны.//ГАПК.Ф.р-986.Оп.2.Д.38. Л.1-3

Размер оклада по тарифной ставке 18 часов в неделю для учителей V-XI классов (с в/о) и 24 часа в неделю для учителей I-IV классов (с с/спец./о)¹

Стаж	I-IV классы	V-VII классы	VIII-XI классы
До 5 лет	57 р. 50 к.	69 р.	71 р.
5–10 лет	63 р. 50 к.	73 р. 50 к.	76 р. 50 к.
10–25 лет	69 р.	79 р. 50 к.	85 р.
Больше 25 лет	75 р. 90 к.	87 р. 45 к.	93 р. 50 к.

Примечание. В таблице приведены данные в деньгах после денежной реформы 1961 г. Размер оклада преподавателей школ не менялся до 1966 г. В связи с этим допустимо использовать данные 1963 г. для всего, рассматриваемого в исследовании периода.

Как видно из представленной таблицы, преподаватель начальной школы до достижения 25 летнего стажа получал меньше, чем молодой специалист, закончивший ВУЗ. Кроме того, педагоги I-IV классов имели большее количество часов в ставке: 24 вместо 18., что повышало на одну треть трудоемкость преподавания в этом звене в сравнении с учителями V-X классов. Средний заработок среди рабочих и служащих к 1956 г. стал составлять 752 руб. (после денежной реформы 1961 г. – 75,2 руб.) в месяц². Учитывая это, следует признать, что заработок молодого квалифицированного преподавателя мог считаться относительно достойным. Впрочем, не стоит забывать, что реальный рабочий день преподавателя был не нормирован. Учитель 1950-х гг. обязан был регулярно составлять план-конспект урока (проверки со стороны дирекции и районо были регулярными), тратить огромное время на общественную и внеклассную работу (вести кружки, родительский лекторий, составлять стенгазету). Наконец, на него возлагались обязанности регулярного посещения родителей, обеспечение явки избирателей, дежурство на избирательном участке и т.д. и т.п. Кроме того, не стоит забывать, что основная категория учителей в 1950-е гг. не получала и этих

¹ См.: Цепин А.И. Льготы учителям. М. 1963. С.8-10

² Майер В.Ф. Уровень жизни населения СССР. М., 1977. С. 206.

денег из-за недостаточного образования. Преподаватель, закончивший педучилище, за тот же объем работы получал 57,5 руб., т.е. практически вдвое меньше. Преподаватель школы № 22 Г.К.Ш-на так вспоминала начало своей профессионально карьеры после окончания педучилища. «Когда мы жили с Зинаидой Сильверстовной (коллегой – примеч. А.Ч.), ее зарплата была немножко побольше, видимо 500 с чем то рублей. У меня – 490, у нее, скажем – 530, так вот мы с ней складывались. Сегодня в эту зарплату ей купим туфли, в следующую зарплату мне купим туфли. Вот так в течение года мы с ней обзавелись кое-какими нарядами»¹.

Таким образом, большая часть учителей получала зарплату ниже средней зарплаты рабочих и служащих. Низкий заработок в сочетании с определенными требованиями к образованию проявлялся в гендерном соотношении в преподавательской среде. К этому времени профессия окончательно стала женской. Из двух тысяч учителей г. Молотова к 1953 г. только 162 были мужчинами². Это являлось важным свидетельством слабостью престижности профессии. Если после 1956 г. во многих профессиях зарплаты существенно выросли (особенно в профессиях низко оплачиваемых)³, то у педагогов зарплаты не менялись до 1966 г. Рост доходов преподавателя был связан не с изменением оплаты труда, а с ростом количества педагогов, получивших дипломы ВУЗов.

Перейдем к реконструкции жизненного мира педагога 1950-х гг.

Учительская профессия имела и сконструированный властью эталонный образ. В нем, как и в других элементах сталинского мифа, отсутствовал и намек на утилитарность. Вместе с тем, эталон, как наиболее опосредованный уровень наличного знания педагога, задавал определенные культурные ориентиры. Вспомним идеи М. Вебера, который выводил специфическое понимание профессии как призвания, соотносящееся с профессиональным долгом, из протестантской среды.

¹ Из авторизованного интервью с учителем школы № 22 г. Перми Г.К. Ш-ной от 6.12.2004 // личный архив автора.

² См.: Отчет ГорОНО о работе школ за 1952-53 учебный год. // ГАПК. Ф. р- 478. Оп.2. Д. 78. Л.147-148.

³ См.: Опыт российских модернизаций XVIII-XX века. М. 2000. С. 261

Профессия первоначально имела религиозную окраску, и являлась составной и главной частью мирской протестантской аскезы, необходимой для спасения. В дальнейшем европейская религиозность ослабла, но понимание профессии через её профессиональный долг, иными словами, через призвание сохранилось и легло в основу буржуазного этоса¹. В этом смысле понятие профессионального долга во многом близко к понятию эталонного образа профессии.

Понимание профессии как призвания и составной части аскезы (естественно, не христианской) характерно и для советской системы периода развитого сталинизма. Социалистический миф оказался при этом удивительно продуктивным в формировании идеальных профессиональных образов. Лётчик и военный, свинарка и пастух, шахтёр и сталевар, наконец, учитель (точнее – учительница) стали героями художественных фильмов и литературных произведений. Попытаемся реконструировать профессиональный учительский образ.

Источниками здесь могут служить образы, рожденные советской пропагандой и неотделимыми от нее художественными произведениями. Советская система информационных коммуникаций оперировала при этом достаточно стандартными конструктами. Это не случайно. Л.Г. Ионин отмечает такую черту моностилизма, как *канонизация* форм культурных репрезентаций². В связи с этим изучение идеологического конструкта учителя того времени существенно упрощается. Постольку поскольку канон подразумевает очень ограниченную вариативность конструктов, вполне репрезентативным может оказаться ограниченный круг источников: кинофильмы, материал местной или ведомственной прессы.

Пожалуй, наиболее яркий и завершенный образ идеального педагога демонстрирует кинофильм «Сельская учительница» 1948 г. режиссера М. Донского. Напомним вкратце сюжетную линию этой киноленты. Действие начинается при старом режиме. Молодая девушка, полу-

¹ См.: Вебер М. Избранные произведения. М.; 1990. С. 198-203.

² См.: Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М. 2000. С. 198

чившая образование попадает по доброй воле в далекую деревню. Ее стремление нести пользу народу наталкивается на сопротивление чуждых классов и темного необразованного крестьянства. Она не сдается, с достоинством преодолевает различные трудности: религиозность и мракобесие, хамство купечества и агрессию кулачества. Учительница воспитывает сельских детей, делает из них ученых, военных, стахановцев и литераторов. Одна из финальных сцен киноленты – школьный бал, на который приходят полные признательности по отношению к уже орденоносной учительнице состоявшиеся, успешные взрослые выпускники. Какими чертами обладает этот профессиональный конструкт, выраженный художественными средствами? Образ школьного педагога транзисторичен. Действие фильма начинается при старом режиме, а заканчивается послевоенным временем. Этапы биографии учительницы синхронны и созвучны основным историческим событиям: революция, ликвидация безграмотности, коллективизация, война. Педагог не остается безучастным по отношению к ним. Ее муж – революционер, она осуществляет партийную политику в деревне – борется с неграмотностью, а потом – с кулаками. Примечательно, что основные черты характера персонажа – преданность делу, бескорыстие, самоотверженность не формируются в процессе, они уже заданы в начале киноленты. Внешние трудности не изменяют героиню, а помогают проявиться ее лучшим качествам. Она добровольно, получив образование, едет в глухую сибирскую деревню, добровольно преодолевает все тяготы чуждой социальной среды. Здесь мы имеем дело с образом, сформировавшимся еще до революции. Речь идет об образе русского интеллигента, наделенного народническими чертами. Напомним, что образ земского врача или учителя имел в основе просветительские черты, проявлявшиеся в идее служения народу. «Представления об интеллигенции как независимой социально-этической группе, возникшее в определенном историческом контексте как следствие конкретных субъективных нужд разночинской публики, постепенно сложились в некий канонический образ этой группы, который зажил своей жизнью,

отрешенной от запросов и нужд повседневной реальности. Иными словами, образ интеллигенции стал ее мифом»¹. Таким образом, в образе школьного учителя обнаруживается синкретизм в форме некоего гибрида двух традиций. Во-первых, учитель – это представитель советской интеллигенции, а значит – уполномоченное партией и правительством лицо, наделенное идеологической властью. Во-вторых, – это русский интеллигент, а значит, имеет право на старорежимное прошлое. Отношение к интеллигенции со стороны официальной идеологии было особым. В отличие от остальных социальных групп, интеллигенция была той средой, которая была непосредственно связана с революционным движением.

Важную роль в конструировании образа педагога играл гендер. Женские образы имели значимое место в сталинском кинематографе. Можно говорить о том, что сложилось несколько профессиональных типажей женщин: ткачиха и колхозница, астроном и певица. Обратим внимание на то, что обычно героини М. Ладыниной и Л. Орловой конкурируют с мужчинами². В нашем случае этого не происходит. Профессия учительницы является в фильме абсолютно женской, точнее – материнской. Кратковременное появление ее супруга – революционера, позже убитого, преодолевает противоречие материнства и отсутствия семьи, избавляет конструкт от сексуальной привлекательности. Ее семья – учащиеся, ее дом – школа. Личная жизнь растворена в работе. Символическое материнство может оказаться сильнее реальных родственных связей. Сын кулака (очередная редакция Павлика Морозова), предупреждает учительницу о готовящемся на нее покушении. Можно предположить, что сочетание образа русского интеллигента и советского учителя было успешно совершено на основе изменения гендерности образа. Феминизация в большей степени насыщала конструкт

¹ Змеев М.В. Самоидентификация русской интеллигенции конца XIX – начала XX веков: роль, образ, миф. // Миф и рациональность в XX веке: Материалы четырнадцатой Всероссийской конференции студентов, аспирантов, докторантов «Майские чтения» (15 мая 2002 г.) Пермь. 2002. С. 73, 75.

² Имеются ввиду такие кинофильмы, как «Светлый путь», «Волга-Волга», «Весна», «Кубанские казаки», «Веселые ребята».

чувственными характеристиками. За счет материнских черт снижалась критичность восприятия образа.

Такого же учителя, пусть и не в столь завершенном виде мы можем увидеть и в статье областной газеты «Звезда» от 21.02.1953 г.¹ Эта статья посвящена кандидату в депутаты – сельской учительнице Еловской начальной школы от блока коммунистов и беспартийных Луканиной Александре Андреевне. Статья демонстрирует нам стандартный и в то же время официальный государственный образ (учитель – кандидат в депутаты). Жизнеописание чётко увязывается с «героическим» прошлым советской страны. Так, Луканина А.А. начала работать в тяжёлые годы коллективизации и участвовала в строительстве колхозов. Основной массив текста состоит из описания личных качеств, подаваемых в стандартных патетических выражениях того времени. В функциональном плане мы вновь видим человека, выполняющего просветительскую миссию. Роль человека-просветителя отражают такие характеристики, как «пытается приобщить к культуре», «прививает зачатки знаний» и т.д. Выступление в этой роли бескорыстно по своим мотивам, учитель «целиком и полностью, беззаветно отдаётся своему главному делу – служению народу». Просветительская миссия конкретизируется в восприятии учителя как «скульптора». Действительно, описываемая учительница приобретает черты некоего демиурга, который «лепит» и «формирует новое поколение», «воспитывая в каждом ребёнке любовь к Родине». Творец всеведущ: «умеет найти подход к сердцу каждого ученика и родителя». Как и в случае с героиней фильма символическим подтверждением всех вышеперечисленных качеств являются три правительственные награды, полученные А.А. Луканиной. В соответствии с канонами, это свидетельствовало об удавшейся, правильной жизни. Несмотря на то, что речь в официальной статье шла о сельском преподавателе, представляется возможным применять его и к городскому педагогу. Эталонный образ профессии в канонических текстах редко дро-

³⁰⁰См.: Старожилов Д. Сельская учительница. Голосуйте за кандидатов от блока коммунистов и беспартийных. // Звезда. 1953. 21 февраля. С. 2.

бился. Монотилизм, как правило, стремится к упрощению, а не к усложнению социальных и культурных образов¹.

А.А. Луканина также обладает народническими чертами. Главным достоинством и одновременно функцией учителя вновь оказывается служение народу. По своему содержанию служение есть просвещение, оформленное в мессианский вид. Роль мессии подразумевает аскезу и полное самоотречение. Исполняя её, учитель становится демиургом нового поколения. Следует сразу оговориться, что всеми вышеуказанными качествами учитель наделяется. Учитель – это «уполномоченный демиург», «уполномоченный слуга народа», «уполномоченный просветитель, мессия и аскет». Таким образом, весь жизненный творческий потенциал преподавателя сводится к великому праву трансляции «священных знаний», что в принципе чётко увязывается с пониманием роли и места интеллигенции в советском государстве. Функцию «транслятора» выполняет, например, учительница школы № 9 г. Молотова, которая на собрании городской интеллигенции говорит о том, что в задачи учителя входит воспитание любви к Родине и партии. Роль учителя при этом определяется его подготовленностью. Любопытно, что под подготовленностью понимается компетенция учителя в вопросах марксистско-ленинской теории².

Черты подобного эталона просматриваются и в критике нерадивых преподавателей. За что критикуются одни учителя и поощряются другие? За соответствие или несоответствие (пусть видимое) вышеуказанному эталону. Так, обвинения в недостатке энтузиазма в деле внедрения политехнизации, объяснения детям основных решений XIX съезда партии и «великого труда» тов. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» есть не что иное, как обвинение в плохом выполнении просветительской функции и функции ретранслятора «священных знаний». По своей сути учитель не выполняет функцию уполномоченного демиурга нового поколения. Критика халатного выполнения обязанностей подра-

¹ См.: Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М. 2000. С. 197-203.

² См.: Городское собрание интеллигенции // Звезда. 1953. 20 января.

зумекает критику за несовпадение эталонного аскетичного образа мессии-просветителя с реальным учителем.

В статьях газеты «Звезда», часто звучит мысль, что преподаватель должен быть ближе к жизни. Это, как правило, увязывается с курсом политехнизации школ. «Учителя не знают производства», – пишет газета «Звезда» в январе 1953 г.¹ Учитель обязан быть «просветителем» и «транслятором» не только в школе, но и там, где он общается с народом. В качестве примера приводятся учителя-активисты школы № 22, организовавшие массовый выход на квартиры избирателей².

В связи с вышеизложенным интересно было бы обратить внимание и на тех, в чьих сердцах советский учитель «сеял доброе, разумное, вечное». Если учитель в официально тиражируемой версии – это самоотверженный аскет, обладающий исключительными моральными качествами, то идеальный ученик, на которого обращены просветительско-созидательные усилия – это «маленький взрослый». Уже сейчас ученик должен вести себя как взрослый и вносить свой посильный вклад в строительство «светлого будущего». В определенной степени он должен быть создан по «образу и подобию» учителя. Ученик должен быть аскетичным, трудолюбивым, его оценка зависит не только от успеваемости, но и от общественной работы. В текстах и визуальных образах 50-х гг. работа на пришкольном участке, дополнительная работа в кружках, занятия спортом и самодеятельностью, положительный моральный облик и хорошая учеба тесно связаны друг с другом, взаимно обуславливаются. Эталонный образ ученика «успевает везде и во всем». Очевидно, что эталонный образ ребенка как «маленького взрослого» соответствует пониманию детства в традиционном обществе³. Основным же методом формирования идеального ученика, по мнению педагогов, является труд. Директор школы № 49 И. Малафеева акцентирует вни-

¹ См.: Воспитывать творцов, создателей! // Звезда. 1953. 20 января.

² См.: Горбунова О. Учителя – активные агитаторы // Звезда. 1953. 21 января.

³ См.: Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург. Издательство Уральского университета. 1999. С. 60-71.

мание именно на педагогической и воспитательной роли труда¹. В многочисленных восторженных заметках о школьной жизни, имели ли они отношение к политехнизации начала 1950-х гг. или к укреплению связи с жизнью конца 1950 – начала 1960-х подчеркивается воспитательная функция труда в процессе формирования человека коммунистического общества.

Итак, сталинский канон сконструировал профессиональный образ учителя, который целиком и полностью соответствовал социалистическому мифу. Внешне этот образ не был новым. Задолго до описываемых времен он появился в среде русской интеллигенции и к моменту заимствования уже давно превратился в миф. Взятый за основу старый образец причудливо изменил содержание под воздействием сталинского канона, встроившись в официальные представления о власти, обществе и «великом» призвании учителя. По «образу и подобию» учителя сформировался в уменьшенном варианте и эталон ученика.

Не нужно объяснять, что эталонные паттерны и реальное поведение существенно различаются. Вместе с тем, эталон не мог не влиять на учителя, задавал определенные ориентиры, которые не могли не влиять на нормы, ценности и стилевые особенности профессии определенные культурные ориентиры. В частности, для разговора на школьную тему сталинский миф и канон сформировали язык высокого помпезного стиля, элементы которого живы и сейчас, правда, используются они на торжественных мероприятиях, а не в повседневной жизни.

В известной степени, эталонный образ выполнял функцию «символического универсума»², подвергавшего легитимации на наивысшем уровне деятельность советского учителя. По мнению П. Бергера и Т. Лукмана «теории идентичности всегда включены в более общую интерпретацию реальности; они «встроены» в символический универсум с его теоретическими легитимациями и видоизменяются вместе с ха-

¹ См.: Малафеев И. Воспитание детей в труде. // Звезда. 1953. 29 февраля. С.2

² См. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. 1995, с. 151–171

рактором последних»¹. Особенность же символического универсума состояла в нерасчлененности просветительских (в политическом смысле этого слова) и преподавательских практик.

Можно констатировать, что в рамках эталонного образа педагога профессиональные (в современном понимании) качества педагога не вычлениются и остаются в тени его политических и общественных качеств и функций. Эталонный образ не ограничен рамками сугубо образовательного процесса, он выходит за его пределы. Из этого следует, что профессиональная субкультура в современном значении этого слова еще не сформировалась. В противном смысле, необходимо ставить знак равенства между пропагандистом и преподавателем, что, наверное, означает то же самое, как если бы такие слова как «врач» и «спаситель» понимались бы как синонимы.

Таким образом, идентичность учителя имела вполне конкретную идеологическую прописку. Фигура педагога принадлежала миру власти. Эта власть выражается в обладании правом трансляции решений партии и правительства. Необходимо учитывать, что в сталинский период идентичность задавалась в первую очередь властью. Именно власть наделяла социальные роли теми символами, посредством которых они должны были распознаваться. Попытаемся посмотреть на учителя г. Молотова глазами рабочего. Последний мог видеть педагога не только на родительском собрании, но и на избирательном участке, на лекции о международном положении или о методах воспитания собственных детей. «Интеллигентная» одежда, владение политическим языком, работа в каменном трех – четырехэтажном здании, требуемое обращение по имени-отчеству в символике той эпохи не могли распознаваться иначе, как символы власти.

Таким образом, педагогическое сообщество начала 1950-х гг. было достаточно четко вписано властью в ранговую систему советского общества. Символическое приобщение к власти определяло приоритет политических паттернов. На уровне эталонных образов – педагог представ-

¹ Там же, С. 281

лял собой уполномоченного властью интеллигента, ответственного за коммунистическое воспитание молодого поколения. С этой точки зрения можно говорить об педагогической идентичности, прописанной и закрепленной властью в форме идеологем. Политические качества эталона при этом являются приоритетными и определяющими по отношению к профессиональным. Освоение политических паттернов к этому времени уже должно было подкрепляться образованием. Вместе с тем, основание для конфликта между политическим и профессиональным основанием идентичности еще отсутствует. Квалификация педагога, соотношенная с со звеньями школы, а значит – с социальными стратами поддерживает сословность советского общества.

Как трансформируется жизненный мир в послесталинскую эпоху? Продолжим рассмотрение эталонного образа. В эпоху «Оттепели» эталонный образ преподавателя изменяется. Если быть более точным, изменяется не сам образ, а метод его презентации. Становится допустимым представление эталона через демонстрацию отдельных случаев девиантности преподавателей. В сталинском мифе подобное сопоставление не допускалось. Со второй половины 1950-х гг. власть артикулирует тему морального облика учителя. В «Учительской газете» во всю приводятся примеры девиантности учителей, связанные с их дурным моральным обликом. В качестве основных пороков фигурирует пьянство, употребление нецензурной лексики, неумение следить за своим внешним видом, отсутствие элементарного воспитания. При этом отчетливо проявляется противопоставление понятий «слово» и «дело». Первое наделяется пустым содержанием, созвучным лицемерию. Второе понятие подается как истинный критерий оценки педагога. В официальный язык умело вставляются цитаты В.И. Ленина. Известный в Перми педагог Т.Е. Иванова, готовясь в 1962 г. к диспуту по теме «Каким должен быть советский учитель-воспитатель», подготовила вырезку из Учительской газеты от 10.10.1956 г. В тексте статьи, посвященной той же тематике, было аккуратно подчеркнуто: «Учитель никогда не может забывать о том, что нравственное воспитание осуществляется, как го-

ворил В.И. Ленин не только путем пропаганды принципов и норм коммунистической морали, преподнесением «усладительных речей и правил о нравственности», – оно осуществляется в первую очередь в процессе активной работы, в строительстве коммунистического общества. Всякая фальшь в поведении учителя, расхождение между его «словами и делами», его «красивыми» убеждениями и действительными поступками – это своего рода педагогическое преступление. Высшим критерием коммунистической морали являются не разговоры о нравственных идеалах, а самоотверженный труд на благо народа»¹. В данном случае научная ценность приведенного текста состоит не столько в том, что он был опубликован на страницах официальной прессы. Главное здесь то, что этот текст обнаружен в личном фонде преподавателя. Тщательная подборка материала, подчеркивание отдельных фраз свидетельствует о восприятии его как значимого для демонстрации эталона. В той же газетной вырезке можно увидеть и следующую рефлексию на эту тему. «Но авторитет учителя создается не только в классе, не только в стенах школы. Он создается или теряется в быту. Личная жизнь у нас неразрывно связана общественно-политической... Люди вправе ждать от педагога, человека высокой сознательности, примера в соблюдении правил социалистического общежития. Но разве нет случаев, когда учитель, вместо того, чтобы культурой своего поведения задать тон среди окружающих, ввязывается в бытовые склоки, различные мелкие дразги, нечистоплотен в быту. Личная жизнь педагога тоже должна воспитывать окружающих...Школьные коллективы, вся педагогическая общественность обязаны бороться за красивый в истинном смысле этого слова моральный облик учителя, вывести все «родимые пятна», все пережитки, доставшиеся от буржуазного строя»².

Итак, эталон учителя времен «оттепели» сохраняет в основном те же черты, что и его сталинский предшественник. Главное остается не-

¹ Личный фонд Т.Е. Ивановой. Выступление Т.Е. Ивановой на диспуте «Каким должен быть советский учитель-воспитатель». Материалы к диспуту. 1962. // ГАПК. Ф. р-1449. Оп.1. Д. 80. Л.41.

² Там же, Л.43

изменным – политическая составляющая образа сохраняет определяющее значение. Преподаватель остается самоотверженным аскетом, лишенным права на личную жизнь. Вместе с тем изменяется метод презентации эталона. Отныне он демонстрируется посредством противопоставления идеального образа и отдельных недостатков. Последние трактуются в том же идеологическом ключе: как «все пережитки, доставшиеся от буржуазного строя». Подобный метод противопоставления придавал эталону более яркую эмоциональную окраску. Экспрессивная подача образов, поиск истинных героев в революционном прошлом, протестантский пафос очищения коммунизма от накопившейся скверны были характерны не только для образа учителя. Председатель колхоза, под которого «копает» начальник областного МГБ, летчик-герой, вернувшийся из плена, мальчик, рубящий саблей мешанский шкаф, были образами характерными для переходного периода «Оттепели»¹. Вместе с тем, подобный способ демонстрации таил потенциальную угрозу. Усложнение демонстрации, усложняя миф, в перспективе могло его разрушить. Черную и белую краску трудно не смешать, держа их на одной палитре.

Новая презентация эталона учителя, по всей видимости, сопровождалась схожими изменениями идеального школьника. «Слово» и «дело» противопоставляются и здесь. «Или ты комсомолец, или ты комсомольца корчишь» – обычная тема комсомольских собраний 1956–1958 гг.² Абсолютным же антиподом идеального комсомольца стал образ стиляги. Вместе с тем, эталон учащегося также сохранил партийность (пионерия, комсомол) в качестве определяющего компонента. Более того, в мире советских образов детский мир сохранил основные черты сталинского мифа. «Хрущевские разоблачения, потрясшие всю страну, не коснулись детей. Им просто о них не рассказали... В либеральную эпоху

¹ Здесь имеются ввиду художественные образы героев таких советских кинофильмов, как «Председатель» (реж. Салтыков А.А. 1964 г.), «Чистое небо» (реж. Чухрай Г.Н. 1961.), «Шумный день» (реж. Натансон Г.Г. 1961.)

² См.: Отчет Молотовского ГОРОНО за 1955-56 учебный год. // ГАПК. Ф. р-478. Оп. 2. Д. 81. Л.158.; Отчет Молотовского ГОРОНО за 1957-58 учебный год. // ГАПК. Ф. р-478. Оп. 2. Д. 83. Л.235.

дети жили в заповеднике консерватизма. По молчаливому сговору взрослые решили огородить юное поколение от разочарований»¹.

Насколько успешной была интернализация эталонного конструктора? Реальную систему иерархии ценностей у преподавателей восстановить довольно сложно. Дать количественный анализ девиациям учителей невозможно по причине отрывочности и избирательности источников. Вместе с тем, определенные выводы качественного характера сделать все-таки можно. Источники время от времени «проговариваются». Так, во время одного из партсобраний учительница школы № 12 Мошева критикует секретаря парторганизации и завуча за то, что они не считаются с учителями, заканчивая свою речь монологом следующего содержания: «У меня в неделю 24 часа, а фактически работаю в день 15–16 часов. Нашу работу никто не знает и не интересуется ей. Это можно судить даже по кинофильмам, как там показаны учителя. Считаю, что воспитанием подрастающего поколения занимается только школа. Данный участок работы переложен только на плечи учителей. Везде существует дебош, пьянство, хулиганство и, видимо этим недостаточно интересуются как райком, так и органы милиции. Почему до сих пор мы получаем за воспитательную работу только 50 рублей?»². Оторванность эталона от повседневных практик и фрустрация в этом отрывке вполне очевидны. Эта речь человека, который усвоив эталонную значимость своей работы, не чувствует адекватного ее оценивания со стороны обобщенного другого: райкома, милиции, кинематографистов. Эталон и повседневность рассогласованы. Помимо прочего в последней фразе, касающейся низкой зарплаты повседневность вытесняет эталонный образ бескорыстного преподавателя. Естественно, что эталон учителя слабо соотносился с материальными потребностями живых людей. Невысокая оплата труда при неограниченном рабочем дне, по всей видимости, приводила к частому вытеснению тяжелыми повседневными практиками эталонных паттернов на периферию жиз-

¹ Вайль П. Генис А. 60-е. Мир мнений советского человека. М. 2001. С.112

² Протоколы партсобраний школы № 12. 1956 г. // ПЕРМГАНИ. Ф.5988 Оп.1 Д.11. Л.16.

ненного мира рядового учителя. Не будем забывать и про гендерный состав педагогического корпуса. За стенами школы учительницу ожидал «второй рабочий день» в семье. Об этом может свидетельствовать фраза работницы ОблОНО, брошенная после чтения доклада о директивах XX съезда КПСС: «Необходимо освободить женщину от стирки белья, облегчить ее труд. Просить XX съезд партии увеличить количество стиральных машин. Эта просьба реальна и возможна...У нас мало магазинов в городе. Нет возможности купить катушку ниток, пару чулок...»¹. Представляется, что степень погруженности в повседневные бытовые проблемы рядового учителя в сравнении с работником ОблОНО была не меньшей. Преподаватели школы № 29, заслушав такой же доклад, не стеснялись проявить свои утилитарные потребности в следующих вопросах и репликах: «Чем объяснить повышение цен на некоторые продукты? Как быть с платой за обучение в этом году?...Означает ли повышение реальной заработной платы фактическое ее повышение в сопоставимых ценах?...Надо поставить вопрос об удовлетворении жилищно-бытовых условий учителей, т.к. учителя находятся в очень тяжелом положении, а нужды их удовлетворяются в последнюю очередь...Для улучшения воспитания и обучения необходимо больше количество школ, чтобы избежать 2-х сменных занятий. Это улучшит положение учителей, облегчит их семейное положение...Больше внимания надо обращать на учительство»². Можно зафиксировать часто встречающийся феномен разноплановости ценностей высшего порядка, таких, как коммунизм, и ценностей, связанных с личным опытом того или иного преподавателя. С этой точки зрения мир на уровне личного опыта оказывается оторванным от мира высшего уровня. Микромир учителя, несомненно, зависит от макромира, только вот провести прямую проекцию со стороны официальной идеологии на мир повседневных взаимодействий оказывалось заняти-

¹ Протоколы партсобраний и заседаний партийных бюро. Первичная организация ОБЛОНО. // ПЕРМГАНИ. Ф. 6798. Оп.1. Д. 7. Л.2

² Протоколы партсобраний средней школы № 12 Сталинского района г. Перми. // ПЕРМГАНИ. Ф.5988. Оп.1. Д. 11. Л.2

ем весьма сложным. «Мне казалось..., что я застану в школе дружный коллектив тесно спаянных между собой людей, живущих разносторонними и большими интересами, свободных от предрассудков, стоящих выше обывательской среды...Но все же, мне не особо импонирует их внутренний мир, общая культура, умственный кругозор. Уж слишком повышенный и неестественный интерес проявляют некоторые из них ко всякого рода пикантным «событиям», достойным внимания обывательниц и сплетниц, но не по настоящему культурных людей...самое неприятное, то, что учителя живут совершенно обособленной и замкнутой жизнью, ограничивая себя узким кругом мелких эгоистических интересов, в которых они видят всю «философию» и весь смысл своего бытия»¹.

Таким образом, учитель может свято верить в светлое будущее и ценность энтузиазма в труде. Это не мешает ему сетовать на заработок и перегруженность рабочего дня. Сосредоточенность на локальном мире школы, чрезвычайная погруженность в бытовые проблемы дома могли оттеснять эталон на периферию значимого для педагога знания.

Более серьезные изменения в сравнении с эталонным образом претерпевает политическая составляющая преподавательской идентичности. После 1953 г. организация власти претерпевает значительные изменения. Происходит изменение правил игры в номенклатурной среде. Провозглашение принципа «коллективного руководства», сопровождаемое критикой «культы личности» и отказ от террора по отношению к представителям власти завершили оформление государства, основанного на единой партийной «вертикали»². В сравнении с предыдущим этапом после 1953 г. происходит размывание номенклатуры как единого целого. Можно говорить о появлении множества номенклатур, отличающихся новыми механизмами формирования и

¹ Здесь приведен текст письма молодого специалиста, опубликованного в Учительской газете. В данном случае не имеет значения, было ли это письмо реальным или результатом художественного творчества редакции. Обнаружение его в упоминавшемся ранее личном фонде Т.Е. Ивановой говорит о понимании такой информации как значимой. См.: Личный фонд Т.Е. Ивановой. Выступление Т.Е. Ивановой на диспуте «Каким должен быть советский учитель-воспитатель». Материалы к диспуту.1962. // ГАПК. Ф. р-1449. Оп.1. Д. 80. Л.43.

² См.: Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991 годы). Пермь. 2003. С.75.

большей степенью автономности. Одним из таких механизмов становится образование. Так, например, инженерно-техническая интеллигенция приобретает черты номенклатурного слоя, получая при этом и право на партийную карьеру. Это приводит уже к тому, что представители номенклатуры закрепляют свои позиции по профессиональным основаниям, а что и приводит к определенной автономии, по отношению к вышестоящей власти. Другим проявлением новых «правил игры», стала, так называемая, «демократия поддержки», подразумевавшая новый механизм осуществления решений центра. Отлаженная процедура при этом ставила в качестве основной задачи перед властными институтами всех уровней (вплоть до первичной организации) поиск собственного места в их исполнении. Это подразумевало конкретизацию задачи, расписывание ответственности, установление сроков реализации и обсуждение, того, как наиболее успешно достигнуть цели.¹ Вместе с тем, «демократия поддержки» означала некоторое допущение гласности. Рассылка на места закрытых писем ЦК КПСС делало верхние этажи власти «прозрачнее» для рядовых партийцев, стирая, таким образом, избыточно жесткие границы между партийной верхушкой и низовой партноменклатурой.

Принцип коллективного партийного руководства оказался в известной степени спроецирован и на школу. Так, судя по кругу обсуждаемых вопросов, собрание педагогов-партийцев становится важным институтом в управлении школы. Персонифицированная власть директора сохраняется, но уже начинает терять черты былой монополии. Критика директора со стороны педагогов-партийцев стала возможной. Наиболее ярко это проявилось после XX съезда. Так, учителя школы № 21, апеллируя к принципу коллективного руководства, возмущаются директором: он не учитывает мнение месткома и парторганизации по вопросам комплектования и награждения школьников медалями². Требования «администрации быть ближе к учителю», «сохранять завучам

¹ См.: Лейбович О.Л. Реформа и модернизация. Пермь. 1993. С. 124

² Протоколы партсобраний школы № 21. 1956 г // ПЕРМГАНИ Ф. 4393. Оп. 1. Д. 7. Л. 12–15.

чувство такта по отношению к педагогам» становятся на определенный период общим местом в учительском дискурсе. Наиболее отчетливо это можно заметить на примере школы № 12 г. Молотова. Преподаватель Максимов после подобных выступлений своих коллег говорит: «Беда в том, что руководство школы не видит нового, хорошего в коллективе. Нет изучения учителя. Надо спокойней работать дирекции. Надо и руководству школы иметь такт по отношению учителей». После этого парторганизация постановляет: «Обязать коммуниста Черных А.Ф. (директор – А.Ч.) изменить тон и стиль в руководстве школой ...привлечь актив школы и прежде всего партийную и профсоюзную организации и учительскую комсомольскую организацию»¹.

Таким образом, избыточно жесткие границы между номенклатурой и категорией учителей несколько ослабевают. Партийность в новых условиях придавала способность ослаблять дистанцию между директором и учителями. Вместе с тем, приближенные посредством партийности к обсуждению закрытых писем ЦК КПСС педагоги сами приобретали черты номенклатуры². Естественно, на фоне всего педагогического коллектива той или иной школы, учителя-партийцы составляли меньшинство. Вместе с тем, используя номенклатурный язык для объяснений повседневных реалий школьной жизни, они выполняли функции референтной группы для остальных педагогов. Партийность, таким образом, играла существенную роль во внутренней стратификации социальной группы учителей. Главная же особенность рассматриваемого периода – то, что номенклатурный принцип организации, распространявшийся прежде только на администрацию школ, стал распространяться уже на часть педагогов.

Если партийность могла обеспечить необходимый доступ (реальный или символический) к властным ресурсам, то образование уже пре-

¹ Протоколы партсобраний школы № 12. 1956 г. // ПЕРМГАНИ. Ф. 5988. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.

² О номенклатурных социальных технологиях учителей-партийцев см.: Чашухин А.В. Номенклатурный язык в речевых практиках педагогов-партийцев второй половины 1950-х гг. // Номенклатура и номенклатурная организация власти в России. Материалы Интернет-конференции «Номенклатура в истории советского общества» (ноябрь 2003 – март 2004 г.). Пермь. 2004. С. 216-223

доставляло возможность не только закрепить свой статус, но и получить определенную автономию, основанную на профессионализме. Сложное сочетание этих двух критериев – партийности и профессионализма, во многом и определяло специфику места и роли учительского корпуса.

Приобщение к закрытой и сакральной информации не могло не воздействовать на внутренний мир педагогов. Попытаемся проследить изменение реакций учителей-партийцев на информацию закрытых писем ЦК КПСС.

Арест Берия наводит педагогов на мысль о необходимости повышения бдительности в своей среде. «Нам необходимо повысить бдительность среди учителей»¹, «нужно повысить идейность преподавания, главным образом истории и литературы»². Комментарии по поводу личности самого Берия в учительской среде практически нет. В сравнении со школьными первичная организация вышестоящего ОблОНО дает свою трактовку деятельности экс-министра внутренних дел, но трактовка эта практически неотличима от официального стиля. Так, работник ОблОНО Прохорова говорит «о возмущении всех советских людей действиями врага народа Берия, который пытался одеть ярмо империализма на русский народ. Наша партия прошла тяжелый путь под руководством Ленина и Сталина и партия всегда служила интересам народа»³. Если реплики относительно Берия скупы, а выводы вполне традиционны в сравнении с предыдущим этапом, то уже несколько «раскованней» учителя высказываются по поводу смещения Маленкова с поста председателя Совмина. Разгромленный принципиально Хрущевым еще на январском пленуме 1955 г., Маленков после вынужденного самоотвода на сессии Верховного Совета остается в президиуме ЦК КПСС. Это, видимо, учителям кажется несколько необычным, что вызывает вопросы: «Почему же все-таки т. Маленков оставлен на руководящей работе министром? Почему же т. Маленков все же был допущен к

¹ Протоколы партсобраний школы № 21. 1953. // ПЕРМГАНИ. Ф. 4393. Оп. 1. Д. 6. Л. 25–26.

² Там же. Л. 25–26

³ Протоколы партсобраний ОБЛОНО. 1953 г. // ПЕРМГАНИ. Ф. 6798. Оп. 1. Д. 7. Л. 41.

исполнению обязанностей председателя Совмина? Почему в газетах было объявлено, что т. Маленков сам на сессии ВС СССР просил освободить его?»¹. Ситуация для учителей выглядит необычно. Перевести вышеуказанные вопросы можно так: «Почему Маленкова так мягко наказали, а до этого тем более допустили к этой работе, и, вообще, почему информация закрытых писем отличается от официальных публикаций?» Ситуация опять транслируется на окружающую повседневность: «По вопросу о Маленкове нужно сказать, что у нас ряд коммунистов тоже мало работают над собой и могут в политическом отношении отстать от уровня стоящих перед нами задач». «Пример Маленкова подсказывает нам, что в нашей среде может быть самоуспокоенность, мы мало бдительны и недостаточно высоко принципиальны, часто не замечаем своих ошибок, а иногда возможно, можем допустить и такую беспринципность как Маленков». Секретарь же парторганизации школы № 9 Следнев просто сопоставляет личность Маленкова с конкретным преподавателем Угольниковым².

Если смещение председателя Совмина вызывает желание искать и критиковать своих «маленковых» школьного уровня, то официальное разоблачение «культа личности» на XX съезде заставляет учителей бороться со своими «сталиныными», которыми, естественно оказываются директора и администрация школ. Вне зависимости, было или нет на собраниях обсуждение доклада, зафиксировано оно или нет в протоколах, учителя всех рассмотренных школ обрушиваются сразу или спустя небольшой отрезок времени с критикой на директора и завучей. Напомним, что требования «администрации быть ближе к учителю», «сохранять завучам чувство такта по отношению к педагогам» становятся на определенный период общим местом в учительском дискурсе. Проявившиеся тенденции отрицания авторитарного стиля управления и замены его на коллективный стиль руководства даже в таких учреждениях как школа можно соотнести с выводами А.С. Ахиезера относительно этой эпохи.

¹ Протоколы партсобраний школы № 9. 1955 г. // ПЕРМГАНИ. Ф. 5990. Оп. 1. Д. 6. Л. 15-16

² Там же. Л. 15-16

«Власть собрания частей, т.е. веча, принимала форму коллективного руководства. Этот порядок был компромиссным между авторитарной властью первого лица и властью локальных миров, в тенденции, превращавшей в излишнюю власть государство вообще»¹. Интересно, но антипод авторитаризма по Ахиезеру – локализм на уровне школы тоже имел место быть. Так, директор школы № 12 А. Черных говорит следующее: «В нашей школе была ошибка у техслужащих по вопросу культа личности. Техслужащие требовали все вопросы решать на собраниях, а распоряжения директора не принимали во внимание»².

Таким образом, критика «культа личности» Сталина в школьной среде, по сути, санкционировала критику начальства, которая в отдельных случаях (например, у техслужащих) могла доходить вообще до отрицания необходимости начальства как такового. Показательно, что вышеприведенная фраза была произнесена директором уже в ходе обсуждения закрытого письма ЦК КПСС «Об итогах обсуждения решений XX съезда КПСС и ходе выполнения решений XX съезда КПСС». Это письмо, как и последующее «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов», как известно, были уже консервативным отказом от первоначального разоблачения «культа личности»³.

В процессе обсуждения этих писем критика школьного директора и администрации исчезает, уступая место другим вопросам, в частности, антисоветским проявлениям в обществе и возросшей, по мнению учителей, девиантности учащихся и молодежи вообще. Судя по выступлениям учителей, первая и вторая проблемы взаимосвязаны. Так, например, учительница школы № 21 Жданова говорит: «Есть ли у нас такие вылазки враждебных элементов? Прямого выступления нет, но брожение имеется. Например, в Госуниверситете сравнивали, что коммунизм и религия, это одно и то же, там же предлагали создать при

¹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. Новосибирск. 1997. С. 563–564.

² Протоколы партсобраний школы № 12. 1956 г. // ПЕРМГАНИ. Ф. 5988. Оп. 1. Д. 11. Л. 15.

³ См.: Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск. 2000. С. 122–135.

клубе молодежную организацию под названием «Свежий ветер». Сразу после этого Жданова отмечает рост преступности среди молодежи и упоминает о том, что в том же Госуниверситете в октябрьские дни избили одного студента, который лежал в больнице полтора месяца. Ее коллега Шиндерман отмечает низкий моральный облик учащихся, заканчивая при этом: «...в Молотове много распространяется нехороших слухов и разное понимание событий в Венгрии и др. странах»¹. Вообще, взаимосвязь морального облика учащихся и учителей с уровнем политической грамотности не случайна. Эта взаимосвязь являлась, по сути, частью эталонных образов педагогов и школьников.

В дальнейшем осознание учителями проблемы «культа личности» продолжает время от времени проявляться. Так было, например, в школе № 29 в 1957 г. На этот раз обсуждалась уже личность не Сталина, а Жукова. Примечательно, что маршальский «мундир» примеряется уже не к начальству, а к учителям в целом. Так, директор школы Н. Кондраев говорит: «...У учителя развито чувство единоначалия, здесь до некоторой степени опасно переступить границу культа личности. Нужно быть более терпеливым с учащимися, более тактичным с родителями, выслушивать их, считаться с ними, иначе недалеко до зазнайства...» Преподаватель Шустова: «От непререкаемости – шаг до культа личности. Отношение к учащимся должно быть как старшего товарища, все время нужно помнить, что перед нами маленький гражданин, где нужно и единоначалие применить, а кое-где выслушать...»². Таким образом, официальная критика единоначалия и бонапартизма Г.К. Жукова оборачивается в школе призывами к либерализму в отношении учащихся и их родителей.

Изменения в системе власти второй половины 1950-х гг., выразившиеся в оформлении единой партийной «вертикали», повышении роли образования в карьерном росте и механизме «демократии поддержки» определенным образом отражались и на нижних этажах советской номенклатуры, в частности, в среде образования. Призванные, как и в

¹ Протоколы партсобраний школы № 21. 1957 г. // ПЕРМГАНИ. Ф. 4393. Оп. 1. Д. 7. Л. 29–30.

² Протоколы партсобраний школы № 29. 1956–68 гг. // ПЕРМГАНИ. Ф. 336 Оп. 1. Д. 1959. л. 20–21.

предыдущий период, ретранслировать решения партийного руководства, учителя-коммунисты на деле выходили за рамки возложенных на них функций. Попытка переосмыслить информацию макроуровня и применить ее к своему локальному школьному миру давала причудливые результаты. Десталинизация оборачивалась критикой начальства, ее издержки – осознанием возросшей девиантности молодежи, а снятие Жукова – изменением педагогических методов работы.

Чем вызвана такая трансформация идей? В известной мере, подобная реакция учителей могла отражать конфликты внутри того или иного педколлектива. Обсуждение государственных проблем давало при этом повод свести свои личные счеты с начальством или коллегой-преподавателем. Помимо этого подобные реакции учителей могут свидетельствовать и о другом. Язык, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, «может не только конструировать крайне абстрагированные от повседневного опыта символы, но и «превращать» их в объективно существующие элементы повседневной жизни...язык формирует лингвистически обозначенные семантические поля и смысловые зоны», в рамках которых «можно объективировать, сохранять и накапливать биографический и исторический опыт»¹. Таким образом, ЦК КПСС в 1950-е гг. становится элементом повседневных практик, превращая «первичку» в Центральный комитет партии школьного масштаба, в рамках которого педагогические проблемы обсуждаются и интерпретируются номенклатурным языком. Сказанному выше не противоречит и концепция «культурных инсценировок». Л.Г. Ионин выделяет первые этапы культурных инсценировок таким образом. На первом этапе происходит усвоение поведенческого кода, лингвистической компетенции, на втором – происходит повседневное теоретизирование, т.е. попытки рефлексии с использованием усвоенного языка в отношении повседневности². Некоторые педагоги-партийцы, видимо, доходили уже до второго этапа культурных инсценировок.

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. 1995, С.70–71.

² См.: Ионин Л.Г. Указ. соч. С.242-246.

Языковые практики, ориентирующиеся на власть, как обобщенного другого, были не единственными методами идентификации. Педагоги, ориентируясь на своих коллег (не обязательно партийцев), и на учащихся маркировали принадлежность к особой группе внешними средствами. Осуществлялось это теми же методами, что и на рубеже XIX-XX вв. Вспомним приведенную выше цитату из интервью с Г.К. Ш-ной о покупке вскладчину туфелек. Помимо маленькой зарплаты это является указанием на необходимость покупки достаточно роскошной и вряд ли необходимой для сельской местности вещи (Г.К. Ш-на начинала свою деятельность в сельской школе). Сравним этот отрывок с поведением учителей начала XX века, которое приводит в качестве примера в своем исследовании М.В. Змеев. «Мне не раз приходилось выслушивать жалобы от родителей бывших учеников и учениц второклассных школ, – писал один священник Вятской губернии, – что эти последние, окончив курс школы и став учителями, все свое жалованье тратят на наряды (я хожу в лаптях и домотканом сарафане, – говорила мне одна мать, – а дочка завела разноцветные чулки, шляпку, зонтик, перчатки...)»¹. Далее М.В. Змеев высказывает мысль о том, что «интеллигентность для многих – и не только собственно интеллигентов – начиналась с примерки костюма и вживания в соответствующий стиль поведения»². Данное правило формирования идентичности не менялось. «Одежда была очень и очень скромная. Это обязательно, даже знаете, даже формой мы как-то считали – это костюм и обязательно белая кофточка.....Мы в класс не имели права войти в сапогах или в валенках, в ту пору ведь не было сапог, были валенки»³. Одежда, как известно, выполняет в социальной группе функцию объединения и отделения. Указанный достаточно однообразный и строгий стиль в одежде с одной стороны в большей степени соответствует сословному принципу дифференциации общества. Одежда здесь весьма строго соответствует социаль-

¹ Цит. по: Змеев М.В. Жизненный мир русской интеллигенции рубежа XIX – XX вв. На материалах Пермской губернии. Пермь. 2006. С. 28.

² Там же. С. 29-30.

³ Из авторизованного интервью с учителем школы № 22 г. Перми Г.К. Ш-ной от 6.12.2004 // личный архив автора.

ной принадлежности индивида к определенной группе. Формирующееся социальное пространство города вносило существенные коррективы в этот принцип. Распространение моды как одного из главных идентификаторов городского образа жизни не могло обойти стороной учительниц. Это создавало почву для конфликтов. «...Не понимаю я, как это накрашенная, нелепо завитая наманикюренная учительница смеет обличать в учениках ложь, обман, нечестность, если вся ее внешность – кричащая ложь, обман и нечестность?! Многие люди в наше время настолько привыкли к позорным заимствованиям от растленной западной буржуазии украшениям своей внешности, что считают их нормой, а «пуритан» вроде меня – чужаками, людьми музейными, а то просто выжившими из ума. Ложное понятие о внешней красоте внушается и детям»¹. Автор этой статьи просто отказывает многим молодым педагогам в праве нести высокое звание советского учителя, одновременно с этим утверждая собственную профессиональную и социальную идентичность. Его оппоненты, по всей видимости, считали иначе. В частном споре, попавшем на страницы ведомственной газеты, отражался конфликт идентификаций, проявившийся в послесталинскую эпоху в городском сообществе, в том числе, и в сообществе педагогическом.

Свести всю структуру идентичности педагога того времени к партийности невозможно. При всей идеологизированности школа должна была решать и конкретные задачи усвоения знаний, необходимых для профессиональной дальнейшей деятельности учеников. Владение педагогом определенными методическими приемами, элементарное понимание своего предмета были необходимы. Для многих преподавателей освоение профессиональных навыков могло быть иным способом самоидентификации. В этом случае функцию обобщенного другого выполняли коллеги по предмету. Освоение новых методов обучения, чтение ведомственной прессы, профессиональное общение с коллегами, презентация своей квалификации через открытые уроки были иным способом обретения идентичности. Тем не менее, политическая

¹ Основы советской культуры. Заметки старого учителя // «Учительская газета» 1962. 4 августа.

составляющая требований к преподавателю и в эпоху «оттепели», являлась на наш взгляд определяющей в оценивании его деятельности со стороны начальства. «Мало дать учащимся знания, мало выработать умения и навыки, надо бороться за убеждения учащихся, помочь им сделать знания средством борьбы за коммунистические идеи»¹. Отчеты ГорОНО, указывая на недостатки и успехи преподавателей, не дают представления о серьезном анализе урока и профессиональной деятельности проверяемых учителей. Профессиональный язык методики преподавания в этих отчетах отсутствует.

Очевидно, что партийность и профессионализм в определенных случаях были несовместимы. Разрывы между образами пропагандиста и профессионала, разрывы между официальным образом учителя и повседневностью имели следствием различные проявления девиантности. Пьянство, употребление ненормативной лексики, «неправильное поведение в быту», прогулы и опоздания по всей видимости, не были в то время столь уж редким явлением среди учителей. «Умный мужик, биолог, чудесный человек, но запьет – два дня на работу не выходит. Потом, конечно виноватым себя чувствует....так вот, за это ему выговор выносили»², «В течение всего рейса тов. М. пьянствовал. За обедом тов. М. покупал водку себе и учащимся»³, «Тов. Ж-в на территории лагеря был пьян. Когда отвозили ребят, то он на ногах еле стоял и посылал воздушные поцелуи...»⁴. Примечательно, что определяющую роль политических качеств лишний раз подчеркивает то, что основной причиной подобных поступков считалась низкая политическая грамотность протрафившихся учителей.

Таким образом, в целом ситуацию в формировании идентичности педагога середины 1950-х – начала 1960-х гг. можно охарактеризовать

¹ Личный фонд директора школы № 7 А.И. Серебренниковой. Доклад Принципы коммунистического воспитывающего обучения. 1952 г. // ГАПК. Ф. Р-1428. Оп.1 Д.47. Л. 34.

² Из авторизованного интервью с учителем школы № 22 г. Перми Г.К. Ш-ной от 6.12.2004 // личный архив автора.

³ Протоколы партсобраний школы № 12 за 1954 год. // ПЕРМГАНИ. Ф.5988, Оп.1, Д. 9. Л.40.

⁴ Протоколы партсобраний школы № 21 за 1958 г. // ПЕРМГАНИ Ф. 4393 Оп.1, Д.7. Л. 43-44.

как кросскультурную ситуацию, для которой было свойственно далеко идущее несовпадение культурных осей. Учитель, вынужденный выполнять двойственную роль профессионального педагога, разбирающегося в преподаваемой дисциплине и партийца, беззаветно преданного идеалам коммунизма, бесконечно скромного, образцового, простого советского человека. В школе возникали ситуации, при которых эти разнородные культурные свойства взаимно усиливали и дополняли друг друга. Однако, в ситуациях иных расхождение приобретало такие масштабы, что педагог был вынужден обращаться к социальным шизопрактикам. В одном случае партийность подчиняла профессионализм; в другом профессионализм оттеснял партийность на периферию поведения. Мы изрядно упростили бы картину, если бы не приняли противоречивые тенденции воспроизводства и развития тогдашней городской среды, оказывавшей существенное воздействие на исполнение любых социальных ролей: политических и профессиональных. Социализация и идентификация молодого специалиста подвергалась разновекторным и разноплановым воздействиям. Являясь зачастую выходцем из сельской местности, он вынужден был внедрять в подрастающее поколение определенные паттерны городской культуры. Его же подопечные с начала 1960-х гг. начинали все в большей степени осваивать эти паттерны вне стен школы. Педагог, ориентируясь на референтную группу учителей-партийцев, пытался освоить партийные паттерны. Одновременно, будучи помещенным в формирующееся социальное пространство города он испытывал на себе действие городских идентификаторов, таких, например, как мода. Новые символы в форме маникюра, модных причесок и одежды не могли прочитываться одинаково в партийной и городской системах культурных координат. Культурные разрывы и пробелы одним из своих последствий имели возрастающее чувство отчуждения от социальных институтов, что проявлялось в девиантном поведении и иных выражениях социального аутизма.

Подведем итоги. Принцип коллективного руководства, большая открытость центра по отношению к низовой номенклатуре меняли отно-

шения между педагогами и администрацией школ. «Культ личности» директора отныне корректировался «коллективным руководством» педагогов-партийцев. Наиболее явно это происходит после XX съезда. В отсутствии или слабой разработанности профессионального языка, партийный язык выполнял профессиональные, т.е. педагогические функции. Именно на этом языке решаются школьные проблемы и школьные конфликты. Вместе с тем, во второй половине 1950-х гг. партийность становится уже не единственным основанием для педагогической карьеры. Сейчас она все чаще должна подкрепляться профессионализмом и образованием. Объективная потребность в специалистах с высшим образованием заставляет школу, решающую социальные проблемы увеличивать количество этих учителей. Структурные изменения внутри школы приводят к тому, что квалификация преподавателя отныне уже не связана столь жестко со школьным звеном. Предписанная властью идентичность, начинается меняться. Образование, как иное основание профессии, отрываясь от прописки в школьном звене приводит идентичность педагога к ситуации кросскультурности. С одной стороны преподаватель-партиец приобретает черты номенклатурного работника. С другой – его карьера внутри педагогического сообщества все больше зависит от образования. Усложнение эталона, происходящее в переходную эпоху, было не в силах снять возникающее противоречие. При этом, обозначенная кросскультурность разворачивается в иной среде. Это – социальное пространство формирующегося города, предписывающего иные паттерны и символы, которые зачастую не могли адекватно распознаваться в профессиональной среде. Идентичность в этих условиях становится проблемной и приобретает качества идентификации. Урбанизация придает чрезвычайную насыщенность проблеме идентичности, которая читается не просто как партиец и (или) профессионал, но и как горожанин и (или) партиец. Политические номинации новых городских символов оказывались рассогласованными с новой урбанистической реальностью по принципу: «Наманикюренная учительница – носитель буржуазного образа жизни».

«НЕ НУЖНО ВЫПЯЧИВАТЬ ИМЕН ТАМАРЫ И ДАВИДА СТРОИТЕЛЯ ВО ИЗБЕЖАНИЕ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ»: МОЛОТОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В 1956 ГОДУ

А. Бушмаков

Основанный в 1916 году как филиал Юрьевского, Пермский, а с 1940 года – Молотовский университет к середине 1950-х годов практически утратил традиции дореволюционного университета, характерные для него еще в 1920-е годы. Тот особый университетский стиль жизни в сталинский период частично сохранился в очень немногих, прежде всего столичных ВУЗах. В Молотовском университете послевоенного времени почти не осталось старой профессуры, и она не играла сколько-нибудь заметной роли в его жизни.

Кадры преподавателей и сотрудников университета отбирались по тем же принципам, что и в любом советском учреждении – определяющими являлись анкетные данные. В 1940-е годы случалось привлекать в университет и крупных ученых с «подпорченными» анкетами. Но это было нетипично и не могло определять облик далекого от основных научных центров провинциального ВУЗа, каким оставался в середине 1950-х годов Молотовский университет. Несмотря на отмечавшееся на заседаниях партбюро отсутствие «партийного руководства» на ряде кафедр, университет был типичным советским учреждением.¹ Этот «недостаток, который необходимо изжить», можно рассматривать лишь с учетом тогдашних реалий – безусловно, ни о какой университетской автономии и демократии не могло быть и речи.

¹ Протокол заседаний партбюро МолГУ от 3 мая 1956 г. / ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп.1. Д.121.Л.48.

Крупных, состоявшихся ученых, авторов известных научных работ в Молотовском университете середины 1950-х было совсем немного (таких как геолог Г.А. Максимович, физик М.А. Корнфельд, археолог О.Н. Бадер). Многие оказались в Молотове «проездом», как правило, не по своей воле. Когда позволили обстоятельства, многие вернулись в центры научной жизни. Отношение к таким ученым в г. Молотове было далеко не однозначным.

Показательным может служить случай с профессором Н.С. Козловым. В 1956 году разразился скандал, вышедший за рамки химического факультета, на котором работал ученый. В то время Н.С. Козлов был одним из немногих сотрудников Молотовского университета имевшим докторскую степень и звание профессора. В 1930-е годы он руководил институтом химии АН БССР, был организатором и председателем Белорусского отделения Всесоюзного химического общества им. Д.И. Менделеева и председателем научно-технического общества БССР¹.

Репрессированный и исключенный из партии в 1938 г., он после освобождения работал в Ухте (Коми АССР), с 1946 г. – в Молотовском пединституте, а с 1951 г. по совместительству – в университете. За 1946–1955 гг. он опубликовал 86 работ, имел 7 изобретений и 6 внедренных в производство рацпредложений, под его руководством было защищено 5 диссертаций. После слияния части факультетов с университетом в 1955 г. Н.С. Козлов полностью перешел в университет на должность заведующего кабинетом методики химии. В апреле 1956 г. партбюро университета утвердило его положительную характеристику для восстановления в партии.

Однако предоставить Н.С. Козлову кафедру на химическом факультете не сочли возможным, с деканом факультета И.И. Лапкиным отношения у него явно не сложились. Н.С. Козлов попытался добиться создания новой кафедры органического катализа, в противном случае – угрожал уйти в сельхозинститут. Поддержки у ректора В.Ф. Тиунова он

¹ См.: Ошуркова Р.А. Козлов Николай Семенович / Профессора Пермского государственного университета 1916–2001 гг. – Пермь, 2001. – С.60–61.

в этом деле не нашел, тот ссылался на министерство, не одобряющее создание новых «мелких» кафедр. Вероятно, ректор не хотел менять сложившуюся систему кадровых назначений: «Решить сегодня вопрос о каждом преподавателе персонально невозможно без предварительного разговора с деканами и зав. кафедрами. Конкурс на самотек у нас никогда не пускается»¹.

Достаточно ярко порядки в Молотовском университете в вопросах замещения должностей характеризуют слова секретаря университетской парторганизации А.Ф. Ложкина: «Обсуждение на заседании партийного бюро вопроса о кадрах очень полезно. Предварительно все кандидатуры, попадающие под конкурс, будут обсуждаться с секретарями партбюро факультетских парторганизаций, с завкафедрами, деканами, с партбюро университета... Необходимо усилить партийное руководство на кафедрах и факультетах – ничего по этому вопросу у нас не делается»².

17 мая на заседании партбюро идею о создании для Н.С. Козлова самостоятельной кафедры окончательно похоронили. Постановление партбюро поручало ректору и секретарю партбюро провести до 1 июня «беседу с профессорами Лапкиным и Козловым о возможности их совместной работы».

Ранее сотрудники химфака Ж-в и С-в обратились к парторгу А.Ф. Ложкину с протестом против восстановления Козлова в партии в связи с его «морально-бытовым разложением», а затем написали заявление декану химического факультета об аморальном поведении Н.С. Козлова. По словам С-ва, еще до перехода Козлова в университет, в 1953 году, они сообщали руководству университета, что Козлов замечен в распитии пива в лабораториях в присутствии лаборантов и студентов, а также в сексуальных связях с лаборантками. Однако, университетское начальство посчитало тогда, что это не их дело, так как основным местом работы Козлова тогда являлся пединститут. Кроме того,

¹ Протокол заседаний партбюро МолГУ от 3 мая 1956 г. / ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп.1. Д.121.Л.49.

² Протокол заседаний партбюро МолГУ от 3 мая 1956 г. / ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп.1. Д.121.Л.49.

в мае 1956 года Ж-в, С-в и присоединившаяся к ним Б-на написали письмо в комиссию партийного контроля при ЦК КПСС, в котором обвиняли Н.С. Козлова, в том, что он был досрочно освобожден благодаря заступничеству Л.П. Берия, к которому обратилась жена Козлова¹.

Впрочем, действия коллег не достигли цели. Партбюро отрицательно отнеслось к обвинениям в адрес Козлова, увидев в них «элемент склоки» и осудило позицию Ж-ва и С-ва, указав им на их «неискреннее поведение»².

Дальнейшая судьба Н.С. Козлова сложилась вполне благополучно. С 1956/57 учебного года он заведовал кафедрой химии в Молотовском (Пермском) сельхозинституте, а в 1967 г. будучи избран академиком АН БССР, занял должность директора Института физико-органической химии АН БССР. Всего он опубликовал более 800 научных работ, в том числе 7 монографий, прежде всего в области каталитического органического синтеза и катализа, широко известных в нашей стране и за рубежом³.

Быт университетских работников в середине 1950-х годов мало отличался от жизни большинства жителей города Молотова. Повседневность подразумевала жизнь в тесных комнатах в коммуналках или общежитии барачного типа, зачастую с протекающей крышей и плохо отапливаемых, проблемы с добыванием продуктов и промышленных товаров, обязательное участие в разного рода «общественной работе» и т.д. Молодые преподаватели и лаборанты жили в одних общежитиях со студентами, зачастую просто не пригодных для жизни. Об условиях в общежитии, располагавшемся в химическом корпусе, говорилось на парткоме 5 апреля 1956 г.: «От сырости в 20-й комнате уже завелись черви. У нас много больных туберкулезом. В тяжелом состоянии сейчас

¹ Протокол заседаний партбюро МолГУ от 7 июня 1956 г. / ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп.1. Д.121.Л.65-67.

² Там же Л.68-69.

³ См.: Ошуркова Р.А. Козлов Николай Семенович / Профессора Пермского государственного университета 1916–2001 гг. – Пермь, 2001. – С.60-61.

находится несколько человек, больных плевритом. Дневного света в общежитии нет, нет форточек, нет кухни»¹.

Даже в сравнительно благополучных общежитиях отмечались многочисленные «мелкие недостатки». Так в выступлении Г.С. Мурсалимова отмечалось, что «мало салфеток на тумбочках, убрали простыни, которыми закрывали одежду (*шкафов, очевидно, не было – А.Б.*). В кухне общежития № 1 нужно поставить столы с клеенкой. Свет в общежитии № 7 часто гаснет. В общежитиях нужно вернуть более сильные лампы, а то в них темно и невозможно нормально заниматься. Вопрос с водой в общежитиях 6, 2 и 4 все еще не решен, студенты часто уходят на занятия не умывшись»².

А.Ф. Ложкин с негодованием говорил о «вопиющих безобразиях» в общежитиях: «... нет культурного инвентаря, матрацы худые, нет воды, много крыс, простыни не стираются... Врач не посещает общежитий, нет учета больных туберкулезом и другими болезнями. Необходимо довести до сведения горздравотдела, что один врач на полставке и сестра не могут обслужить 3000 студентов»³.

Единственной привилегией университетских работников была сравнительно высокая зарплата преподавателей, но распространялась она только на профессоров и доцентов. Все прочие получали немного – в сравнении, например, с работниками крупных промышленных предприятий. Построенный специально для ученых новый 5-этажный дом на проспекте им. Сталина, несмотря на то, что не был коммунальным, имел много общего с традициями прежнего жилья – все друг друга знали и очень тесно общались между собой, сохранив старые традиции университетского общежития. Кроме того, в 1950-е годы в университетском доме регулярно отсутствовала горячая вода, плохо работала система отопления.

¹ Протокол заседаний партбюро МолГУ от 5 апреля 1956 г. / ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп.1. Д.121.Л.40.

² Там же. Л.41.

³ Там же. Л.41.

Как и все советские люди, работники университета находились под непрерывным контролем со стороны разных инстанций и обязаны были соблюдать писанные и неписанные правила поведения. Более того, считаясь людьми, обладавшими «трибуной» для публичных высказываний, они подлежали и более пристальному контролю, чем работники других учреждений.

Впрочем, как и в предшествующий период, нарушение норм далеко не всегда влекло за собой немедленное и строгое наказание. Достаточно типичные для рассмотрения на партийных бюро случаи пьянства и связанных с ним эксцессов (потеря партбилета, попадание в вытрезвитель и т.д.) обычно рассматривались скорее как печальные, но вызванные сугубо индивидуальными склонностями и случайными обстоятельствами явления.

В феврале 1956 г. партбюро рассматривало персональное дело одного из преподавателей географического факультета Н-ва, попавшего в вытрезвитель. За год до этого он уже имел строгий выговор за пьянство и неоднократное появление на работе в нетрезвом виде. Выступавшие отмечали, что Н-в не сделал выводов из предыдущего наказания и продолжает злоупотреблять алкоголем. Прекратив приходить пьяным на занятия, он, тем не менее, продолжал пить – «после пьянки появлялся в университете опухшим, не мог читать лекции». К.И. Ларькина заявила, что имела беседу с супругой Н-ва, просившей немедленно рассмотреть его дело на партбюро, так как он беспробудно пил несколько дней. Н-ва призывала подумать о семье, о том, что ее мужу нужно лечиться от алкоголизма¹.

Выпивка и даже пьянство не были чем-то необычным в жизни советского горожанина 1950-х и преподавателя ВУЗа в частности. Характерна цитата из записи выступления одного из членов бюро: «Все люди пьют и он тоже, но он коммунист и не должен ронять достоинства члена партии». Несмотря на то, что большинство членов бюро с недоверием восприняли «чистосердечное раскаяние» Н-ва и его обещание во-

¹ Протокол заседаний партбюро МолГУ от 9 февраля 1956 г. / ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп.1. Д.121. Л.14.

обще прекратить употреблять спиртное, постановление, принятое членами партбюро было достаточно мягким. Оно ограничилось одним обсуждением его проступка на партбюро и предупреждением, что «если он еще раз нарушит партийную дисциплину, вопрос о его поведении будет вынесен на обсуждение партийного собрания»¹.

Гораздо жестче пресекались такие проступки преподавателей-коммунистов как участие в религиозных обрядах. Так партбюро университета приняло решение поставить на вид «дискредитировавшему себя в глазах коллектива» проректору по учебной работе Н.А. Игнатьеву, присутствовавшему в церкви на отпевании своего отца².

О непартийном поведении проректора партком проинформировали студенты университета. Интересно, что решение партбюро не было одобрено на общем собрании партийцев университета, где по вопросу о виновности Н.А. Игнатьева разгорелся жаркий спор, закончившийся в итоге тем, что большинство, осудив поступок Н.А. Игнатьева, все же проголосовало против предложенного на бюро наказания.

Однако, этот случай нельзя считать проявлением солидарности вузовских преподавателей, отстаивавших члена своей корпорации от санкций со стороны партийных органов. Среди выступавших за наказание Н.А. Игнатьева были его коллеги: профессора и преподаватели, звучали и высказывания, что «студенты, написавшие заявление, оказались более зрелыми, чем некоторые коммунисты»³.

Студенты в Молотовском университете середины 1950-х годов находились, как уже говорилось, в достаточно сложных материально-бытовых условиях. Прежде всего это касалось тех, кто проживал в общежитиях. Постоянным и животрепещущим вопросом, неоднократно звучащим в разных документах этого времени, была борьба за то, чтобы студенты снимали пальто и головные уборы в аудиториях. Причиной такого поведения была не только невоспитанность молодежи, но и

¹ Протокол заседаний партбюро МолГУ от 9 февраля 1956 г. / ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп.1. Д.121. Л.15.

² Протокол заседаний партбюро МолГУ от 5 апреля 1956 г. / ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп.1. Д.121.Л.42.

³ Протокол общего партсобрания МолГУ от 11.10.1956 / ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп.1. Д.120. Л.31.

довольно низкая температура в университетских зданиях, вызванная проблемами с отоплением.

В докладе секретаря комитета ВЛКСМ университета И.С. Капцуговича 19 января 1956 г. была проанализирована работа комсомольской организации. В числе недостатков отмечался «формализм»: «Не везде обсуждено письмо ЦК ВЛКСМ, не проводили вечеров, посвященных пропускам занятий, обсуждению аморальных поступков некоторых студентов. У нас имеются ряд аморальных поступков студентов... дезертирство, оскорбление преподавателей, драки... У нас и рядовые комсомольцы и даже часть актива скрывают отрицательные явления в студенческой среде... Неважно обстоит дело со стенной печатью, особенно сатирической. Печать не поднимает больших вопросов жизни. Печать недействительна. Нам надо усилить работу с выпускниками. Многие из них не хотят ехать на работу учителями...»¹.

Прения участников заседания показали еще более мрачную картину. Декан юрфака А.В. Рыбин заметил, что студенты работают по 8–10 часов в день в неподходящих условиях, а комсомольское бюро оторвалось от факультета, «никто по-настоящему не работает». Ректор В.Ф. Тиунов отметил многочисленные случаи аморального поведения студентов: «Студент Е-в, например, подрался и поранил ножом двух человек. Знаем мы, что много у нас студентов пьет»². Выступавшие на партсобрании почти единогласно отмечали плохую работу по воспитанию студентов, либеральное отношение к нарушающим порядок. Звучали предложения усилить контроль за посещаемостью лекций, быть более требовательным к неуспевающим, а не «тянуть их до 5-го курса», «навести порядок в общежитии» и т.п.³.

К середине 1950-х усиливается внимание к научной работе в ВУЗах. На то были причины. Научная деятельность в университете того времени была далеко не благополучна. Пермский университет 1930-х или

¹ Протокол открытого партсобрания парторганизации МолГУ от 19.01.1956 г. / ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп.1. Д.120. Л.2-3.

² Там же. Л.5.

³ Там же. Л.6-7.

1940-х годов, конечно, тоже вряд ли можно было считать крупным центром советской науки, однако в тот период фундаментальные либо прикладные научные исследования. Андрей Бушмаков: и Публикация их результатов не являлись приоритетом для провинциальных ВУЗов и легко объяснялись трудностями с оборудованием, перегруженностью учебной работой и т.п. Как выглядел в этом плане Молотовский университет? В качестве примера можно привести состояние дел на двух основных в естественнонаучном и гуманитарном профиле факультетах: химическом и историко-филологическом.

Первый считался сравнительно благополучным в отношении научно-исследовательской деятельности. В 1940-е годы на нем работал такой крупный ученый как Р.В. Мерцлин, ректор университета в 1941–1945 гг. Однако протоколы собраний, посвященных работе факультета в 1956 году показывают, что с научной деятельностью и на химфаке в этот период дело обстояло не очень хорошо. Так, в выступлениях на партбюро 12 января 1956 г. сотрудников химического факультета обсуждались многочисленные недостатки в научной работе ряда его кафедр. Выступления ученых на этом партбюро были довольно резкие, особенно по контрасту с зачитанным в начале заседания докладом декана факультета И.И. Лапкина. Недостатки в научной работе обосновывались в основном объективными трудностями: теснотой помещений, невозможностью публиковать результаты научных работ и издавать методическую литературу для студентов и т.д. По признанию доцента кафедры органической химии В.П. Живописцева, за 15 лет кафедра не получала никакого оборудования¹. Зачастую оставляла желать лучшего и научная подготовка сотрудников. Заведующий кафедрой неорганической химии Е.Ф. Журавлев отмечал: «Ассистент А-ва не сдает и не думает сдавать кандидатские экзамены и кафедра просит освободить ее от таких работников. Доцент С-в в области неорганической химии слаб и на лекциях делает грубые ошибки»².

¹ Протокол заседаний партбюро ПГУ от 12 января 1956 г. / ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп.1. Д.121. Л.3.

² Там же. Л.4.

Критично оценивал работу химического факультета инструктор промышленного отдела обкома КПСС Овчинников, отметив, полное отсутствие связи с Азотнотуковым и Березниковским анилино-красочным заводами, слабую связь с производством вообще.

Особенно резко критиковал работу факультета профессор Н.С. Козлов, что вероятно объяснялось и упомянутым ранее конфликтом со многими коллегами. В частности он отметил, что с каждым годом уменьшается количество работ сотрудников кафедры органической химии, которая за пять лет ничего не дала для промышленности.

Проректор по научной работе профессор В.Ф. Усть-Качинцев пожаловался то, что плохо развивается работа по хоздоговорам: «До этого года министерство мешало нам в этом отношении, говоря, что это не ваше дело, только после обследования университета комиссией, министерство переменяло свое мнение. Мы будем стремиться к увеличению числа хоздоговорных работ, но сделать это быстро за 1–2 недели нельзя, нужно на это 2–3 месяца»¹.

Доцент кафедры физической химии В.В. Кузнецов также достаточно сильно критиковал работу факультета, отмечая отставание в научной работе, вызванное «бедным и устарелым» оборудованием, малочисленностью лаборантов и недостаточным вниманием факультетского начальства к внедрению современных методов исследования².

Такая неожиданно низкая оценка научной работы химического факультета его сотрудниками, поток жалоб и сетований с их стороны, вызвали определенное беспокойство у секретаря партбюро А.Ф. Ложкина, укоризненно отметившего «какой-то скептицизм у работников химического факультета» и призвавшего по-деловому обсуждать вопрос и вносить конкретные предложения, помогать кафедрам, испытывающим трудности в работе³.

¹ Протокол заседаний партбюро ПГУ от 12 января 1956 г. / ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп.1. Д.121. Л.6.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Л. 7-8.

Историко-филологический факультет середины 1950-х годов мог похвастаться научными достижениями еще меньше, чем химический. 30 мая 1956 г. на заседании кафедры истории СССР рассматривался вопрос «о состоянии и мерах улучшения научно-исследовательской работы кафедры» – так называемая «проработка» постановления Совета Министров СССР от 12 апреля 1956 г. № 456 «О мерах улучшения научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях». В ходе заседания были озвучены многие проблемы. Исследованиями и публикацией их результатов активно занимались археологи (благодаря активной работе Камской археологической экспедиции, которую возглавлял В.А. Оборин, а до 1955 г. – О.Н. Бадер), с середины 1950-х годов стали ежегодно публиковаться также Ф.С. Горовой и Л.Е. Кертман. Остальные научные работники практически не имели публикаций – типичная ситуация к середине 1950-х годов. Даже у кандидатов наук за два-три года не выходило ни одной публикации.

После заслушивания индивидуальных отчетов членов кафедры слово взял М.И. Черныш. Его критическое выступление достаточно полно отражено в протоколе: «М.И. Черныш высказывает недоумение по поводу некоторых особенностей жизни кафедры. Одни члены кафедры принимают участие в коллективной работе, другие остаются в стороне. П.И. Хитров, как и. о. завкафедрой, нарушает принцип коллегиальности и иногда действует в обход кафедры. Так работа над сборником «Молотовская область» была поручена трем членам кафедры, и вопрос об этой работе на кафедре не обсуждался. Рекомендация П.И. Хитровым этих лиц ректору была субъективной. В.А. Оборин, К.С. Маханек, П.И. Хитров, как авторы порученной им работы не вызывают сомнений. Но М.И. Черныш считает неправильным такие вопросы не ставить на обсуждение кафедры. Так же был решен вопрос о посылке представителя кафедры на сессию Академии Наук СССР в Москву. Был послан К.С. Маханек. Кафедра узнала об этом некоторое время спустя»¹.

¹ Протокол заседания кафедры истории СССР от 30 мая 1956 г. / ГАПК. Ф. р-180. Оп.12. Д.1970. Л.11–11 об.

Выступление М.И. Черныша поддержал С.М. Томсинский: «кафедру нельзя обходить. Принцип коллегиальности имеет большое значение». М.И. Солодникова отметила, что М.И. Черныш в свое выступление «вносит некоторую страстность», но по-существу он прав: следует избегать нарушения принципа коллегиальности¹. В итоге кафедра приняла общим голосованием предложение С.М. Томсинского следующего содержания: «Вопросы, которые касаются кафедры, ставить на обсуждение кафедры»².

При обсуждении второго вопроса – о научно-исследовательской работе проделанной кафедрой в 1-м полугодии 1956 г. М.И. Черныш обвинил и.о. завкафедрой в произвольности оценки им научной работы членов кафедры, отсутствии какого-либо четкого критерия оценки такой работы. Это выступление М.И. Черныша также поддержал С.М. Томсинский³.

Подобную фронду со стороны молодого сотрудника кафедры можно объяснить не только отсутствием должного авторитета у П.И. Хитрова, исполнявшего обязанности завкафедрой в период докторантуры Ф.С. Горового, но и, конечно же, влиянием времени. Доклад Н.С. Хрущева безусловно способствовал критике «снизу», прорывавшейся при случае в разнообразных формах.

Что касается оценки научных работ историков Молотовского университета первой половины 1950-х годов, то в условиях доминирования ортодоксального марксизма в обществоведении, вряд ли вообще представляется возможным говорить о научных исследованиях, в современном смысле слова. Историкам Молотовского университета, как и большинству их коллег из других регионов, приходилось заниматься созданием текстов по принципу средневековой схоластики. Попытки отступления от «генеральной линии» немедленно выявлялись своими же коллегами и сурово карались, обычно при участии партийных инстанций.

¹ Протокол заседания кафедры истории СССР от 30 мая 1956 г. / ГАПК. Ф. р-180. Оп.12. Д.1970. Л.11–11 об.

² Там же. Л.12.

³ Там же. Л.14 об.

Многие историки, занимавшиеся далекими от научной деятельности схоластическими штудиями в первой половине 1950-х, в дальнейшем занялись действительно научными исследованиями. Знание этого не должно влиять на наш анализ ситуации в университете. Даже те, о ком десятилетия спустя можно будет говорить как о крупных ученых, в середине 1950-х учеными еще не были. В то время их можно скорее рассматривать и формально и фактически как обычных советских служащих.

Сохранившиеся документы фиксируют, что знакомство с докладом Н.С. Хрущева не прошло даром. Иногда это выглядело довольно комично. Так, в протоколе заседания кафедры истории СССР от 23 марта 1956 г. приводится обсуждение лекции С.И. Сметанина на тему «Грузинская культура XII века». В замечании на текст лекции, высказанном К.С. Маханеком говорилось, что «не нужно выпячивать имен Тамары и Давида Строителя во избежание культа личности»¹.

Была характерна и апелляция к общественному мнению. На том же заседании кафедры обсуждался вопрос о студентах, плохо работавших над курсовыми темами. П.И. Хитров предложил в качестве мер воздействия на нерадивых студентов, прежде всего, поговорить с активистами курса: «Нужно создать общественное мнение. Нужно действовать вместе с общественными организациями, чтоб ликвидировать угрожаемое положение с курсовыми работами»².

Стиль сталинской эпохи был еще живуч и уходил медленно. На заседании кафедры 6 апреля обсуждались дипломные работы. В числе прочих вопросов дипломнику Верховланцеву, автору работы о Вишерском целлюлозно-бумажном комбинате в первую пятилетку, П.И. Хитровым был задан такой: «Наблюдались ли там акты вредительства?»³.

Тот же П.И. Хитров, впрочем, задавал дипломникам и другие вопросы, говорившие, об определенной смене приоритетов. Так студент-

¹ Протокол заседания кафедры истории СССР от 23 марта 1956 г. / ГАПК. Ф. р-180. Оп.12. Д.1969. С.186.

² Там же.

³ Протокол заседания кафедры истории СССР от 6 апреля 1956 г. / ГАПК. Ф. р-180. Оп.12. Д.1969. С.191.

ку Н.Н. Мошеву, писавшую о промышленном развитии города Березники в пятой пятилетке, он спросил насколько удовлетворяют темпы городского строительства потребности населения в жилплощади. Вопрос был вполне риторический. Темпы жилищного строительства отставали от промышленного в любом городе Молотовской области, включая сам областной центр. Кстати, главное замечание к работе Н.Н. Мошевой было: «недостаточно показала участие масс в строительстве»¹.

Напрямую были связаны с XX съездом партии темы дипломов, отнесенных к новейшей политической истории. Студентку Г.К. Трубину, темой диплома у которой были «Особенности дипломатии внутри социалистического лагеря» на обсуждении работы П.И. Хитров настойчиво спрашивал о том «как реализуется постановление XX съезда КПСС?». Студентка считала, что «значение указаний XX съезда КПСС в ее работе достаточно отражено», о чем говорили и ее научный руководитель А.П. Ермаков и рецензент М.И. Черныш. Однако П.И. Хитров настаивал, что «значение постановлений XX съезда КПСС должно было прозвучать в дипломной работе более четко и сильно»².

В данном обсуждении студенческих работ, мы видим, что подходы, которые господствуют в среде историков университета, имеют мало общего с наукой. Скорее это подходы партийных пропагандистов. Тексты дипломных работ, как и любые исторические тексты в этот период должны не столько адекватно отражать историческую реальность, сколько соответствовать последним партийным указаниям, т.е. быть политически правильными.

После XX съезда историки университета столкнулись с проблемой изменившихся политических оценок исторических событий. То, чему учили студентов еще два-три года, даже год назад, оказалось устаревшим, политически неверным. На заседании 23 апреля обсуждался вопрос о чтении обзорных лекций для кончающих университет студен-

¹ Протокол заседания кафедры истории СССР от 4 мая 1956 г. / ГАПК. Ф. р-180. Оп.12. Д.1970. Л.4.

² Протокол заседания кафедры истории СССР от 4 мая 1956 г. / ГАПК. Ф. р-180. Оп.12. Д.1970. Л. 4 об. – 5.

тов. После «детального обсуждения» были утверждены 9 тем лекций, три из которых, наиболее «острые» в политическом отношении достались П.И. Хитрову: «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции», «СССР в период индустриализации и коллективизации сельского хозяйства» и «Вопрос о Великой Отечественной войне в Советском Союзе»¹. Очевидно, ему, как специализировавшемуся по советскому периоду отечественной истории, пришлось вноситься в читаемые курсы наиболее значительные изменения. Отчитываясь в конце мая о собственной научной работе, П.И. Хитров объясняет, что не успел написать статью для «Ученых записок» из-за того, что «в связи с решениями XX съезда КПСС, пришлось много работать при подготовке к читаемому лекционному курсу»².

Позднее – в сентябре М.И. Черныш критиковал текст вводной лекции С.М. Томсинского по курсу истории СССР за то, что он не показал «основные вопросы преподавания истории в свете XX съезда КПСС»³. Подобное же замечание сделали и С.И. Сметанину. Критика касалась вводной лекции к курсу по истории Грузии: «нужно показать студентам, как XX съезд КПСС ориентирует по вопросам истории в связи с культом личности»⁴. Отвечая на критику коллег, обвинявших его в огульном охаивании всех современных историков Грузии, С.И. Сметанин заявил, что «охаивал историков Грузии именно с точки зрения XX съезда»⁵.

Обе лекции обсуждались на кафедре истории СССР и, подводя итоги обсуждения, заведующий кафедрой Ф.С. Горовой посоветовал обоим лекторам больше использовать материалы XX съезда.

Култ личности был включен в качестве отдельного вопроса для госэкзамена по истории СССР. На обсуждении билетов на кафедре

¹ Протокол заседания кафедры истории СССР от 23 апреля 1956 г. / ГАПК. Ф. р-180. Оп.12. Д.1969. С.199.

² Протокол заседания кафедры истории СССР от 30 мая 1956 г. / ГАПК. Ф. р-180. Оп.12. Д.1970. Л.11.

³ Протокол заседания кафедры истории СССР от 29 сентября 1956 г. / ГАПК. Ф. р-180. Оп.12. Д.1970. Л.19 об.

⁴ Там же. Л. 20 об.

⁵ Там же.

формулировка вопроса «Культ личности и его отрицательное значение» была признана неудачной и заменена, очевидно, на более нейтральный вариант¹.

Секретный доклад Н.С. Хрущева, безусловно, стал важнейшим событием, повлиявшим на жизнь университета в 1956 г., вызвал достаточно бурную и неоднозначную реакцию. Этот момент послужил своего рода лакмусовой бумажкой, проявившей взгляды и настроения наиболее активной части университетских работников. Реакция на доклад Хрущева дает возможность высказать ряд предположений о том, как советские люди, в данном случае – партийные служащие одного из советских учреждений, воспринимали происходящие в стране события.

29 марта 1956 г. полторы сотни университетских работников (140 членов и 10 кандидатов в члены КПСС) заслушали доклад секретаря Молотовского обкома К.И. Галаншина «Об итогах XX съезда КПСС и задачах партийной организации университета».

Прения по докладу были довольно сумбурными. Первым выступил завкафедрой философии В.М. Букановский. Его выступление было выдержано в традиционной для подобных речей манере: «XX съезд партии является главным после смерти т. Ленина, он решил большие задачи. Работники кафедры философии обсудили задачи, поставленные XX съездом партии, мы видим, что преподавание становится ближе к жизни. Мы включили вопросы о значении XX съезда партии в экзаменационные билеты...». Вторая выступающая Сорокина вообще посвятила свой спич проблеме оценки знаний студентов и призвала повысить требовательность к студентам и не завышать оценки. Ведущий идеолог университета также был традиционен и краток: «XX съезд партии имеет всемирно-историческое значение. Наша кафедра должна перестроить свою работу...» Эти выступления, очевидно, были заранее подготовлены, однако затем обсуждение вышло из рамок, в которых его пытались поместить организаторы.

¹ Протокол заседания кафедры истории СССР от 30 мая 1956 г. / ГАПК. Ф. р-180. Оп.12. Д.1970. Л.13.

Уже четвертое выступление зав. кафедрой политэкономии Н.М. Паршуковой было достаточно нетипично для подобных мероприятий: «Мы слушали участника XX съезда партии тов. Галаншина, но ему надо было больше говорить о задачах университета. Доклад тов. Галаншина представляет пример догматизма. Нам предложили читать материалы XX съезда, а политэкономию пока отложить...»¹.

У выступавшего седьмым Кошевого резкость критики в адрес начальства – своего кафедрального – усилилась: «Правильно выступление тов. Паршуковой, но выступления тов. Волина и Букановского представляют аллилуйщину, догматизм. На кафедре философии слабо организуется работа преподавателей. У нас были сообщения тов. Букановского, но духа XX съезда не чувствуется на кафедре. Нам надо исследовать, а не комментировать... На кафедре тов. Букановский делит работников не совсем правильно, одних загружает чересчур работой, а других нет...»².

Достаточно типично выглядела речь Бынова: «Все мы чувствовали с 1935 года, что шло избиение кадров. XX съезд раскрыл нам причины этого. ЦК КПСС безусловно правильно решит все вопросы. У нас сейчас оздоравливается обстановка в партии, шире растет критика. В университете мы, преподаватели, мало проявляем инициативу, надо было правильно рассчитать учебный план в связи с потерей учебных часов на сельскохозяйственных работах. Неправильно мы загружаем студентов по 8 часов в день. Слишком много загружают студентов общественными дисциплинами, внеаудиторным чтением. Руководители университета и декан не проявляют инициативы по устранению недостатков... Партийное руководство должно становиться ближе к народу. Я и Букирев три года назад послали письмо в ЦК КПСС, но ответа не получили, а в ЦК пройти невозможно. Так же трудно пробраться на прием к депутатам, а их надо ближе поставить к народу»³.

¹ Протокол открытого партсобрании парторганизации МолГУ от 29.03.1956 г. / ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп.1. Д.120. Л.13.

² Там же. Л.14.

³ Там же.

Два десятка работников университета, выступивших на собрании 29 марта, говорили и о повышении качества преподавания и о культе личности, критиковали университетское начальство и даже требовали от членов ЦК КПСС «разъяснить свое поведение» в связи с культом личности. Наверное, наиболее определенным и четким из всех было высказывание С.Н. Чусовитина: «Наша молодежь воспитана на культе личности: люди привыкли считать Сталина богом, а с богом трудно расставаться; эту болезнь угодничества, завышения отчетов выполнения планов трудно излечить. Не отрицая заслуг Сталина, надо сказать, что он совершил преступление»¹.

Практически невозможно говорить о какой-либо общей позиции той или иной группы выступавших. Перед нами очень разные люди. Повидимому, нет основания, говорить о реакции на события университетских работников как сообщества, объединенного общими ценностями, целями и интересами. Такой корпорации в данном случае мы не видим.

Можно предположить, что некоторые из выступавших приняли происходящее за начало очередной инициированной властью кампании, разворачивающейся в привычном сталинском стиле. Усвоенная ими модель поведения, предполагала, что в рамках такой кампании «маленький человек» может и даже должен выступать с критикой непосредственного и даже большого начальства. Подобная кампания, при удачном стечении обстоятельств могла принести ее активному участнику некоторые преференции, не только морального, но и материального плана – получить квартиру, новую должность и т.д. Однако, были и те, кто вкладывал в старые формы сталинской эпохи уже новое содержание, то, что мы с некоторым допущением можем назвать «либерализмом», демократической критикой существующих порядков. Наконец были и люди, просто позволившие себе не осознанный до конца выплеск негативных эмоций – окружающая действительность

¹ Протокол открытого партсобрания парторганизации МолГУ от 29.03.1956 г. / ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп.1. Д.120. Л.15.

давала слишком много поводов для разного рода фрустраций, постоянно подавляемых, но неизбежно требовавших какого-то выхода.

XX съезд, безусловно, вызвал достаточно много изменений в жизни университета. В 1956/57 году была заметно изменена система высшего образования. Министерство высшего образования СССР пересмотрело организацию учебного процесса, предоставив студентам большую самостоятельность в работе, увеличив объем практических занятий. Письмо о перестройке учебного процесса было получено в Молотовском университете 28 сентября. Изменения, таким образом, начались уже во 2-м семестре¹.

Но главной и первоочередной задачей преподавателей было донести материалы XX съезда до каждого студента и работника университета. Вопросами идеологической работы в университете, кроме обычных для любого советского учреждения инстанций, занимались три кафедры общественных наук: марксизма-ленинизма, философии и политэкономии. Именно они оказались ответственны за изучение материалов XX съезда всеми сотрудниками и студентами университета. Работа по изучению материалов съезда началась в соответствии с приказом министерства высшего образования от 29 февраля 1956 г. № 197. 22 марта парткомом был утвержден план изучения материалов XX съезда в Молотовском университете.

Однако отношение к официальному партийному документу, предназначенному для «проработки» на этот раз, было не совсем формальным. Секретарь партбюро А.Ф. Ложкин сообщил, что вопрос об изучении материалов XX съезда поставлен на партбюро потому, что «вокруг этого развернулись большие дебаты. На изучение материалов дается 24 часа и никаких указаний больше нет»².

В данном случае любой преподаватель общественных наук являлся не ученым, приобщающим студентов к новейшим достижениям совре-

¹ См. Протокол общего партсобрания МолГУ от 11.10.1956 / ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп.1. Д.120. Л.45.

² Протокол заседаний партбюро МолГУ от 22.03.1956 г. / ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп.1. Д.121. Л.34-35.

менной науки, а официальным лицом, разъясняющим позицию власти по ряду принципиальных вопросов. Но позиция эта была не всегда ясна, а четких указаний «сверху» не было довольно долго. П.И. Хитров, как и его коллеги был этим озадачен: «Кафедра истории народов СССР должна будет обеспечить семинарские занятия в 5–6 группах. Преподаватели выделены, но когда эти занятия будут проводиться – мы не знаем. Есть ли методические разработки – нам тоже не известно. Надо скорее эти вопросы выяснять»¹.

Кроме студентов, которым по программе полагалось прочитать лекции и провести не менее 3-х семинаров, изучение материалов XX съезда должно было проводиться служащими и работниками университета, включая вспомогательные службы и мастерские.

Доклад Н.С. Хрущева и та растерянность, с которой его встретили партийные инстанции, не получившие дополнительных указаний по его «разъяснению» имели неожиданные последствия. В студенческой среде весной и летом 1956 года стали проявляться довольно скептические высказывания по отношению к руководителям партии – бывшим и нынешним и к советской действительности как таковой. Если отдельные, хотя зачастую и резкие, но в общем-то непоследовательные высказывания преподавателей партийное начальство особенно не пугали – имелось достаточно рычагов, чтобы держать их под контролем, то настроения студенчества, которое контролировать было гораздо сложнее не могли не вызвать тревогу. Осенью 1956 г. в университете активизируются попытки усилить контроль над студенческой молодежью во главе которых встал вновь избранный в октябре секретарь университетской парторганизации Ю.П. Волнягин.

В ноябре 1956 г. на бюро университета в присутствии представителей обкома, горкома и Кагановического райкома КПСС рассматривался вопрос о политико-воспитательной работе на физико-математическом факультете. После доклада секретаря партбюро факультета Жданова, вы-

¹ Протокол заседаний партбюро МолГУ от 22.03.1956 г. / ПЕРМГАНИ. Ф. 717. Оп. 1. Д. 121. Л. 34-35.

держанного в целом в оптимистичном ключе, присутствующие стали задавать вопросы, касавшихся политической и воспитательной работы на факультете поначалу имевшие вполне стандартный характер:

– Считаете ли Вы главным средством идейной работы работу с комсомольской организацией?

– Да.

– Сколько студентов было послано на целину?

– 27 человек, работали хорошо.

– Как преподаватели по физике и математике ведут на лекциях воспитательную работу?

– Предлагают снимать пальто, вытирать доску, а специального времени для этого не отводится

– Как осуществляли руководство профсоюзом?

– Готовилось собрание профорганизации¹.

В дальнейших выступлениях критика деятельности работы факультетской парторганизации усилилась. Выступавшие обращали внимание на плохую работу редколлегии, недостатки политинформаций, низкую посещаемость лекций по политэкономии.

Затем слово взял Ю.П. Волнягин. Его выступление носило резкий, тревожный, набатный характер: «Вопрос о воспитательной работе среди студенчества у нас сейчас стоит значительно острее, чем его здесь представили большинство выступающих... Нельзя воспитательную и политическую работу среди студентов заменить организацией развлекательных мероприятий. Нужно сейчас организовать институт прикрепленных членов партии к комсомольским группам. Этого требуют сейчас обстоятельства, вся мировая реакция сплотилась для борьбы с социалистическим лагерем и это может оказывать какое-то влияние не только на Венгрию, но и на Урале. Деканы и преподаватели проходят мимо многих фактов неправильного поведения студентов»².

¹ Протокол заседаний партбюро МолГУ от 29.11.1956 г. / ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп.1. Д.121. Л.109.

² Там же. Л.112.

Выступление Волнягина подняло градус дискуссии, принявшей оттенок характерный для еще не всеми забытого недавнего прошлого: «Нужно повысить требовательность к тем студентам, которые делают попытки антисоветскими репликами и вопросами срывать идейно-политическую работу. У нас есть органы диктатуры пролетариата, мы должны одних одергивать, других поправлять»¹.

Резкость обсуждения попытался сгладить ректор В.Ф.Тиунов, признав «неправильные настроения» студентов, случаи пьянства на физмате, он предложил «направлять искания» студентов, больше внимания уделять их жизни вне учебных занятий².

Резкая критика прозвучала в выступлениях В. Стряпуниной, упомянувшей случай с Шарцем³, плохую организацию отправки отряда на целину, слабое участие преподавателей и партбюро в работе комсомольских организаций и т.д. И.С. Капцугович отметил, что в решениях XX съезда говорится о необходимости усилить идейно-воспитательную работу среди молодежи, а на физмате «повседневное руководство» такой работой отсутствует. После чего он попросил о помощи работников РК, ГК и обкома КПСС⁴.

В целом воспитательная работа на физмате на заседании 29 ноября была признана неудовлетворительной. Причем в черновом варианте постановления сохранилась следующая формулировка: «Партийная организация физмата и других факультетов неудовлетворительно проводят воспитательную работу со студенчеством» – «другие факультеты» при правке были вычеркнуты от руки, но перенесены в конец документа: «недостатки имеющиеся в воспитательной работе партбюро факультета присущи и партийным бюро других факультетов»⁵. Нет сомнений, что Молотовское партийное руководство было обеспокоено ситуацией в университете и намерено навести здесь порядок.

¹ Протокол заседаний партбюро МолГУ от 29.11.1956 г. / ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп.1. Д.121. Л.109.

² Там же. Л.113.

³ См.: О.Л. Лейбович Либералы в Молотовском университете / В городе М. – Пермь, 2006. – С. 231.

⁴ Протокол заседаний партбюро МолГУ от 29.11.1956 г. / ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп.1. Д.121. Л.114.

⁵ Там же. Л.118.

В «Справке о фактах проявления политически нездоровых настроений среди студентов Молотовского университета», представленной в конце декабря зам. зав. отделом пропаганды и агитации обкома КПСС Калашниковым секретарю обкома К.И. Галаншину идейно-политическое воспитание студентов университета было признано «запущенным», и предлагалось направить все силы партийной организации и профессорско-преподавательского состава на решение этой проблемы¹.

Следствием такой установки был ряд мер репрессивного характера – исключение нескольких студентов и молодого преподавателя историка С.И. Сметанина².

Развернувшаяся в конце 1956 года кампания по усилению воспитательной работы коснулась всех преподавателей университета – идея прикрепления всех коммунистов университета к студенческим группам была реализована, но, прежде всего, – кафедр общественных наук и гуманитариев.

В протоколе партсоборания 10 января 1957 года отражено выступление зав. кафедрой философии В.М. Букановского. Начинается оно словами: «Сегодня международная обстановка требует от кафедр общественных наук особенной боевитости». В.М. Букановский был согласен с тем, что воспитательная работа в университете имеет недостатки: нет тесных контактов у преподавателей со студентами, мало они бывают в общежитиях, не принимают участия в вечерах вопросов и ответов, студенческих собраниях, мало выступают с докладами. Оправдывая возглавляемую им кафедру, В.М. Букановский сказал, что кафедра в последний период «активизировала» семинарские занятия, преподаватели «стараются удовлетворять ответами студентов». «Некоторые вопросы» теперь обсуждаются на заседаниях кафедр и «предупреждаются» на лекциях³.

¹ Справка о фактах проявления политически нездоровых настроений среди студентов Молотовского университета / ПЕРМГАНИ. Ф.105. Оп.23. Д.81. Л.123-135. Датируется по содержанию документа.

² См.: О.Л. Лейбович Либералы в Молотовском университете / В городе М. – Пермь. – С. 232-233.

³ Протокол общего партийного собрания МолГУ от 10.01.1957 / ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп. 1. Д.122. Л.8.

Что подразумевалось под этими опасными «некоторыми вопросами» нетрудно понять: критика сталинского культа личности неизбежно приводила к критике исторических свершений партии и советской власти, самым непосредственным образом связанных с именем Сталина. По признанию В.М. Букановского, «особенно трудно рассматривать преподавателям вопрос о развитии марксистской философии после смерти Ленина». Еще хуже было с вопросами, затрагивающими вопросы практические, касавшиеся современных реалий: «некоторые вопросы студентов вполне закономерны и необходимо проводить правильный марксистский анализ для ответа, например в области конкретной экономики, а для этого необходимо располагать данными»¹.

Тов. Малофеев отмечал, что студенты «черпают материал из жизни», которая дает достаточно примеров того, «что некоторые пострадавшие честные люди остаются без крова, сидят в тюрьме и т.д.»².

Трудности с «некоторыми вопросами» были не только у кафедры философии. Преподаватели юрфака, по признанию Рыбина, не всегда имевшие достаточную квалификацию, чтобы дать подробное и убедительное объяснение, отвечали на конкретные вопросы студентов яростной агитацией за советскую власть вообще: «При ответах на вопросы студентов о капитализме, преподаватели ругают его не жалея красного словца, вместо обоснованного ответа»³.

Другой, очевидно более перспективной в тех условиях тактикой поведения преподавателя, сталкивающегося с подобными вопросами студентов, была продемонстрированная зав. кафедрой истории КПСС Я.Р. Волиным. Все неудобные вопросы объявлялись «провокационными», и им «давался отпор»⁴. В выступлении студентки Коробейниковой сообщалось, что «на вечере вопросов и ответов тов. Волин после того

¹ Протокол общего партийного собрания МолГУ от 10.01.1957 / ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп. 1. Д.122. Л. 8-9.

² Там же.

³ Там же. Л.11.

⁴ Там же. Л. 14.

или иного каверзного вопроса спрашивал: откуда взят этот материал?»¹. Кафедра в 1956 году была загружена разработкой нового учебного курса, однако, по словам Я.Р. Волина, успешно занималась воспитательной работой среди студентов, недостатки в идеологической работе со студентами он объяснил тем, что преподаватели всех остальных кафедр такой работой почти не занимаются.

В выступлении геолога Матвеева говорилось о том, что нельзя сваливать «воспитательную работу» на плечи всех преподавателей – политическое просвещение, по его мнению, – это дело преподавателей общественных дисциплин².

Пропаганда политических и научных знаний традиционно оставалась важнейшим занятием ученого-обществоведа. Обсуждая вопрос о принятии Г.Р. Мухина кандидатом в члены КПСС в январе 1956 г., члены партбюро университета отмечали, что он в последнее время «мало проявляет инициативы в работе общества по распространению политических и научных знаний». Я.Р. Волин, отметил, что знает Г.Р. Мухина с 1-го курса именно как активного участника лекторской деятельности. Собрание признало недостаточное внимание Г.Р. Мухина к этой работе следствием намерения поступать в аспирантуру и «указало» ему на данный недостаток³.

Тенденция к манкированию общественными поручениями у молодых университетских преподавателей для этого времени если не заметна, то, как минимум, регулярно встречается. На заседании партбюро 29 декабря 1956 года разбирали персональное дело молодого коммуниста и преподавателя биофака Суворова. Он отказался от решения партбюро факультета, предложившего ему руководить факультетской стенгазетой. Другой общественной нагрузки у Суворова не было, но он, ссылаясь на то, что преподает только первый год, готовится к канди-

¹ Протокол общего партийного собрания МолГУ от 10.01.1957 / ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп. 1. Д.122. Л. 9.

² Там же. Л. 16.

³ Протокол заседаний партбюро МолГУ от 12 января 1956 г. / ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп.1. Д.121. Л.2.

датским экзаменам и разрабатывает лекции по курсу, пытался освободиться от этой нагрузки. Интересно, что при обсуждении Суворова было упомянуто, что случай отказа от партийной работы не единственный, в связи с чем, предлагалось даже «дать товарищу выговор»¹.

Пропагандой политических знаний и воспитанием студенчества призвана была также заниматься многотиражная газета «Молотовский университет» с ее сатирическим приложением «Перец» и факультетские стенные газеты, бывшие в то время официальными обязательными и тщательно контролируемые инстанциями. Редколлегия газеты «Молотовский университет» должна была руководить сетью стенных газет, а сама она находилась под контролем университетской партийной организации. На заседании партбюро университета 9 февраля 1956 г. работа редколлегии была признана в целом удовлетворительной, однако отмечались «политически неправильные статьи» и ляпсусы в стенных газетах. К.И. Ларькина отметила неделикатность и грубость этих газет, их непочтительный тон в отношении преподавателей². В выступлении Р.А. Коренченко даже прозвучало обвинение университетской газеты в потере политической бдительности и в том, что «товарищи используют газету в своих целях», пусть, вероятно, и бессознательно. Последней номер был признан недостаточно осветившим проводимые партсобрания по директивам XX съезда³. В принятом постановлении партбюро работа редколлегии газеты оценивалась положительно, но обязывалась изжить недостатки «обратив особое внимание на действенность помещаемых материалов»⁴.

Политические взгляды, отличавшиеся от официальной точки зрения для университетского преподавателя середине 1950-х годов, конечно, были не допустимы. Их открытое, публичное высказывание приводило к увольнению из университета и другим неприятным по-

¹ Протокол заседаний партбюро МолГУ от 29 декабря 1956 г. / ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп.1. Д.121. Л.134.

² Протокол заседаний партбюро ПГУ от 9 февраля 1956 г. / ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп.1. Д.121. Л.12.

³ Там же. Л. 12-13.

⁴ Там же. Л.16.

следствиям. Однако в этот период мы можем наблюдать отдельные случаи критических высказываний по отношению к власти и реалиям советской жизни, инициированных во многом докладом Н.С. Хрущева, а главное – той манерой, в которой он был предложен для ознакомления. Эти своеобразные проявления либерализма университетских преподавателей, безусловно, были спонтанными и непоследовательными, но сами факты выступлений против начальства, даже по отдельным мелким вопросам со стороны, казалось бы, проверенных партийных кадров, были характерной приметой времени. Зачастую такие выступления вызывали ситуацию культурного шока у всех присутствовавших, особенно когда либеральный дух неожиданно прорывался у человека, всеми привычно считавшегося дисциплинированным и исполнительным партийцем, такого как П.И. Хитров.

Подобные ситуации были характерны и для других кафедр. Примером может служить случай с рассмотрением на партбюро университета кафедры физкультуры, переживавшей в то время сложный период, связанный с уходом «лучших сил» и неудачами на соревнованиях. Заведующий кафедрой Богданов в своем ответе на критический анализ работы кафедры перешел границы приличий и обрушился на партбюро с обвинениями, что оно «взяло неправильную линию», «держит кафедру в напряжении» и вообще мешает работать. Его поддержали сотрудники кафедры, говоря о том, что к работе по организации физкультурных мероприятий и спортивных секциях в университете относятся формально, не выделяют деньги и оборудование и т.п.

Реакция, очевидно слегка оторопевшего начальства была несколько запоздалой (успели выступить два работника кафедры и А.К. Бяков) и отражала их удивление и замешательство: В.Ф. Тиунов: «Я удивлен выступлением т. Богданова. Это нетактичное выступление на партбюро. Неправильным будет и разговор о принятии неправильного решения на кафедре»; Я.Р.Волин: «Богданов много работает. Но он неправ по отношению к партбюро в своем выступлении. За 16 лет я впервые слышу,

что так опровергается решение партбюро, решение людей уважаемых». Очевидно опомнившись, Богданов высказал благодарность партбюро «за указания» и сослался на «нервную обстановку», которая действует на всех сотрудников кафедры¹.

Университет, при некотором своеобразии являлся таким же советским учреждением, как любое промышленное предприятие или контора. Специфика деятельности его сотрудников, их несравненно большая образованность, книжная культура, большая, по сравнению с другими советскими организациями склонность к проявлению независимости во взглядах и оценках все же не позволяла в 1950-е годы говорить о качественно другом уровне их жизни, о свободе от многочисленных унаследованных от сталинской эпохи социокультурных институтов, структурировавших и направлявших жизнь советского человека.

Постепенно ослабевающее после 1953 года давление «сверху», которое в предшествующую эпоху привело к превращению университета в заурядное советское учреждение, с типичными для него нормами и практикой, продолжало оставаться, пускай и не определяющим, но все же, безусловно, действующим фактором его жизни. Не меньшую роль играл и фактор культурной инерции: в 1956 году сотрудники университета по-прежнему воспроизводили в своей повседневности модели поведения сталинской эпохи, руководствовались усвоенными ранее идеями и ценностями. Те новые тенденции и настроения, которые, безусловно, уже проявлялись в рассматриваемый период, нередко принимали культурные формы характерные для сталинского периода, что объясняется тем, что новых форм и институтов еще не существовало.

Преподавателей Молотовского университета середины 1950-х годов никак нельзя считать членами особой корпорации, связанными общими интересами и целями, разделяющими одни общие ценности и являющимися носителями некоего особого университетского стиля.

¹ Протокол заседаний партбюро МолГУ от 29 декабря 1956 г. / ПЕРМГАНИ. Ф.717. Оп.1. Д.121.Л.130-131.

Наоборот, мы видим достаточно пеструю картину, далекую от того классического понимания «университета», как особого мира преподавателей и студентов, живущих своей автономной и специфической жизнью, высшим смыслом и целью которой является сохранение и преумножение знаний. Молотовский университет середины 1950-х был скорее полумаргинальным сообществом. Многие представители этого сообщества оказались в стенах ВУЗа просто случайно, не сумев сделать карьеры в руководящих партийно-хозяйственных структурах (как В.Ф. Тиунов или В.В. Кузнецов), или став «вредным элементом» в результате какой-либо из сталинских кампаний (как О.Н. Бадер, Л.Е. Кертман) и т.д.

Документы рисуют нам людей, не осознающих себя членами одной корпорации, не связанных общими интересами. Наоборот – это коллектив, постоянно ссорящихся, воюющих между собой, доносящих друг на друга в разного рода вышестоящие инстанции. Вероятно, для рассматриваемого периода такая ситуация была неизбежна, вне зависимости от личных качеств университетских работников. Почти лишённые мотивации и возможности реализовать себя в науке (гуманитарии – в первую очередь по причине тотальной идеологизированности их сферы деятельности, естественники – из-за скудного снабжения необходимыми приборами и оборудованием) они превратились в своеобразный резерв партийно-хозяйственных кадров, задачей которого также была подготовка кадров молодых. Впрочем, к этой обязанности, понимавшейся, прежде всего, как воспитание настоящих советских граждан, а не как подготовка квалифицированных специалистов многие преподаватели относились довольно прохладно.

САМАЯ ТИХАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ КАК ЛЕ КОРБЮЗЬЕ РАЗВАЛИЛ СССР

Казанков А. И.

У лисиц есть норы, и у птиц небесных есть гнезда,
Сыну же Человеческому негде голову преклонить.
От Матфея, 8:19–20

В этой работе автор пытается трактовать сразу множество сюжетов, относящихся к исторической реальности 50-х – начала 70-х годов. Ему придется затронуть и смену дискурсивных формаций, произошедшую в это время, и тему жилищного строительства в г. Перми и за ее пределами, и формирование (или реформирование) сети социальных коммуникаций в городском сообществе, и потребительские стратегии тех лет, и процесс демаркации социального пространства и времени. Пожалуй, в данном перечне не хватает только *королей и капусты*.

Разумеется, представить все эти темы исчерпывающим образом с претензией на добротное эмпирическое исследование в небольшой статье невозможно. Мы преследовали иную цель, заманчивую и непростую: истолковать медленные, трудноуловимые изменения в повседневном бытовании горожанина с тем, чтобы показать, как инициированное властью (а кем же еще?) появление сферы приватной жизни привело к фатальным для этой же власти последствиям.

Но сначала придется сделать два принципиальных пояснения методологического характера. Они будут касаться, во-первых, уточнения

смысла категории «приватное» и, во-вторых, того обстоятельства, что в названии работы упомянут термин «контрреволюция». Постараемся показать, что второе непременно связано с первым.

Рассуждение о любой ре-акции (или контр-акции) непременно полагает существующей сам акцию. И тут следует признать, что реальность революционного проекта, который пытались реализовать в СССР, мы ни в коей мере под сомнение не ставим, даже принимая во внимание всю разницу между *сущим* и *должным*. А поскольку в фокусе нашего интереса располагается именно горожанин, варящийся в насыщенном символами и кодами растворе повседневности, то культурологическая по преимуществу устремленность исследования позволяет опереться на вывод Штефана Плаггенборга: «В данном случае интерес представляет тот факт, что – как парадоксально это ни прозвучит – культурная революция является доказательством своего поражения. Культурная революция в истинном смысле этого слова не состоялась»¹. Возможно, более удачным переводом этого тезиса было бы утверждение, что факт поражения культурной революции является доказательством ее реальности.

Правда, Плаггенбург связывает это поражение с появлением на авансцене советской общественной жизни сталинских выдвиженцев: «Выдвиженцы 1928–1932 гг. не были политическими революционерами, из их рядов – как и следовало ожидать – вышли приспешники сталинизма. Революция происходила где-то в другом месте, а именно в сфере культуры, – наряду с экономической реорганизацией, возможно, единственная настоящая революция тех лет. Каков был один из ее результатов? Выработался определенный тип человека, впоследствии названный в одном исследовании типом среднего класса. Зачастую к нему применялись такие оценочные понятия, как «обыватель», «мещанин», которые говорят лишь об его удаленности от пропагандировавшегося идеала советского человека: мало интересовавшийся политикой, ориентировавшийся на материальные ценности, предпочитавший

¹ Плаггенбург Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. С. 32–33.

частные формы жизни коллективным»¹ (выделено нами – А.К.). С тезисом о том, что 30-е годы ознаменованы триумфом деполитизированного, меркантильного обывателя, который *предпочитал* (т.е., по-видимому, имея возможность выбирать?) частные формы жизни, трудно согласиться.

Что касается смысла категории «приватное», то истолковать его однозначно непросто. Прежде всего, из-за его кажущейся самоочевидности. Однажды автору пришлось стать свидетелем разговора, происходившего между мальчиком двух с половиной лет и его мамой. Дело происходило в больнице, вечером, и мама торопила сына на прием к врачу: «Пойдем скорее, а то доктор домой уйдет!». На что мальчик отреагировал с типично-детской непосредственностью: «А что, доктора в домах живут? Как люди?». Интерес здесь представляет не столько исключение докторов из разряда людей, сколько непоколебимая уверенность в том, что люди непременно *живут в домах*. Ребенку, выросшему в 90-х годах XX века иные варианты просто не могли придти в голову.

Нечто в этом же роде мы обнаруживаем в прекрасном исследовании Ю. Хабермаса «Структурные изменения в сфере открытости: исследования категории гражданское общество», которое целиком посвящено генеалогии публичности, публикации, публики и публичной политики, но приватное при этом просто предполагается: «Если открытость стала требовать себе имени впервые именно в ту эпоху [XVIII в.], рискнем предположить, что эта сфера, по крайней мере в Германии, только тогда и появилась и заявила о себе; она специфически принадлежит так называемой «общественности», то есть определенному социуму, который в то время только формировался по своим собственным законам как пространство товарообмена и общественного труда. Однако речь про «открытое» и то, что не было еще открытым, а было «приватным» шла гораздо раньше»².

¹ Плаггенборг Ш. Указ. соч. С. 32.

² Габермас Ю. Структурні перетворення у сфері відкритості: дослідження категорії громадянське суспільство. Львів. 2000. С. 46.

По мнению Хабермаса, категорию приватного, отчужденную в римском праве, мы получили прямоком от греческих ойкодееспотов: «Под сенью его господства совершается воспроизводство жизни, труд рабов, служба женщин, рождение и смерть; царство необходимого и преходящего, поглощенное тенью сферы приватного»¹. Обратим внимание на то, что приватное «центрировано» на ойкосе, т.е. домохозяйстве. Противоположно приватному открытое существование, а в точном терминологическом смысле – политическое (*bios politikos*), ассоциировавшееся с царством свободы и неизменности: «Открытая жизнь (*bios politikos*) совершалась на рыночной площади, на агоре, однако к какому-то конкретному месту привязана не была: открытость творилась в языковой практике (*lexis*), которая могла приобретать форму совета и суда, точно так же, как и в общественной деятельности (*praxis*), будь то ведение войны или игры-соревнования»². И вновь обратим внимание на исконную связь сферы открытого, политического, публичного и таких занятий как суд, война и игра-состязание. Возникает вполне традиционная бинарная оппозиция, полюса которой обрастают коннотациями: приватное (дом, кормящий, дающий жизнь, населенный близкими) и публичное (рыночная площадь, политика, суд, война, агонизм). Пожалуй, больше никаких разъяснений по поводу сути приватного в тексте не найти.

Пройдет 20 лет, и Ю. Хабермас приступит к подготовке нового издания своей работы 1961 года. Полемизируя с новейшими концепциями естественного права и с шотландскими философами-моралистами, противопоставляющими гражданское общество (*civil society*) государственной власти или правительству (*government*) как приватную сферу в целом, он сделает существенную оговорку: «Согласно самоосознанию стратифицированного профессиональными слоями ранненовременного гражданского общества, сферу товарообмена и общественно-

¹ Хабермас Ю. Структурні перетворення у сфері відкритості: дослідження категорії громадянське суспільство. Львів. 2000. С. 46.

² Ю. Габермас. Указ. соч. С. 46.

го труда, а равно и освобожденный от производственных функций дом и семью, можно в «гражданском обществе» без оглядки на различия относить к сфере частного. И то, и другое структурировано в одинаковом смысле; положение и поле свободы действий частного собственника в производственном процессе создавало почву для личной автономии, которая в интимной сфере малой семьи словно бы приобретала свою психологическую изнанку»¹. Но при этом, дескать, не учитываются такие важные процессы, как урбанизация, бюрократизация управления, концентрация производства, а ведь это приводит к существенной реструктуризации отношения частной и публичной сферы.

Как говорится, имеющий уши, да слышит. Сказанного вполне достаточно, чтобы замкнуть концептуальный ряд: революция – становление частного бытования – контрреволюция, и завершить необходимое методологическое вступление. Та странная общественная форма, которая формировалась в СССР после 1917 года, основывалась на деприватизации сферы обмена товаров и общественного труда, на ликвидации частного собственника с его свободой действий. А, следовательно, она вышибала почву из-под ног частной автономии семейного быта. И делалось это вполне осознанно. Ведь предупреждал же В.В. Маяковский, – действительно «голос революции» – что «страшнее Врангеля обывательский быт», и настоятельно рекомендовал свернуть голову всем канарейкам, «чтобы коммунизм канарейками не был побит».

Но это ведь – про мещан, обывателей. Это не могло относиться к пролетариям. Пролетарий не мог погрязнуть в обывательском быте, он вообще не жил как мещанин (или помещик, мелкий хозяйчик, священник, буржуазный интеллигент). Выходит, он жил *никак*, т.е. в бараке. А тогда, возможно, попытка выпустить пролетария из барака может быть вполне сопоставима по последствиям с выпуском джинна из бутылки. Дальнейшее изложение представляет собой попытку хотя бы вкратце и пунктиром дать ответ на вопрос, как и почему это произошло в действительности.

¹ Габермас. Указ. соч. С. 20.

По ту сторону быта («Марш энтузиастов»)

11 апреля 1947 г. заведующий Военным отделом Молотовского горкома ВКП(б) Горбунов продиктовал директиву, разосланную трем адресатам – председателю молотовского Городского комитета физической культуры и спорта товарищу Мельницкому, председателю горсовета ОСОАВИАХИМА товарищу Давыдычеву и председателю Городского комитета Красного Креста товарищу Бальновой. Речь шла о приближающейся Первомайской демонстрации. Поименованным в директиве товарищам надлежало организовать общегородскую колонну «в составе физкультурников и оборонного актива города». Горбунов мыслил масштабно, и состав колонны определил не менее чем 1500 человек, педантично расписав их по категориям: легкоатлетов – 300, гимнастов – 300, футболистов – 150, медсестер – 150 и т.д.

Далее позволим себе процитировать источник:

«Оформление колонны рекомендуется произвести следующим образом:

1. Во главе колонны Знаменосцы количеством не менее 60–80 знамен Спортобществ, ОСОАВИАХИМА и Красного Креста.

2. Смонтированный на автомашине макет и пирамида гимнастов отображающая «Орден Победы».

3. Колонны легкоатлетов, гимнастов, футболистов, ручных игр, среди которых отобразить на лозунгах и плакатах рост физкультурного движения по тому или иному виду спорта, показать имена мастеров спорта и их рекорды, на автомашинах смонтировать показательные выступления в каждой колонне по каждому виду спорта.

На байдарках отобразить развитие водного спорта.

4. Форма одежды: по каждому виду спорта установить своеобразную форму, ни в коем случае не допуская в колоннах пестроты. Рекомендуем каждому участнику – майку и черные брюки или белую рубашку и белые брюки, на ногах обязательно туфли или ботинки, для девушек – белая блузка или майка и черная юбка, туфли и белые носки.

Для значкистов «Моряк» – белые рубашки с галстуками, черные брюки и туфли или ботинки, на голове только фуражка или кепка.

5. Все участники должны быть хорошо натренированы, петь песни и ходить строем, дружно отвечать на лозунги «УРА»¹.

Как видно из документа, Горбунов был не чужд эстетики. Вполне определенной, хорошо нам знакомой по сотням кадров кинохроники эстетики публичного действа: полторы тысячи пышущих здоровьем юных тел, упругих, как огурец с грядки. Сверкающие улыбки. Белый верх, темный низ. Все – обязательно! – в туфлях или ботинках. Реют знамена, на байдарках отражается развитие водного спорта. Идут в ногу, поют хором. Высятся пирамида гимнастов, и не наблюдается никакой пестроты. Полное единообразие, единодушие и полная деперсонификация. В колонне идут не люди, а символы. Полторы тысячи символов здоровья, молодости и силы, радости и победы, заботы партии и правительства. Точнее, мы сталкиваемся здесь с двумя слоями символизации. В атлетичном молодом и опрятном теле физкультурника обнаруживает свою истину дистрофичное, хилое, плохо вымытое (а часто просто – завшивленное²) тело обычного человека – это первый слой символизации. В другой перспективе то же самое тело физкультурника есть не истина, а эманация – здоровья, силы и чистоты Вождя (в действительности – старого и больного) и овеществленной в нем идеи. Именно в этом втором слое символизации и происходит расщепление и переворачивание обыденного опыта, который подсказывает, что обычный человек типичного провинциального индустриального центра, т.е. города Молотова, страдает недостатком телесной массы, одет в рванье и часто не имеет ни туфель, ни ботинок. Вот ему-то как раз и отказывают в праве быть поистине существующим. Истинной является то, на что указывает власть. В строках директивы Горбунова перед нами словно развернулось на миг типичное пространство публичной репрезентации.

Опережая читательское недоумение, следует отметить – да, в этом источнике не содержится ничего нового. Да, это образец типичного

¹ Исходящие письма по хозяйственным и бытовым вопросам Молотовского ГК ВКП(б). ПЕРМГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 314. Т. 1. Л. 223-223 об.

² «И совершенно недопустимое явление – это почти сплошная завшивленность учащихся» См. Справка о состоянии учебно-производственной и политико-воспитательной работы в Ремесленном училище № 3. ПЕРМГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 291. Л. 51-68.

«тоталитарного шика», и, конечно, всем известно, что подобные маскировки режиссировались заранее. Разумеется, все это бутафория и неправда, мифотворчество от начала и до конца. Все это так, и в то же время – не совсем так. Даже если допустить, что перед нами чистейшей воды симулякр, то он интересен нам именно в этом качестве.

Приглядевшись к нему, мы увидим, что он отформатирован по лекалам открытости (*bios politikos*), со всеми его характерными чертами. Прежде всего, он насквозь политизирован. Он проникнут духом борьбы и состязательностью – спортивной в нашем примере, но может быть – и борьбы с космополитизмом, или состязательностью социалистического соревнования. Это публичное пространство, помеченное признаками репрезентативной открытости (по терминологии Ю. Хабермаса), типичное для истории Европы эпохи Средних веков.

Но что подлежит репрезентации? Симулякр не отсылает ни к чему, он знак без означаемого, точная копия несуществующего предмета. В данном же случае означаемое есть¹. Здесь уместна аналогия с иконой, которая, в принципе, так же есть представление непредставимого. Но – и отсылка к некоей реальности, в своем бытии первенствующей и перед символом-иконой, и перед тем, кто на нее смотрит. Есть Он, – тот, чье незримое присутствие если не превращает происходящее в правду, то о-правдывает его. И поскольку это так, то перед нами мистерия власти Вождя – И.В. Сталина.

Именно так – через миф и в мифе создается пространство публичной репрезентации, без которого этот тип социальной системы не может существовать. Но миф, если это конечно настоящий миф, никогда не удваивает реальность. Следовательно, у публичного пространства в его советском варианте не могло быть никакой изнанки, что предполагало бы наличие неких пограничных столбов, за которыми оно заканчивалось. И этот вывод так же внутренне безукоризненно последователен, как и утверждение средневековых схоластов о том, что зла нет, поскольку его не творил бог. Хотя, возможно, он вызывает столько

¹ См. Кимерлинг А.С. Бог, хозяин и герой. Природа сталинской презентации // РЕТРОспектива. Пермский историко-архивный журнал. 2007. № 1.

же возражений. Можно указать на то, например, что даже советский человек не может все время маршировать на параде, выполнять и переполнять производственные планы, штудировать «Краткий курс» и т.п. Когда-то же он должен жить другой, настоящей жизнью?

Если допустить, что выше нам явлена только одна, блестящая и показная сторона медали, то можно было бы предположить, что есть и другая, потаенная и грязная. Но в данном случае логика сбоит. Оборота у этой медали нет, и это действительно так – аверс без реверса. Перед нами этакая социокультурная лента Мёбиуса.

Нам неизвестно, например, принимала ли участие в Первомайской демонстрации 1947 г. семья военнослужащего Коротаева. Очень возможно, что принимала. Но вот вернуться домой, запереть за собой дверь, собраться за столом, выпить водочки в честь пролетарского праздника, ругнуть начальство и самого Усатого она не могла. Потому что жила в уборной. Это не метафора, а документально зафиксированный факт «...семья военнослужащего Коротаева проживает по улице Ленина 33 кв. 4. в комнате 4 кв. метра, сделанной из уборной»¹. Ходили по инстанциям, добрались до председателя Горисполкома. А когда жалоба вернулась обратно в райжилуправление, то его начальник т. Шапкин наложил резолюцию: «Выяснить, сколько времени живет в уборной и почему она согласилась в нее пойти»².

То же самое можно было бы сказать и про жителей бараков, принадлежавших, например, заводу им. Сталина, в особенности про т. Шилова, который жил даже не в комнате, а каким-то непонятным образом в кухне³. А куда было возвращаться из публичного пространства репрезентации власти обитателям общежития ремесленного училища № 3? «В группе девушек № 24 в комнате грязно и холодно, девушки сидят одетыми в фуфайках, умываются редко, так как часто воды не бывает, да и умывальник только с одним соском на всю комнату»⁴.

¹ Докладные, справки к протоколам бюро горкома ВКП(б). ПЕРМГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 291. Л. 6

² Докладные, справки к протоколам бюро горкома ВКП(б). ПЕРМГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 291. Л. 6

³ Докладные, справки к протоколам бюро горкома КПСС. ПЕРМГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 679. Л. 45

⁴ Докладные, справки к протоколам бюро горкома ВКП(б). ПЕРМГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 291. Л. 63.

Основным местом проживания рядового пермяка еще в первой половине 50-х годов продолжал оставаться барак каркасно-засыпного типа – одноэтажный, или двухэтажный из бруса (рис. 1), возведенный 15–20 лет назад и пришедший в полную негодность. Были и более экзотические места проживания – переоборудованные под жилье вагоны на ст. Пролетарская и Заостровка или осушенные брандвахты в порту Пермь. О степени благоустроенности подобного жилья свидетельствуют данные по одному из центральных районов города – Ленинскому: «Жилой площади местных Советов 397 000 м². В том числе: используется под жилье 230 000 м², с числом проживающих около 40 тыс. чел. Из 230 тыс. м² – имеющей водопровод – 28,0%, канализацию – 24,8%, центральное отопление – 4,8%, газифицированной – 7,3%»¹.

В этих цифрах легко прочитываются «удобства во дворе», вода из колонок или колодцев, коптящие печи, дровяники (рис. 2) и поход в баню раз в неделю – в лучшем случае. И постоянные монотонные усилия, поглощающие практически все время, которое рабочий проводил за пределами завода. И немыслимая ныне скученность и коммунальность быта. Сейчас трудно точно воспроизвести хабитуальности барачного образа жизни, но по целому ряду признаков она воспроизводила черты все того же публичного пространства репрезентативной открытости.

Прежде всего потому, что в пространстве индустриального гетто укрыться и затеряться пожалуй даже труднее, чем в колонне демонстрантов. Всякое сказанное слово услышат, всякий жест – увидят, что предоставляет безграничные возможности для политизации этого пространства и держит его обитателей в постоянно отмобилизованном состоянии. Неровен час, выяснится, что сосед по комнате – резидент финской разведки, а ворчание на начальство в его компании – диверсионно-террористическая деятельность².

Помимо этого, пространство барака, как представляется, тоже имеет отношение к символам и знакам, и (хоть и достаточно парадоксаль-

¹ Справка о состоянии эксплуатации, содержании и ремонте жилого фонда в городе и о ликвидации аварийного жилья. ПЕРМГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 687. Л. 191.

² Казус А. Кривошеина, произошедший в г. Молотове в 1942 году.

ным образом) встроено в отправление мистерии власти. Прежде всего, он обладает именно знаковой т.е. производной реальностью в контексте идеологического дискурса, поскольку не может быть причислен к бытию («бог не творил зла»). В печальных обстоятельствах жизни обитателя барака столь же мало реальности, сколь мало ее в его рахитичном теле. Истиной барака являлась, конечно, каменная «сталинка», или роскошные апартаменты, в которые въезжала простая ткачиха, героиня фильма «Светлый путь».

Однако, соотношение барака и «сталинки» как знака и обозначаемого весьма двусмысленно. В данном случае в прямой перспективе знак отсылает к обозначаемому как к реальности лучшей доли, тождеству сущего и должного, косвенно намекая при этом на некую сотериологию, т.к. без Спасителя, инстанции последней иррациональной надежды туда не попасть. В возвратной перспективе барак через «сталинку» свидетельствует о себе как о не-должном и не-сущем, т.е. как о некотором отклонении, или искривлении, недостатке. Эта возвратная перспектива позволяет указать на еще один дискурсивно-практический узел, весьма существенный для дальнейшего изложения. Она позволяет ввести нового персонажа, а именно – начальника в самом широком смысле этого слова, который как раз и являлся обитателем каменных номенклатурных построек.

В интересующем нас аспекте начальник позднесталинской эпохи – публичная фигура, агент властного дискурса и властных практик, направленных на создание гомогенного публичного пространства репрезентативной открытости. Как мы пытались показать ранее, это стремление приводило к игнорированию или дисквалификации определенных аспектов повседневности. В результате сфера автономного приватного существования оказывалась заключенной в контур тройного вытеснения (пожалуй, настоящего фрейдистского вытеснения).

Она не могла быть предметом официального дискурса, т.к. представляла контрверзу единства, коммунальности, публичности. Она не вписывалась в реальные хозяйственные практики, которые только и

могли, что обеспечить скудное, трудное и беспросветное барачное бытие (но эта тема тоже была строго табуирована). И, наконец, о самой этой скудости и убогости опубличенного повседневного существования, которое навязчиво лезло в глаза, говорить было тоже нельзя, а вот поддерживать его (на минимально допустимом уровне) агентам власти было вменено в обязанность.

Все это приводило к тому, что любой начальник превращался в фигуру совершенно невротическую, становясь заложником той личности, которую сам и воспроизводил. Прежде всего, он должен был строго придерживаться фигур публичного политизированного дискурса социального здоровья и процветания, воспроизводя нормативный тезаурус, заданный самим Иосифом Виссарионовичем. Но помимо этого, он должен был обеспечить выполнение столь же императивно установленных хозяйственных планов, манипулируя жестко лимитированными ресурсами. Все три параметра были заданы сверху, и притом так, что расхождение между дискурсивными практиками и реальной деятельностью агента власти было неизбежно.

Если до 1957 года в Перми вводилось в строй 95 тыс. квадратных метров жилья ежегодно (при ежегодном приросте населения города на 12 тыс. человек), да притом среди них сплошь и рядом обнаруживалась «...не вновь выстроенный дом, а конюшня конного парка, приспособленная под жилье»¹, то именно местное начальство должно было нести за это ответственность. И, возможно, пасть жертвой репрессии, осуществляемой властью «по просьбам трудящихся». Подобные расправы над начальниками, поддерживающие сталинский миф, практиковались с завидной регулярностью. Особенно эффектны они были в том случае, если агент власти попадался на попытке обустройства того самого втройне табуированного приватного пространства. Но в один прекрасный момент все переменялось.

¹ Справка о работе строительного треста № 12 Министерства Авиационной Промышленности. ПЕРМГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 159. Л. 247.

Капитуляция 1956-го («Выше стропила, плотники!»)

Это был акт о безоговорочной капитуляции, значение которого трудно переоценить. Он оказался замаскирован под заурядное предисловие к сборнику под названием «Домашнее хозяйство», изданному тиражом 100000 экземпляров Пермским книжным издательством в 1961 году (рис. 3). Позволим себе воспроизвести его почти полностью:

«Задумывались ли вы над тем, как распределяется ваше время в течение жизни?

А вопрос этот очень интересный...

Статистики подсчитали, что если человек прожил 70 лет, то он 23 года спал, 6 лет потратил на еду, полтора года умывался и т.д.

Большие половины своей жизни человек проводит дома.

Государство глубоко заинтересовано в том, чтобы каждая советская семья правильно вела домашнее хозяйство. В нашей стране все больше производится материальных благ – продуктов питания, одежды, предметов обихода. Нужно уметь правильно, экономно использовать созданные ценности.

Экономично вести домашнее хозяйство – это значит сберечь государству огромное количество материальных ценностей: зерна, тканей, различных металлов и т.д. А это возможно только в том случае, если человек хорошо разбирается в разнообразных вопросах домашнего хозяйства, правильно, с наименьшей затратой времени, сил, *денежных средств* ведет его.

Настоящая книга представляет собой третье, переработанное и дополненное издание сборника. Первое издание его вышло в *1956 году...*» (выделено нами – А.К.)

Совершенно очевидно, что перед нами текст, знаменующий смену дискурсивных формаций и прямо называющий ее дату. То, что он появился в обычно всегда чуть более робком, чем столичные, провинциальном издательстве говорит о многом. Прежде всего, мы обнаруживаем в нем признание важности сферы приватной автономии. Оказывается, более половины жизни человек проводит вне сферы публичной репрезентации власти – *у себя дома*. Остается только предположить,

что к 1956 году эта идея обрела полную легитимность в общественном сознании. Второе, что замечаешь немедленно – дискурс изобилия, в предшествующие годы стабильно циркулировавший в публичном пространстве, несмотря на вопиющее несоответствие реальности, сменяется дискурсом бережливости и экономии. Более того – что совершенно неслыханно – денежного расчета!

Все это вместе взятое можно рассматривать как индикатор уже произошедшего фундаментального переворота: власть отказалась от проекта создания однородного социального пространства, в каждой точке которого она могла бы без помех и ограничений выполнять свою публичную репрезентацию. Это, без сомнения, капитуляция. Но чем она была вызвана?

Разумеется, непосредственной действующей причиной этого поворота явилась смерть Сталина, но его быстрота свидетельствует о том, что к этому моменту созрели все его предпосылки. К ним, по нашему мнению, можно отнести, во-первых, последствия тех принципиальных решений, которые обусловили специфическую форму сталинской индустриализации. Во-вторых, особенности политической конъюнктуры, которую нужно, в-третьих, рассматривать непременно в контексте конкретного социального опыта высшего и среднего звена номенклатуры. Ну и, разумеется, нужно учитывать международный контекст.

К началу 50-х годов XX века индустриальная база, заложенная в годы первых пятилеток, успела изрядно обветшать, особенно если учесть ту колоссальную нагрузку, которая свалилась на нее в годы войны. Между тем, потребность в дальнейшем наращивании индустриальной мощи, особенно в обстановке холодной войны, ощущалась очень остро. Сделать это таким же способом, как в начале 30-х годов было невозможно, потому что все ресурсы деревни, которые можно было от мобилизовать, уже были пущены в ход. Дальнейшая индустриализация могла совершаться только на основе уже имеющегося оборудования. В этой ситуации неизбежно возрастало значение качества рабочей силы, особенно с учетом человеческих потерь во второй мировой войне. Один из лучших способов задержать на заводе квалифицированную

рабочую силу – предоставить отдельное жилье, т.е. нечто, превышающее уровень бараков или финских щитовых домиков. Первые распоряжения министерств подведомственным предприятиям, предписывающие строить индивидуальное жилье «в целях закрепления кадров» появляются еще в конце 40-х годов, но цели своей не достигают¹. И это понятно – в деприватизированной экономике СССР тех лет принятие подобных решений неизбежно приобретало черты политического решения, а любые политические решения являлись монополией Сталина, которую он тщательно охранял.

После его смерти ситуация изменилась, поскольку началась борьба между возможными преемниками. В этой «войне диадочов» каждый из них понимал, что тот, кто монополизировал политический дискурс, будет иметь очень реальные шансы расправиться с теми, кто будет из него исключен – об этом свидетельствовал весь их прежний опыт. Но не нужно забывать, что существенным элементом номенклатурного опыта является буквально вбитое в мозжечок правило выживания: не лезь в политику, занимайся хозяйством. Политические инициативы могли исходить только от Хозяина.

Возьмем, для примера, такой политически насыщенный послевоенный год, каким был 1946-й, и попытаемся установить соотношение политических и хозяйственных вопросов, решаемых на бюро горкома ВКП(б) крупного индустриального центра (но не столичного города типа Москвы, Киева, Ленинграда). Город Молотов как раз и соответствует этим требованиям. В описи бумаг соответствующего дела мы обнаружим 75 документов. Из них прямо и непосредственно к сфере публичной репрезентации режима относятся 2 справки и 2 докладные записки². Все остальное – хозяйственные и бытовые вопросы. Конечно, подобный ме-

¹ См. Справка о ходе строительства индивидуальных домов на заводе им. Сталина. ПЕРМГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 291. Л. 361.

² См. ПЕРМГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 159. Найдено: «Докладная записка о состоянии массово-политической работы с населением Кировского района», «Справка о мерах улучшения массово-политической работы в г. Молотове», «Докладная записка о состоянии пропаганды 5-го пятилетнего плана на 1946-50 гг. в парторганизации завода № 3», «Справка о состоянии массово-политической работы среди населения по Кировскому району».

тод оценки трудно признать абсолютно надежным, но кое-что он поясняет. Хабитус рядового номенклатурного работника – это хабитус хозяйственника или сотрудника отдела кадров *par excellence*.

Поэтому, отвечая на вопрос о том, почему произошла та трансформация власти, которая привела к легитимации приватной автономии (пусть и не на основе частной собственности, а лишь в интимной сфере домашнего семейного быта), можно сказать, что:

а) существовала настоятельная необходимость стабилизации кадрового состава промышленных предприятий, располагавшихся в старых и новых индустриальных центрах;

б) политическое аутсайдерство ближайшего окружения Сталина и нижестоящей номенклатуры привело к тому, что они хоть как-то понимали проблемы хозяйства и отчасти поднаторели в их решении.

Именно в этой обстановке и было принято политическое решение, приведшее впоследствии к развертыванию первоначально деполитизированного приватного социального пространства. Речь идет о совместном постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по дальнейшей индустриализации, улучшению качества и снижению стоимости строительства» от 23 августа 1955 года. Оно не особенно содержательно, из него ясно только, что с 1956 года вновь строящиеся дома будут типовыми, экономичными и лишенными архитектурных излишеств, а возводиться они будут массово. Гораздо более содержательным является следующее постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР» от 31 июля 1957 года. В нем, например, указывалось (пожалуй, впервые): «29. Начиная с 1958 г. в жилых домах, строящихся как в городах, так и в сельской местности, предусматривать экономичные благоустроенные квартиры для заселения одной семьей. Строительство жилых домов осуществлять по типовым проектам.

Поручить Госстрою СССР на основе новых экономичных типовых проектов жилых и гражданских зданий утвердить новые нормы проектирования этих зданий, в том числе высоты помещений.

30. Поручить исполкомам местных Советов депутатов трудящихся и совнархозам:

устанавливать наиболее целесообразную этажность строящихся по государственному плану жилых домов на основе технико-экономических расчетов, принимая для застройки городов в основном жилые дома высотой в 4–5 этажей, а для небольших городов и поселков – преимущественно домам в 2 и 3 этажа;

... организовать в необходимом количестве изготовление малогабаритной мебели и встроенного кухонного оборудования для квартир нового типа»¹.

Но, пожалуй, главное, что можно обнаружить в этом постановлении – это указание истоков финансирования «строительного бума» и «потребительской революции» в СССР. Ларчик, как всегда, открывается просто: у рабочих и служащих, начиная с 1958 года, перестали принудительно изымать излишки денег в виде государственных займов – это раз (в перспективе, конечно, это неизбежно вызвало бы либо инфляцию, либо дефицит, либо и то, и другое). Допускалось, что если жилищное строительство осуществляется непосредственно с трудовым участием рабочих и служащих предприятия или организации, в него можно по согласованию с профсоюзом вкладывать до 70% средств из фонда предприятия, фонда директора (начальника), фонда ширпотреба, премий – это два. Направлять на эти же цели до 30% сверхплановой прибыли – это три. Увеличили государственные ассигнования на жилищное строительство – четыре.

И этого оказалось вполне достаточно. Если еще в 1954 г. в Перми вводилось около 90 тыс. квадратных метров жилья, то в 1958 году темпы площадь вводимого жилья возросла более чем втрое, до 286400 квадратных метров (их распределение по районам и предприятиям см. в таблице 1), и в дальнейшем колебалось где-то на этой отметке.

¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5-ти т. 1917-1967 гг. Сборник документов за 50 лет. М., Политиздат. 1968. Т. 4. 1953-1961 гг. С. 368.

**Справка о выполнении социалистических обязательств на 1958 г.
по жилищному строительству¹**

№ п.п.	Район, предприятие	Годовые обязательства (м²)				Сдано за 8 месяцев (м²)				Всего подд­жит сдаче в 1958 году
		Всего	В том числе			Всего	В том числе			
			Подряд и хоз. спо-соб	Метод на-родной стройки	Индивид. строит-во		Подряд и хоз. способ	Метод на-родной стройки	Индивид. строит-во	
1	Сталинский район	73000	37000	20000	16000	12675	5658	400	6617	75639
2	З-д им. Сталина	34000	10000	14000	10000	4375	-	-	4375	
3	З-д им. Калинина	9500	4000	3500	2000	120	-	-	120	
4	Велозавод	5990	2900	1590	1500	794	246	-	548	
5	Дзержинский район	81300	54800	12000	14500	32161	24769	2340	5052	74841
6	З-д им. Дзержинского	8700	1200	2500	5000	1080	-	280	800	
7	Отделение дороги	16200	10300	2900	3000	7613	5852	1661	100	
8	З-д «Коммунар»	800	400	400	-	-	-	-	-	
9	Ленинский район	29100	22630	1670	4810	4655	2834	398	1423	25578
10	Порт Пермь	2223	398	1375	-	-	-	-	-	

¹ Справка о выполнении социалистических обязательств на 1958 г. по жилищному строительству. ПЕРМГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 679. Л. 133.

Продолжение табл. 1

№ пп.	Район, предприятие	Годовые обязательства (м²)				Сдано за 8 месяцев (м²)				Всего подлежат сдаче в 1958 году
		Всего	В том числе		Индивид. строит-во	Всего	В том числе		Индивид. строит-во	
			Подряд и хоз. способ	Метод народной стройки			Подряд и хоз. способ	Метод народной стройки		
11	Мотвилехин. район	33000	15600	7200	10200	10937	930	160	9847	30543
12	З-д им. Ленина	24500	10000	6500	8000	6713	-	-	6713	
13	Кировский район	45000	25750	12700	6550	18962	8781	4373	5800	41310
14	З-д им. Кирова	12750	5400	5750	1600	5335	-	4113	1222	
15	Судозавод	5320	2330	1940	1050	1936	1324	-	612	
16	З-д «Памяти Дзержинск»	3790	2500	-	1290	1450	550	-	900	
17	З-д № 103	3470	2820	250	400	1906	1644	-	262	
18	Орджоникид. район	25000	14200	4800	6000	11900	7883	400	110	24635
19	З-д Орджоникид.	6500	4300	1600	600	1244	734	400	110	
20	Домостроит. комбинат	3720	1220	1600	900	334	-	274	60	
21	Заозерск РЭБ	2590	1690	-	900	315	275	-	40	
Всего по городу		286400	169980	58370	58050	91290	5085	8345	32090	272546

В 1958 году застройка велась преимущественно двухэтажными 16-квартирными домами, но к 1963 году ситуация поменялась (см. таблицу 2). Преобладающей стала пятиэтажная застройка, т.е. классическая «хрущевка». Ее появление вызвало настоящий культурный шок. О его силе свидетельствуют хотя бы те мифы, которыми окутано происхождение «хрущевок». Быгует версия о том, что во время визита во Францию Н.С. Хрущев был так впечатлен дешевым социальным жильем – отдаленным потомством Марсельского блока гениального Ле Корбюзье, – что сразу приказал закупить целый домостроительный комбинат. Впрочем, подобную историю рассказывают и про Англию, и про Бельгию.

Таблица 2

Этажность введенных в эксплуатацию в Перми жилых зданий¹

	1956	1958	1963
Одноэтажные	17	15	-
Двухэтажные	81	181	5
Трехэтажные	19	31	9
Четырехэтажные	2	20	13
Пятиэтажные	12	24	158
Итого	131	294	185

В действительности все гораздо прозаичнее: «Первую серию «хрущевок» спроектировал эстонский архитектор Март Порт. Согласно предложенному им плану, площадь однокомнатной квартиры составила 16 квадратных метров, двухкомнатной – 22 квадратных метра, трехкомнатной – 30 квадратных метров. В каждой квартире должны были присутствовать кладовая или встроенный шкаф, кухня площадью не менее 4,5 квадратных метров и совмещенный санузел.

¹ Таблица представлена на основе данных:

См.: Материалы по жилищному и социально-бытовому строительству г. Молотова за 1954-1956 гг. //ГАПК. Ф. р-1043. Оп.1.Д.62. Л. 49.

ГАПК. Ф. р-1043. Оп.1.Д.194. Л. 3

См.: Отчет о жилищном и гражданском строительстве по г. Перми за 1963 г. // ГАПК. Ф. р-1043. Оп.1.Д.1102. Л 10

Строительство пятиэтажек началось в 1956 году. Тогда появилась самая массовая домостроительная серия – 1–507. К ней относится каждая четвертая "хрущевка" в крупных российских городах»¹.

Правда, кроме денег нужны были стройматериалы, столярные изделия, сантехника и.п. И здесь инициатива граждан не знала пределов. Вот как обстояли дела в Кировском районе г. Перми: «Для координации действий промышленных предприятий и строительных организаций и оказания конкретной помощи строителям в изыскании местных материалов по предложению коммунистов в районе был создан районный Совет содействия жилищному строительству. ...Уменьшен диаметр колес у вагонеток, закатываемых с кирпичом-сырцом в автоклавы, и за счет этого дополнительно стали укладывать на каждую из них 150 кирпичей, обрезали у вагонеток кромки площадок, уместив в автоклав еще одну вагонетку. Это увеличило пропускную способность автоклава на одну тысячу штук кирпичей. ...В итоге, по существу на тех же производственных мощностях завод выпустил около 36 млн. штук кирпича, или в 2 раза больше, чем в 1957»².

Перед приемкой домов государственной комиссией, у застройщиков иногда сдавали нервы. Вздуроченные слухами о том, что причитающиеся им квартиры будут переданы в фонд райисполкома местного совета, они самовольно захватывали несданный дом³. Но как бы там ни было, законно или незаконно, в хорошо или не очень построенные квартиры стали вселяться сначала десятки, потом сотни, и, наконец, тысячи пермских семей. Подавляющее большинство новоселов 50-х – начала 70-х годов XX века получало отдельное, современное благоустроенное жилье впервые. Обживаясь в нем, они, фактически, с чистого листа выстраивали пространство приватной автономии. Заново становились горожанами.

¹ Любарская Е. Столичное жилье на пороге революции // <http://www.lavestnik.com>

² Справка о работе Кировского райкома партии по повышению роли коммунистов в борьбе за претворение в жизнь решений XXI съезда КПСС. ПЕРМГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 683. Л. 61–62.

³ Подобный казус зафиксирован на Гайве в 1961 году.

Освоение приватного пространства (Соло на ложках с позолоченными черпачками)

Переезд в новую квартиру мог выглядеть по-разному. Для кого-то он означал перемещение из статусного пространства в новое, где статусы и роли приходилось определять заново, приобретая новый социальный опыт: «Четко стали определять – свой круг или не свой. А в поселке этого не было, те кто жил в соседних домах всегда был «свой круг», по умолчанию. А тут уже, в общем нет. Первоначально соседи – это офицеры, оставшиеся – отставшие от части, дезертировавшие из нее разными способами, потом они сменились. И вот с новыми соседями лет через пять через шесть отношения стали совершенно сельскими – соль, сахар, рупь. Три рубля до получки»¹.

Могло быть и по-другому, если дом заселялся людьми, работавшими на одном предприятии, а то и жившими ранее в одном бараке. Тогда переезд поначалу не разрывал прежних отношений, сохранявших оттенок коммунальности, но не принудительной, а необременительно-приятной, и до сих пор вызывающей теплое ностальгическое чувство: «Кстати, зашторивать окна было не принято – видимо люди привыкли жить какими-то общинами, так что это было совершенно спокойно, можно было в доме напротив разглядывать женщин в лифчиках, которые точно также мыли окна, мужей, выпивающих на подоконниках и закусывающих луком – и эти картинки настолько живые. Пресекались преступления, драки. Иногда соседи выбегали на балкон – они тоже наблюдали, и начинали обсуждать происходящее: «Как тебе не стыдно, ты же мужика-то пришибешь!»².

Но победила все-таки тенденция к стиранию прежних статусов, которые в прежнем публичном пространстве были вполне традиционному приписанными.

¹ Из авторизованного интервью с Л-м О.Л., записано 09.05.2007 //Личный архив автора.

² Из авторизованного интервью с Б-й. Е.Р., записано 12.06. 2007 // Личный архив автора.

Вместе с людьми переезжали вещи, приобретать новые сразу было далеко не всем под силу. Люди, имевшие крепкие крестьянские корни, не выбрасывали ничего. Вещей было обычно не много: очень часто просто «диван и радио».

В новую квартиру обычно вселялось от 3 до 5 человек (в двухкомнатную), как правило – семейная пара с одним или двумя детьми, и кто-то из старших родственников – дедушка, бабушка, т.е. почти классическая нуклеарная семья. Обычно, если условия позволяли, супруги выделяли себе одну из комнат, обозначая тем самым внутри приватного пространство личное, интимное. При этом дедушка (бабушка) поселялись с сыном (дочкой). О. Л-ч вспоминал, что поскольку на момент переезда ему уже исполнилось 14 лет, то его отселили в чулан без окон.

Кухня. Не смотря на то, что новые квартиры обставлялись с бору по сосенке, что-то в них было почти тождественным, например кухня: «Во-первых, конторка. Это называлось конторка. Откуда она взялась я не знаю. Две дверки внизу и ящичек сверху. Они были у всех, эти конторки. У мужа в Березниках она тоже была – ей еще углы опилили, чтоб он не снес их головой. Сверху она покрывалась красно-синей клееночкой. И мы все вчетвером – папа, мама, бабушка и я за ней обедали. Был холодильник «Бирюса» – его выиграла в лотерею. Плита была газовая на четырех ножках с чугунным верхом, что было просто супер – не гнулась, как эмалированная панель. Холодильник появился в 70-х. Эмалированная раковина без тумбочки, на кронштейнах. Фартучек на стене, из него кран торчал, с холодной, конечно, водой. Кран был наращен резиновым патрубком, чтоб не брызгал. И сколько я обошла квартир, у своих друзей – у всех был буфет с откидной дверкой. У всех одинаковые, голубенького цвета. Но у нас были стекла в клеточку»¹.

Гостиная. Поначалу могла оформляться чем попало: «А бабушкина сестра со свалки притащила книжный шкаф. Двустворчатый, цельного дерева, не фанерный. Покрытый светлым шпоном «под орех». Дверцы

¹ Из авторизованного интервью с Б-й. Е.Р., записано 12.06. 2007 // Личный архив автора.

шкафа были со стеклами, которые изнутри затягивались шторочками. Потому что на самом деле там хранились книги, посуда и белье одновременно»¹. Но потом обычно переоформлялась в соответствии с модными тенденциями, превращаясь в выставку достижений домашнего хозяйства, выражение стилевых предпочтений хозяев, *моды*.

Вообще понятие моды и стиля всегда было одним из конститутивных признаков приватного пространства. Мода 60-х интересна тем, что не имеет преемственности с мещанским стилем, по преимуществу канувшим в небытие еще в годы гражданской войны. Скорее в оформлении «хрущевки» можно было обнаружить некоторые черты сельского быта: «Были домотканые половики. Причем изготовления половика – целая история. Бабушка резала по сантиметру всякую ветошь лесенкой, не дорезая до конца, свивала веретеном, скатывала в клубки. А летом она ехала к своей сватье на дачу, мы ходили за несколько километров в деревню, там она это все сновала, а потом на сохранившихся в деревне станках она сама это ткала. Получались огромные рулоны, которые потом резали по длине комнаты, обшивали концы тряпочкой»².

А новое, собственно городское и индустриальное приходило из разных источников. Во-первых, из уже упомянутых ранее книг нового жанра – «Полезных советов» различного рода, выступавших в 60-е годы своего рода энциклопедиями повседневности. И точно так же, как столичный стиль Москвы транслировался на провинциальную периферию (ср. издания на рис. 3), сама столица приобретала черты европейской периферии. Но не возбранялись и прямые заимствования: «Выглядеть в каком-нибудь фильме фасончик, запомнить его. Потом бабушка на старой простынке складывала его так, как я сказала – и драпировочки, и складочки затейливые, и шила»³.

¹ Из авторизованного интервью с Б.-й. Е.Р., записано 12.06. 2007 // Личный архив автора.

² Там же.

³ Там же.

Особую роль играли *гостевые визиты*, особенно к тем, кто стал «горожанином» раньше: «Но дело в том, что поскольку мы переехали из деревни, то многих вещей, которые были у моих одноклассников, у меня не было. У одной моей тогдашней приятельниц был телевизор с фильтрами – я такого ни до, ни после не видел. Обычный телевизор, по-моему, тоже «Рекорд», к которому были приделаны две направляющие. Туда вставлялись разноцветные фильтры. Вставишь один фильтр – все в розовом, вставишь другой – в зеленом. Мне казалось, что иметь дома такую роскошь просто невозможно. У нее, кстати, еще был магнитофон «Дніпро». Об этом можно было только мечтать. Мечтать-то мечтать, но и у нас через четыре года появилась магнитофонная приставка. Ее присоединяли к этому самому проигрывателю»¹.

Желание «соответствовать» создавало напряженность семейных бюджетов и развивало невиданную ранее мобильность, заставляя осваивать новые потребительские стратегии, связанные с добыванием престижных и дефицитных вещей, завязывать новые знакомства, полезные связи: «Значит, у мамы была подруга, ой, всех выдам, всех заложу, которая работала в Облпотребсоюзе. Облпотребсоюз объединял те самые отдаленные совхозы и т.п. И они ежегодно устраивали ярмарку. И все, что они не могли реализовать у себя, они привозили на эту ярмарку. Ее проводили на речном вокзале. Это было несколько этажей дефицита. И прежде чем открывать эту ярмарку, в «неприемное» время, пока еще товар не был распакован, приходили люди, у которых был блат. И из-под полы покупалось все, и вот сколько у тебя было денег – все ты мог там оставить. Там были КРОЛИКОВЫЕ ШАПКИ, позже – бобровые шапки, у папы до сих пор где-то лежит. Там были ложечки с позолоченными черпачками, книги. У нас библиотека наполовину составлена из тех книг, которые покупались на этой ярмарке. Ну и, разумеется, хрусталь»².

¹ Из авторизованного интервью с Л-м О.Л., записано 09.05.2007 // Личный архив автора.

² Из авторизованного интервью с Б-й. Е.Р., записано 12.06. 2007 // Личный архив автора.

Деньги играли в жизни обитателя частного пространства все большую роль, заставляя рассматривать работу, составлявшую ранее центр всей жизни лишь как средство их добыwania. Точно в той же пропорции изменялось символическая ценность *времени*, заставляя все больше ценить досуг, который а) только в это время и появляется и б) становится все более разнообразным. Так, например, все опрошенные женщины вспоминали об огромном количестве кружков и секций, которые они посещали. Приобретенные там умения становились поводом для новых частных коммуникаций: «Мама приходила с работы, мыла полы, окна, а потом садилась и за ночь вязала шапку, она называлась «чалма» – это было очень модно. Она могла за ночь связать чалму. И утром она уносила на заказ связанную шапку»¹.

И, наконец, нельзя не упомянуть *вторичное освоение публичного пространства*, но уже в ипостаси культурного потребителя, добровольно покидающего пределы своей частной сферы. Мы имеем в виду походы в кино, театр, кафе, рестораны и т.п. Становление этой типично городской хабитуальности можно воспринимать как окончательную демаркацию сфер интимно-частного и публичного. А своеобразным перевертышем этого процесса является вторжение публичности в частную сферу но уже в контролируемом, дозируемом виде изображения на экране телевизора.

Потребительские аппетиты быстро росли. Рассмотрим часть списка вопросов, адресованных XXII съезду КПСС рабочими коллективами:

«Имеют место факты перебоев в торговле хлебом (на ряде собраний во всех районах).

Почему нет в продаже риса?

Когда в магазинах появится рыба?

Необходимо упорядочить торговлю стиральными машинами и холодильниками?

¹ Из авторизованного интервью с Б.-й. Е.Р., записано 12.06. 2007 // Личный архив автора.

В продаже нет детского трикотажа, мужских носок, осенней обуви. Совершенно нет утюгов.

Почему в обкоме КПСС и совнархозе существуют закрытые продуктовые магазины?...»¹

Как видим, наряду с насущным – хлебом, рисом, рыбой – трудящиеся активно интересуются стиральными машинами, холодильниками, утюгами. Но наибольший интерес представляет последний вопрос, поскольку позволяет приоткрыть перспективу. В нем мы можем усмотреть некую потребительскую ревность и указание на незаконность, нелегитимность статусного потребления при формальном равенстве статусов, которое к тому же опиралось теперь на реальную общность образа жизни горожанина. Но у этой претензии нет основания, т.к. ее автор не является автономным частным собственником-товаровладельцем. Зато он очень напоминает клиента социального государства, чей статус зависит только от того, как именно он сам его определит в качестве субъекта демократического процесса... Борьба за демократию, подпитываемая чувством потребительской ущемленности – вот довольно близкая перспектива человека, впервые обретшего приватное пространство в период массового жилищного строительства в СССР. Но предполагали ли возможность подобного исхода его инициаторы? И виноват ли в этом Ле Корбюзье?

¹ ПЕРМГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 687. Л. 203-208.

ГОРОДСКИЕ КЛОУНЫ, ИЛИ СТИЛЬНОСТЬ ПО-СОВЕТСКИ

А. Кимерлинг

Начнем с рассказа, записанного три года назад: «С 57-го года стали носить узкие брючки. Короткие. Ходили обязательно в ботинках желтого или светлокоричневого цвета, на больших платформах. Вот у меня был дружок, у него была возможность покупать двое ботинок. Подошву у одних ботинок он отклеивал и приклеивал к другим. А мы, кто победней был, приколачивали что-то другое. И обязательно расписные рубахи навывпуск. Были даже такие, которые покупали рубашки, дальше их простирывали в чем-то, чтоб были как-то не ярко выражены цвета, и дорисовывали рисунки сами. Был знакомый, который расписывал в церкви иконы. Он расписывал свою рубаху так, что когда он шел по улице, старухи крестились. А вся молодежь, открыв рот, вслед ему смотрела. Он действительно делал из своих рубах произведения искусства»¹.

На первый взгляд, в этом бесхитростном повествовании можно обнаружить лишь простейшую иллюстрацию к учебному пособию по социологии моды. Здесь все на месте. Эталон, неназванный и недоступный, но от того не менее реальный, поскольку служит источником для копирования. Референтная группа, с которой соотносится индивидуализированное поведение, точнее, тот круг людей, с которым наш рассказчик постоянно обменивается значимой информацией. На него

¹ В статье используются материалы пяти интервью, которые были записаны в 2002 и 2006 гг. Часть интервью появились в результате научно-исследовательской работы, проводившейся совместно с моей ученицей Марией Семеновой. Цитаты не редактируются.

же он и ориентируется, подбирая для себя соответствующую одежду. Предъявлена и процедура презентации.

Все так, однако, есть в этом тексте что-то, выводящее его за пределы модного дискурса. Во-первых, кустарная техника копирования эталонных образцов одежды и обуви. Тогда такой способ производства называли «самопальным», а сами изделия – «самопалами». Для XX века – явление, несомненно, архаичное. Если эталон и создается мастером в считанном количестве экземпляров, то процесс тиражирования – это уже фабричное производство. Самодеятельность в шитье верхнего платья и изготовлении обуви напоминает об эпохе «Недоросля». А вот пафос совсем из иных времен – времен сотворения нового мира. Человек в расписной рубаше, на которого крестятся старушки – это типичный культурный герой, выстроенный по канонам советского мифа. Так о старой одежде можно вспоминать только в том случае, если она нагружена, а правильной написать, перегружена большими дополнительными смыслами, когда в ней и спустя много лет обнаруживаешь символическое содержание, связанное с основами жизненного мира, с личностным самоутверждением, с социальной идентичностью¹.

Человека, чьи воспоминания были приведены выше, советская пропаганда пятьдесят лет назад называла стилигаой. Со временем это клеймо стало ностальгическим самоназванием большой группы горожан, чья молодость пришлась на пятидесятые годы. Термин «стиляга» до сих пор является эмоционально насыщенным настолько, что почтенные участники ученого собрания зимой 2006 года, услышав его, тут же пускаются в жаркие споры: когда парадигма широких брюк сменилась парадигмой узких? Были ли среди стилиг приличные мальчики, или сплошная городская шпана – фарцовщики, выпивохи, хулиганы, гроза улиц и танцплощадок? Один из участников эмоционально обижался на стилиг, которые «...не хотели походить на серое быдло»: «Моя мама не была стилигаой – она что, была быдлом?!».

¹ Пользуясь случаем, выражаю огромную благодарность В. Тольцу, А. Даниелю и Н. Митрохину, которые помогли мне ценными замечаниями и наблюдениями.

Из этих жарких дискуссий ясно одно: тема стиляг не изжита коллективным бессознательным, она до сих пор задевает чувства и побуждает к рационализации давно отошедших практик. И значит, дело здесь вовсе не в покрое брюк, или эпатажном рисунке танца. Стиль поведения, который практиковали эти молодые люди, воспринимался как провокативный по отношению к базовым ценностям и нормам советского общества. Не будет большим преувеличением признать этот стиль катализатором разрушения советского режима. И пока советское общество присутствует в современной культуре, тема стиляг входит в ее актуальный дискурс.

О стилягах достаточно много писали К. Рот-Ай, С. Стар, М. Эделе, Д. Фельдман, В. Тольц, Е. Зубкова, Л. Ионин. Мы постараемся определить роль стиляг как контркультуры, изменившей культурное пространство советского города, положившей начало деполитизации частной жизни и открыто заявившей о запретных индивидуалистических ценностях.

Как стиляги появились в провинции

Уральский город Пермь был в 50-е годы XX века большим индустриальным центром. Сюда во время войны эвакуировали многие заводы вместе с инженерами и квалифицированными рабочими, для которых строились рабочие поселки. А чтобы обеспечить заводы рабочей силой, к городу присоединяли близко расположенные сельские поселения. Таким образом, город значительно вырос и вытянулся вдоль реки Кама на десятки километров. Дома были в основном барачного типа, малоэтажные (около 50% города состояло из одноэтажных домов) и частные, «сталинки» стояли лишь в центре города. Пермский журналист В. Киршин в книге своих воспоминаний называет Пермь «столицей барачков»¹. Но и барачков не хватало для растущего города. Часто под жилье приспособлялись подвалы, ваннные комнаты, производственные помещения, ветхие каркасно-засыпные бараки, построенные в 1932–1935 годах. Средняя плотность жилого фонда по заводу имени

¹ Киршин 2003 – Киршин В. Частная жизнь. Очерки частной жизни пермяков 1955–2001. Пермь, 2003. С.13

Молотова составляла 4,3 кв.м. на человека, причем «...по барачному фонду приходится 3,2 кв.м. на человека, а в отдельных общежитиях <...> до 2–2,5 кв.м. и даже меньше». При этом «крыши протекают, стены осели и промерзают, в комнатах зимой холодно и сыро, <...> нет никаких удобств»¹. Стесненные условия жизни рабочих рядом с достаточно комфортной жизнью начальников (именно им принадлежали отдельные квартиры в каменных многоэтажных «сталинках») усиливали глухое недовольство, создавали социальную атмосферу безысходности, особенно невыносимую на фоне патетической пропаганды успехов. Нищенский домашний быт порождал и соответствующий стиль поведения. Не только милицейские протоколы, но и партийные документы переполнены информацией о пьяных дебошах, насилии над женщинами, хулиганских выходках. В рабочих поселках складывалась специфическая социальная среда, воспроизводящая маргинальные формы общественного быта.

Центром социальной жизни был завод. В каждом районе имелся Дворец культуры, связанный с заводом, и своя администрация – райком и райисполком. Связь между рабочими поселками разных предприятий была достаточно слабой, просто не было необходимости взаимодействовать. Транспортную связь обеспечивал трамвай – длина путей 48,2 километра². Ходил он редко, примерно раз в час, и был переполнен, люди ездили даже снаружи, на «колбасе», на подножках и на крыше вагонов. Не способствовала развитию городского образа жизни и отсталость коммунальных удобств – водопровода, центрального отопления, канализации. В 1953 г. в Перми (в 50-е гг. город назывался иначе – Молотов) только 20% жилого фонда было оборудовано водопроводом, 18% – канализацией, 5% – центральным отоплением³. В Молотове соседствовали городской и сельский уклады жизни. В тесноте не

¹ Справка о бытовом устройстве и культурном обслуживании рабочих завода им. Молотова. 13.07.1953 // ПЕРМГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 107. Л. 53–58

² Техничко-эксплуатационные показатели работы Молотовского трамвая за 1950 г. // Государственный архив Пермской области. // ГАПК. Ф. р-1026. Оп. 1. Д. 112. Л. 30

³ Лейбович 1993 – Лейбович О. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993. С.65

могла формироваться приватная жизни, а традиционные деревенские нормы разрушались.

Механизм распространения моды в советском городе

Возникает вопрос – как такая жизненная среда могла влиять на обывный механизм распространения моды?

Где уральские провинциалы брали образец, с которого можно копировать? Телевидения не было, западные журналы оставались недоступны. Здесь надо уточнить, что стилинги как контркультура прошли два этапа развития. На первом этапе это была элитарная культура (1949–1955 гг.), когда дети высокопоставленных столичных номенклатурных работников начали копировать элементы западного стиля в процессе освоения материальных благ, прежде всего, трофейных. Эта культура была закрытой, недоступной, квартирно-дачной и ресторанной, но весьма привлекательной для скукающей молодежи. На втором этапе элитарная культура превратилась в молодежную контркультуру (1956–1962 гг.): запретные в советском обществе индивидуалистические ценности удовольствия и развлечений вступили в противоречие с ценностями коллективизма, труда и навязываемого властью аскетизма. Тогда стилинги появились по всей стране, в том числе и среди пермской рабочей молодежи.

Внимательный зритель мог разглядеть основные движения модных на Западе танцев, просматривая хроники военного времени или кинофильмы, вроде бельгийской картины «Чайки умирают в гавани», где в 1945 году американские солдаты танцевали с местными девушками. Зрители внимательно смотрели и запоминали, как это делается в Штатах. Алексей Козлов вспоминает хроники 1940-х годов, «где молодой американский солдат, скорее всего перед отправкой на фронт в Европу, танцует «стилем» на обычной «party» <...> Это <...> скорее напоминало вихляние с задиранием поочередно ног, да так, что ботинок оказывался

гораздо выше головы. При этом нога задиралась не «махом», а скорее ввинчивалась наверх. У нас нередко происходило то же»¹.

С западной одеждой было труднее – цветные кинокопии были редкостью. Эталоны для подражания нашлись, как это ни странно, в журнале «Крокодил», который активно критиковал стильную столичную молодежь, в то же время делая ей рекламу в определенных провинциальных кругах. И вот, В. Киршин (сам он стилигой не был) описывает настоящего стилигу, которого он увидел в Перми в 1960 г.: «Около Дома офицеров стоял старикан лет тридцати, одет как на картинке: брюки дудочкой, ботинки «на манной каше», пиджак с плечами, галстук с обезьяной, кок на темени»². Вполне понятно, что и для опознания стилиги тожегодились картинки-карикатуры.

Увидеть эталон мало, надо найти материалы и возможности для копирования. Простой способ – купить в магазине стильную одежду, был совершенно недоступен для провинциального стилиги. Советская фабрика такой одежды просто не выпускала. Обратимся к воспоминаниям из интервью, чтобы найти источники появления в Перми стильных вещей.

Напомним, что молодежь прибегала к кустарным способам производства, то есть делала модную одежду своими руками, частично используя продукты фабричного производства. Приведем еще один отрывок из интервью: «Я штаны купил на базаре и решил перешить, и отдал их тете Шуре, она мне их так сузила, что кто-то мне принес чулок, и я их надел, но снять не мог. А что делать, ради моды – на что ни пойдешь»³. Л-ий подсказал, как снимали брюки, ширина которых на щиколотке была 16 см – использовали мыло⁴.

Кроме того, одежду можно было сшить на заказ: «У меня был друг, которому мама в Ижевске достала такой пиджак (речь идет о клетчатом

¹ Козлов – интернет-сайт – Козлов А. Происхождение слова «стиляга» или откуда произошло слово «стиляга» // www.koryazhma.ru/usefull/know/doc.asp?doc_id=121).

² Киршин 2003 – Киршин В. Частная жизнь. Очерки частной жизни пермяков 1955–2001. Пермь, 2003. С.12

³ К-ов 2002 – Интервью. Записано на диктофон 23.11.2002. Пермь.

⁴ Л-ий 2006 – Интервью. Записано на диктофон 13.09.2006. Пермь.

пиджаке с объемными плечами – А.К.). И мы его все время носили в ателье, чтобы нам точно такой же сшили»¹. Так целая компания молодых пермяков оделась по моде.

И последний способ – «добыть» настоящую заграничную вещь через фарцовку (обмен с иностранцами, получивший активное развитие после фестиваля молодежи 1957 года) или через знакомых, выезжавших за рубеж. В Перми, например, есть театр оперы и балета, артисты которого ездили на гастроли за границу. К-оф вспоминает, с каким нетерпением он ждал их возвращения и тех вещей, которые они привозили².

Третья часть механизма распространения моды – публичная презентация. Для кого она предназначалась, и от кого надо было отличаться? Для стилиг общество делилось на «чуваков» и «серую массу». «Чуваки» и «чувихи» – это свои, владеющие особым языком и способные оценить модную одежду и стиль держаться по-особому (запрокинутая назад голова, высокомерный взгляд сверху вниз на окружающих, особая «развинченная» походка). Чтобы объяснить, почему масса казалась окрашенной в серый цвет, приведем мнение юного колумбийского журналиста Г. Маркеса, приехавшего в Москву в середине 1950-х гг.: «Исчезновение классов – впечатляющая очевидность: все в старой и плохо сшитой одежде и дурной обуви»³. На самом деле, зарубежный гость ошибся. В сталинскую эпоху одежда выполняла функцию мундира, указывающего на ранг или функциональную принадлежность ее носителя. Речь шла о качестве сукна – бостон или шевииот – пошивочного материала для обуви – яловая кожа или хром для сапог, но так же о разновидностях верхнего платья: ватник, шинель, пальто, шуба зимой, китель или пиджачная пара летом. «Я был близорук, очков не носил, стеснялся, поэтому, чтобы не прослыть гордецом, на всякий случай здоровался со всеми мужчинами в пальто и шляпах. Это были люди моего круга, на самом деле, круга моей семьи. Сослуживцы. Товарищи. Знакомые. Когда мы переехали в город, пришлось выписывать очки, так

¹ К-ов 2002 –Интервью. Записано на диктофон 23.11.2002. Пермь.

² К-оф 2002 – Интервью. Записано на диктофон 10.11.2002. Пермь.

³ Маркес 1988 – Маркес Г. 22 400 000 квадратных километра без единой рекламы кока-колы // Латинская Америка. 1988. № 3. С. 98.

как этот признак уже не действовал. Людей в шляпах стало слишком много»¹. Другое дело, что сторонний наблюдатель просто не мог заметить такие оттенки. Ему все казалось серым, однотонным, безвкусным.

«Краткая энциклопедия домашнего хозяйства» 1959 года выпуска объясняет, что значит хороший вкус в одежде – это «понимание разумной меры во всем, что касается формы, линий и цвета костюма <...> Дурной вкус выражается в погоне за всеми модными новинками, независимо от того, подходят ли они к внешности человека <...> Больше всего дурной вкус обнаруживается в неумении гармонично подобрать сочетания цветов между разными предметами костюма»². Вообще, сдержанность и аскетизм в одежде, обстановке квартиры определяются как наиболее приемлемые для советского человека на пороге построения коммунизма. Высоким стройным женщинам рекомендуется носить «платья строгой формы»³, «цвет костюма, а также все предметы одежды должны гармонировать с окружающей средой»⁴. Одежда должна была соответствовать терминам «удобно», «полезно», «нужно»⁵.

Стиляги были совершенно другими: яркие цвета одежды вызывающе не сочетались между собой. Они не хотели быть похожими на остальную советскую молодежь, стремились быть индивидуальными и не соблюдали меру, навязываемую обществом. Комсомолец должен был аккуратно и коротко стричься – стиляги отрастили волосы и сделали прическу – «кок», девушки-стиляги вместо аккуратной укладки носили естественную прическу «конский хвост». Рубашки с яркими рисунками, совершенно не подходящие к ним по цвету галстуки сразу обращали на себя внимание.

Места молодежных инсценировок одинаково определены в столице, как и в любом другом городе: так, в Перми – это улица под на-

¹ Л-ий 2006 – Интервью. Записано на диктофон 13.09.2006. Пермь.

² Краткая энциклопедия домашнего хозяйства 1959 – Краткая энциклопедия домашнего хозяйства в 2-х т. М., 1959. С.396

³ Домоводство 1957 – Домоводство. М., 1957. С.205

⁴ Краткая энциклопедия домашнего хозяйства 1959 – Краткая энциклопедия домашнего хозяйства в 2-х т. М., 1959. С. 13

⁵ Ефремова 1965 – Ефремова Л. И модно, и красиво // Эстетика поведения. М., 1965. С.80

званием «Брод», танцплощадка и ресторан. Стиляга, ставший джазовым пианистом до сих пор помнит все рестораны советской Перми: «Тогда ресторан был легко доступен и сравнительно дешев. В каждом ресторане у нас был свой уголок. Даже если ресторан заполнен и никого не пускали, то нас знали, мы были свои в любом. Вот там, где сейчас ресторан “Метро”, там был ресторан “Нева”. Там, где сейчас на Героев Хасана Сбербанк, ресторан “Сибирь”, ну, естественно, ресторан “Кама”, который и сейчас “Кама”, на улице Сибирской. А еще у нас любимый уголок был – ресторан “Урал”. Танцплощадка – еще одно место для презентации: «На танцплощадках или в клубе на танцах обычно были дежурные, которые следили с 6 до 8 вечера, потом они уходили домой. Включалась музыка, какая надо. И мы делали все что можно, потом, правда, кто-нибудь увидит, расскажет. Стиляги приходили на танцы, чтоб «отколоть номер», потанцевать так, изогнуться так, как больше никто не умел. Таких обычно было человека три-четыре. Хочу сказать, что стиляги были все хорошие спортсмены»¹. Действительно, чтобы хорошо станцевать «стилем», надо было тренироваться дома (эталонные танцы из кинофильмов были постановочными и профессиональными) и быть в хорошей спортивной форме.

Что касается «Брода», то в Перми было много улиц с таким названием. Отсутствие связи между районами сказывалось и на стилягах. В каждом районе был свой «Брод». В центре города была улица К. Маркса, а в Орджоникидзеvском районе, например, так звали улицу Щербакова².

Самым главным был принцип – не походить на большинство: на отцов, их приятелей, на сверстников, только что покинувших деревню. К-ов вспоминал: «если человек отсталый, почти что колхозник, его почему-то звали «Керя с Бахаревки» (Бахаревка – один из окраинных микрорайонов Перми)³.

Здесь мы можем говорить об универсальной модели действий непохожих людей и реакции на них общества. Вспомним английский

¹ К-оф 2002 – Интервью. Записано на диктофон 10.11.2002. Пермь.

² Б-ов 2006 – Интервью. Записано на диктофон 15.12.2006. Пермь.

³ К-ов 2002 – Интервью. Записано на диктофон 23.11.2002. Пермь.

дендизм, когда манера одеваться была связана с собственной идеологией и особой моделью культуры – индивидуализм, оскорбительная для света манера держаться, презрение к общественным формам, «неприличная» развязность жестов¹. Как писал Карамзин, дендизм – это слияние бунта и цинизма, превращение эгоизма в своеобразную религию и насмешливое отношение ко всем принципам «пошлой» морали. В произведении, которое можно назвать программой дендизма, Бульвер-Литтон говорил от имени своего героя Пелэма: «я стремился во всем отличаться от людского стада». Появление людей непохожих шокирует общество, вызывает реакцию. Советские стилиаги тоже хотели отличаться от «серой массы». В истории бывали случаи, когда общество наказывало за неподобающий с его точки зрения стиль в одежде. Н. Карамзин в «Письмах русского путешественника» описывал, как толпа лондонских мальчишек забросала грязью человека, одетого по французской моде (антифранцузские настроения были сильны в Великобритании в конце XVIII века). Но в СССР в наказании участвовало не только общество, а еще и власть. Киришин в записи за 1956 год свидетельствует: «Не было греха страшнее, чем индивидуализм, за него убивали. Причем не власти убивали – соседи с помощью властей»². Массы и власть были едины в своем желании избавиться от инородной молодежи. И здесь трудно сказать однозначно, кто же все-таки был инициатором гонений.

Вспоминая 1950-е, пермяки рассказывают, что боялись стилиаг, считали их хулиганами. В интервью с К-ой 1922 года рождения есть рассказ о встрече со стилиагами на улице города Перми: «Я помню, как-то я из библиотеки ехала, из центральной, и за мной пошла парочка стилиаг. Я, грешным делом, испугалась, и потом, когда они шли все время за мной, я увидела, что идет какая-то пара постарше меня, вроде как муж с женой. И я попросила проводить меня, говорю, что молодые люди меня преследуют, и я боюсь. Я должна идти на улицу Кирова. И вот эти двое

¹ Лотман 2002 – Лотман Ю. Беседы о русской культуре. СПб, 2002. С.124

² Киришин 2003 – Киришин В. Частная жизнь. Очерки частной жизни пермяков 1955–2001. Пермь, 2003. С.10

меня проводили, а стилиаги отстали». Далее она отвечала на вопрос, были ли реальные основания бояться стилиаг: «Они разговаривали так, чтоб обратить на себя внимание. Это было неприятно. Я их, практически, не знала. Я не знала, что ждать от них. И нам же говорили: вот – это стилиаги, те, которые не занимаются общественно-полезным трудом. И я с ними старалась не общаться»¹. Люди часто боятся того, что им незнакомо. К тому же пресса активно работала над конструированием негативного имиджа молодого человека, стремившегося выделиться из толпы. Официальный образ стилиаги включал в себя представление о нем как о хулигане, способном обидеть женщину и устроить драку (если речь шла о юноше), или о совершенно распущенной девице, забывшей всякий стыд и готовой к любым развратным действиям, как, например, раздеться догола на людях и в таком виде проехать один перегон в трамвае. Эти истории передавались из уст в уста. Им охотно верили. Слово «стилиага» было наполнено отрицательным смыслом. Люди, никогда в своей жизни не видевшие стилиаг, осуждали их и заочно ненавидели. На карикатурах они изображались как мелкие ядовитые грибы-поганки, их сравнивали с обезьянами и попугаями. На Радио Свобода В. Тольц вспоминал «антистилиажный плакат» того времени, озаглавленный: «От стилиаги – к преступнику»:

Стилиага – в потенции враг
С моралью чужою и куцей, –
На комсомольскую мушку стилиаг;
Пусть переделываются и сдаются!²

В те годы в обществе формировался образ хулигана и бездельника, пиявки, присосавшейся к родительскому кошельку, – образ, который репродуцируется по сей день. Подавляющее большинство школьных учебников вовсе не упоминают стилиаг, хотя их форма сопротивления советской несвободе сыграла весьма значительную роль, причем не только в сфере культуры.

¹ К-ая 2002 – Интервью. Записано на диктофон 19.10.2002. Пермь.

² Тольц – интернет-сайт – Тольц В. (www.svoboda.org/programs/TD/2003/TD.101903.asp).

Власть против стиля

Жесткое противопоставление себя основной массе было настоящим вызовом стиляг советской повседневности. Недаром Леонид Ионин называет стиляг декабристами своего времени, а Василий Аксенов – первыми диссидентами. В закрытом советском обществе, где политика (точнее, власть) проникает повсюду, сфера приватного не выделена, и женщина может прийти в парторганизацию и попросить, «чтобы взяли от нее мужа <...> она ошиблась в нем», люди, которым власть безразлична, не могут действовать безнаказанно. В. Славкин писал: «Новизна, которую предлагали стиляги, была не на уровне идей, а на уровне быта. Стиляги первыми бросили вызов суконному, прокишшему сталинскому быту, этому незатейливому жизненному стилю, для которого само-то слово стиль не применимо. Но в этом бесцветном жиденьком вареве и заключался один из секретов прочности нашего государства. Населением в униформе легче руководить, чем людьми в разноцветных пиджаках».

Против стиляг была развернута идеологическая кампания, которая началась еще на этапе, когда стиляги принадлежали к так называемой «золотой молодежи». Само слово стиляга появилось после публикации фельетона Д. Беляева в журнале «Крокодил» в марте 1949 года. Беляев дает следующее определение: «стилягами называют сами себя подобные типы на своем птичьем языке. Они, видите ли, выработали свой собственный стиль в одежде, в разговорах, в манерах. Главное в их «стиле» – не походить на обычных людей. И, как видите, в подобном стремлении они доходят до абсурда <...> он детально изучил все фокусы, танго, румбы, линды, но Мичурина путает с Менделеевым и астрономиию с гастрономией...»¹. В сталинскую эпоху любая публикация в прессе должна была иметь отклик, на нее следовало немедленно реагировать. Поэтому с теми, чьи имена упомянули в фельетоне, начинали работать комсомольская организация и руководители вузов, где они учились. Их прорабатывали на собраниях, исключали из комсомола, перевоспитывали, отчисляли из университетов.

¹ Крокодил 1949 – Беляев Д. Стиляги // Крокодил. 1949. Март. С.10.

Далеко не всегда стилиги полностью игнорировали советские правила. Киршин считает, что в Перми не было настоящих стилиг: «Были подражатели, нарушители норм костюма и прически <...> С ними достаточно было комсомольцам побеседовать как следует, в присутствии инструктора райкома, – и все вражеское оперение с нарушителей слетало, они слезно раскаивались, вливались обратно в коллектив, и опять наши массы единым строем шли к новым свершениям»¹. Здесь журналист явно преувеличивает. Да, беседовали, да, соглашались, а потом все равно перешивали штаны и «искажали рисунок советского танца» на школьных вечерах или искали иные пути. Джазовый пианист К-оф вспоминает: «Например, для того чтобы играть классический джаз, негритянский, американский, мы играли, предположим, попурри песен советских композиторов, а потом выходил конференсье. И он говорил: «вот в то время, когда мы спешно строим наше счастливое коммунистическое будущее, на Западе, в загнивающем, в проклятом буржуазном обществе...». И мы начинали вот эти слова сопровождать хорошим настоящим классическим джазом. Ну, как бы бичуя недостатки буржуазного общества»². Здесь мы наблюдаем культурную инсценировку, в которой формально выполняются советские нормы, но на практике звучит музыка стилиг.

По опубликованным воспоминаниям стилиг Алексея Козлова, Василия Аксенова, Виктора Славкина и интервью с пермскими стилигами можно восстановить картину совместной борьбы власти и общества со стилигами. В сталинскую эпоху стилиги стали одним из объектов политической кампании по борьбе с космополитизмом. В хрущевскую эпоху политические кампании были уже иными. Стилиги распространились по всей стране, превратились в молодежную контркультуру. Теперь против них шла собственная кампания. Им уже не грозила тюрьма или расстрел. Однако насильственные методы, применяемые к ним,

¹ Киршин В. Частная жизнь. Очерки частной жизни пермяков 1955–2001. Пермь, 2003. С.16.

² К-оф 2002 – Интервью. Записано на диктофон 10.11.2002. Пермь.

тоже были достаточно жестокие. Пермский стилига К-ов рассказывал: «на танцплощадке собиралась такая группа молодежи от комсомола, специально брали ножницы и разрезали штаны, жаловались в школу»¹. Американская исследовательница советской культуры хрущевской эпохи К. Рот-Ай писала: «стилиг тащили в комитет комсомола или в отделение милиции, насильно стригли, отбирали или портили одежду, фотографировали для разгромных статей в прессе и стендов типа «Они позорят наш город»². Крайней мерой была потеря места учебы – исключение из института. Однако структура кампании против стилиг была вполне традиционной для того времени, такими были и другие репрессивные сталинские кампании, а в середине 1950-х традиции еще не были забыты. Кратко перечислим главные структурные компоненты политической кампании: статьи в центральных печатных изданиях, поиск собственных агентов «врага» на местах, публикации, сделанные на местном материале, письма в редакции газет и в партию, собрания и наказание виноватых. В послевоенный период некоторые политические кампании, в частности, кампания по борьбе с космополитизмом, обходились без арестов. Что касается стилиг, то власти целенаправленно формировали их негативный образ через статьи, фельетоны и карикатуры в прессе. Затем на помощь умело сконструированному общественному негодованию были направлены народные дружинники (тоже формально представители общества, а не власти). По данным журнала «Коммунист», в 1960 году существовало более 80 тысяч дружин, объединявших более 2,5 миллионов дружинников³. Обычные советские граждане, свято верящие печатному слову, искали стилиг среди соседей. И конечно успешно находили их, даже если лишь одна деталь одежды «подозреваемого» казалась активистам стильной и зарубежной. Приве-

¹ К-ов 2002 – Интервью. Записано на диктофон 23.11.2002. Пермь.

² Рот-Ай 2004 – Рот-Ай К. Кто на пьедестале, а кто в толпе? Стиляги и идея советской «молодежной культуры» в эпоху «оттепели» // Неприкосновенный запас. 2004. № 4 (36) (www.magazines.russ.ru/2004/4/).

³ Анашкин, Бабин 1960 – Анашкин Г., Бабин Н. Общественность и укрепление социалистического правопорядка // Коммунист. 1960. № 10. С. 52

дем в этой связи случай, описанный у Рот-Ай: «Молодой человек из Новосибирска написал в «Комсомольскую правду» возмущенное письмо, протестуя против преследований, вызванных его индивидуальной манерой одеваться: его узкие черные брюки (шириной, подчеркнул он в письме, 25 см) [*здесь какая-то ошибка: брюки шириной по низу в 25 см были стандартными для произведений советской текстильной промышленности в начале 60-х гг.* – А.К.], бросавшиеся в глаза соученикам по сельскохозяйственному институту, повлекли за собой комсомольское собрание и угрозу исключения. «Стиляг в нашем обществе справедливо презирают, – писал он в КП. – Я понимаю: стилиага – это тот, у кого мелкая, серая душонка. Это человек, для которого предел мечты – платье с заграничным клеймом и веселая танцулька под низкопробный джаз. Но разве можно человека, у которого есть цель в жизни, который стремится учиться и который одевается не дорого, но красиво, по моде, называть стилиагой?.. Неужели я «стилиага», и со мной надо вести борьбу?»¹. На первый взгляд кажется, что это иллюстрация поговорки – «лес рубят – щепки летят», но это не совсем так. Как раз большинство провинциальных стилиаг и были такими. Зачастую лишь какая-то деталь одежды или элемент поведения неминуемо превращал человека в стилиагу. С точки зрения власти, даже незначительный элемент западной моды мог быть разрушительным, ведь вместе с ним приходило осознание своей уникальности, и в конечном итоге потеря коллективной идентичности.

Стилиаги следовали моде, слушали запретную музыку, у них был свой сленг – по воспоминаниям, их речь была похожа на иностранную, они ценили индивидуальность и свободу, развлечения и личное удовольствие, им была безразлична политика и строительство коммунизма.

¹ Рот-Ай 2004 – Рот-Ай К. Кто на пьедестале, а кто в толпе? Стилиаги и идея советской «молодежной культуры» в эпоху «оттепели» // Неприкосновенный запас. 2004. № 4 (36) (www.magazines.russ.ru/2004/4/).

При каких условиях изменение рисунка танцев и покрой одежды могли вызвать такую реакцию?

Общество далеко не всегда с готовностью поддерживает инициативу властей. Для этого в нем самом должны существовать тенденции для «нужного» восприятия того или иного мифа. Попытаемся понять, почему мифологизированный образ стиляги легко превратился в советском обществе в образ врага.

Версия 1. Многие репрессивные политические кампании сталинской эпохи были построены на нелюбви народа к начальству. А ведь первые стиляги были детьми советской элиты. В СССР молодежь выделяется как особая социокультурная группа, в первую очередь, в столице. Они учатся в старших классах или вузах за родительские деньги. Их карьера обеспечена статусом их высокопоставленных родителей. Они не работают, у них есть свободное время для общения и прогулок, а карманные деньги достаются легко. При этом индустрия развлечений в стране слабая, деньги тратить не на что. Остаются только сравнительно дешевые рестораны. К-ов вспоминал: «Я в то время был студентом, все время обитал в ресторане «Кама». У меня была стипендия 35 рублей. И на 5–6 рублей можно было очень хорошо посидеть. Бутылка сухого вина хорошего стоила 2.60, шампанское – 3.10, мы пили шампанское «Церебл», «Фортуна», наше «Советское шампанское» было чуть дороже»¹.

Через родителей они получали доступ к запретной западной культуре – из-за границы им привозили одежду, технику, хорошие радиоприемники, и безобидные, на первый взгляд, виниловые пластинки. Тексты в СССР имели сакральный смысл, поэтому из-за границы никто не решался везти журналы и книги. Везли музыку. Но и она оказалась мощнейшим аттрактором для молодежи. Тем более что, как пишет Коэн, решение, предлагаемое субкультурой, обязательно является «воображаемым»². Это идеологическая попытка магически разрешить реаль-

¹ К-ов 2002 – Интервью. Записано на диктофон 23.11.2002. Пермь.

² Коэн П. – цит. по: Brake. M. The Sociology of Youth Culture and Youth Subculture. Sex, Drugs and Rock-n-roll. L., 1980.

ные взаимоотношения, которые не могут быть разрешены иначе. И музыка вместе с отличающейся от общей серости одеждой начинает исполнять эту магическую функцию. Становится группообразующим символом, отличающим своих от чужих.

Весьма любопытным является тот факт, что на западе, а точнее в Великобритании, в конце 40-х – начале 50-х годов также появилась молодежная субкультура (некоторые авторы называют ее криминальной), представители которой носили узкие брюки-дудочки, шнурки вместо галстуков, ботинки на микропоре, твидовые пиджаки с бархатными лацканами и сооружали «коки» на голове. То есть внешне были очень похожи на стилияг. Их называли «тедами». Носителями этой субкультуры были рабочие лондонских окраин, их отличало агрессивное поведение. Холл писал: «Заимствование тедами стиля одежды более высоких классов «уничтожает» пропасть между реальной трудовой действительностью и жизненными возможностями в основном неквалифицированных полулюмпенов и жизненным опытом человека, «хорошо одетого, но которому некуда пойти в субботний вечер» <...> Теды стали социальной силой, возникшей в результате послевоенной рестратификации британского общества. Жестокость тедов заслоняла их дендизм, утверждая их мужественность»¹. Мода и здесь сыграла роль знака, отделяющего своих от чужих. Теды, как и стилияги, выделялись из своего слоя и осознавали себя новым поколением, имеющим преимущество перед старым, то есть, по сути, ощущали себя элитой. Но английская власть не боролась с ними. В СССР все было иначе. Как отмечает Д. Фельдман, «вопрос формирования элиты в советском государстве всегда контролировался партийными органами. И, разумеется, никто бы не позволил решать такие вопросы на собственное усмотрение граждан»².

Танец в советской культуре занимал второстепенное место – танцевали в основном вальс. Положительный герой в советских фильмах

¹ Холл 1976 – цит. по: Brake. M. The Sociology of Youth Culture and Youth Subculture. Sex, Drugs and Rock-n-roll. L.: Boston, Henley, 1980. P. 48

² Фельдман – интернет-сайт – Фельдман Д. (www.svoboda.org/programs/TD/2003/TD.101903.asp).

много работал, но мог не уметь танцевать. А вот одежда уже начала играть особую роль. После войны появились трофейные шубы, пальто и часы. Вкус еще не сформировался, но страсть к нарядам и украшениям уже была. Даже представители власти отказывались от аскетизма в одежде и появлялись на портретах в раззолоченных мундирах. Этот факт отмечает в неопубликованных в свое время трудах березниковский журналист Михаил Данилкин: «В последние годы на крови и горе народа, русского в особенности, вырос огромный паразит, имя которому – аристократия. Стремясь к безраздельному могуществу, появившаяся аристократия нарядилась в мундиры, обвешала себя орденами и погонами. Она прячется за высокой стеной самых значительных, самых близких человеческому сердцу понятий: “народ”, “демократия”, “социализм”, “Сталин”»¹. Как мы видим, символическим отличием аристократии, которая, кстати, по мнению Данилкина, приходит с Запада, является нарядная дорогая одежда.

Стиляги тоже носили дорогую западную одежду, а значит, воспринимались народом как чуждый элемент. Но когда стилиги принадлежали к «золотой молодежи», контркультура еще не сформировалась. Да, сытые бездельничающие молодые люди раздражали, но до середины 1950-х до провинции стилижничество еще не добралось. Так что ситуации на Урале ненавистью к начальству не объяснить.

Версия 2. Многие пермские стилиги, в том числе и один из респондентов, приехали в город из деревни. Они работали на заводах и не могли купить заграничные вещи, но, тем не менее, стали стилигами. Их можно назвать порождением эпохи деполитизации, когда идеалы обветшали, идеология превратилась в риторику, политическая и социальная жизнь рутинизировалась и была наполнена ритуалами. На первый взгляд кажется, что школа была инструментом формирования советской идентичности. Но парадокс заключается в том, что именно старшие школьники и студенты становились стилигами. Дело в том, что школа дает принципиально новые знания, родители зачастую такого

¹ Данилкин 1998 – Данилкин М. Глазами классиков // Лейбович О., Кимерлинг А. Письмо товарищу Сталину. Политический мир Михаила Данилкина. Исторический очерк. Пермь, 1998. С. 149

образования не имеют. Дети начинают чувствовать себя совершенно «иными», новыми людьми – другим поколением. Новое поколение в процессе усвоения нового стиля склонно к культурным инсценировкам. Молодежь привлекает бунт. Молодые бунтовщики не хотят быть похожими на советских взрослых в мешковатых серых пиджаках, кителях и гимнастерках, которых они воспринимают как быдло. Тем более, что у «золотой молодежи» есть приватное пространство для общения – хаты с уехавшими на дачу предками потомки используют для того, чтобы клеить чужих и встречаться с динамистками. А хрущевские квартиры дают возможность распространить приватное пространство и на широкие массы молодежи, причем не только столичной.

В ритуализированной жизни в 1957 г. появилось окно в Европу – в Москве состоялся VI фестиваль молодежи и студентов. «Хроника дня» в кинотеатрах показывала ход фестиваля. Туристы все чаще выезжали за границу. Отмена паспортного режима облегчила переезд. Поэтому увеличился обмен между городами. Перемешивание студенческой молодежи на целине, фарцовка в столице. Появились новые каналы взаимодействия. К тому же наметились некоторые сдвиги в общественной атмосфере, когда и в литературе, и в кино стало формироваться настроение «вызова» по отношению к советскому мещанскому быту. Мещанский быт тогда символизировался такими предметами, как сервант с хрусталем, пышные занавески, цветы (герань и фикус) в горшках, фарфоровые статуэтки на комод, семейные фотографии в рамочках, абажур, ковер на стене.

Именно в такой культурной ситуации формируется контркультура. Это не культура протеста – это контркультура ухода. Ухода не в тень, а на сцену. Сценой стал Брод – несколько центральных улиц, где можно демонстрировать себя, свою особую позицию. Поскольку в Перми Брод есть в каждом районе, то происходит временная условная децентрализация пространства. «XX съезд КПСС согнал стилинг на стройку ГЭС, о Сан-Луис – город стильных дам, но Левшино не уступит вам»¹. Пространство города по-новому символизируется для молодежи. Вместо

¹ Л-ий 2006 – Интервью. Записано на диктофон 13.09.2006. Пермь.

властных учреждений и завода площадкой для молодежных инсценировок становится местный Брод, ресторан и танцплощадка.

Итоги

К середине 1960-х пропагандистская кампания против стилиг тихо сходит на нет. Точную дату окончания кампании определить трудно, поскольку никаких официальных заявлений о ее завершении не последовало. Просто стильная одежда и западная музыка стали частью повседневности. Комсомольцы – борцы со стилигами переняли их вкусы, в то время, как многие первые стилиги заняли престижные должности. Появилась молодежная культура не в партийно-комсомольском, а в повседневно-потребительском духе.

Борьба со стилигами выделила среди масс особую группу – городскую молодежь. Было признано, что молодежь может иметь свои особенности, имеет право на какое-то самовыражение. Теперь они могли носить узкие галстуки и быть при этом уважаемыми передовиками производства.

Процедуру признания «стиля» выполняли литераторы по испытанным образцам, во-первых, создав для них символическое довоенное поколение отцов, а во-вторых, реабилитировав их пристрастие к яркой жизни воинскими подвигами. Вспомним, «Мы тоже пижонами слыли когда-то, но время пришло – угодили в солдаты» Ю. Друнина или «Джазисты уходили в ополчение, гражданского не скинув облачения» Б. Окуджава. Со стилигами в советскую культуру вошли яркие краски, благодаря им изменилась и сфера развлечений. Городская культура все больше походила на западную, обретала свою самобытность по отношению к деревенской, элементы которой деформировались или исчезали вовсе. Молодежную субкультуру признали. В тоталитарной моностилистической советской культуре появились черты полистилизма. Все началось с одежды, обуви на платформе и увлечения западной музыкой, а завершилось новой символикой городского пространства и признанием субкультур.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Зависимость исторического сознания от современности часто приводит к забвению символов прошлого. Словосочетание «культ личности» не исчезло после отставки Хрущева. Уйдя в полулегальное состояние, символ вновь актуализировался с началом гласности и не изменил смысловой нагрузки до наших дней. Это говорит о многом. Реакции на доклад Хрущева, оказались настолько сильными, что целое поколение советской интеллигенции сделало это событие фактом своей биографии. В некотором смысле у разоблачения «культа личности» и у «1937-го» схожая судьба. Год большого террора отложился в памяти и актуализировался вновь в 1956 году. Два противопоставленных друг другу события приобрели качественное измерение и взаимозависимость. Именно в такой взаимной оппозиции эти символы и актуализировались в конце советской эпохи, когда в политической риторике активно использовались образы прошлого. Вернемся к проблеме, сформулированной в начале книги: насколько разрушительными оказались для советской системы процессы десталинизации и как они преломлялись в жизненном мире рядового советского гражданина?

Следует признать установленным фактом, что толчком к социальным изменениям после 1953 г. стали действия самой власти. В историографии подробно изучены перипетии политической борьбы после смерти Сталина. Их итогом, как известно, стало заключение своеобразной конвенции в среде высшей власти о неприменении массового террора. Добавим, что формирование нового контракта имело непредвиденные последствия. Речь идет о спонтанном, а затем и осознанном прощании с тремя китами, на котором стояла советская система – сталинским мифом, перманентными кадровыми чистками и методами политической мобилизации масс.

Вспомним один тезис, уже давно ставший общим местом в социальных науках. Общество возможно только в том случае, если между его представителями существуют некие преддоговорные, взаимно ожидаемые действия. В этом контексте легитимность власти в глазах населения можно понимать как частный случай общественной солидарно-

сти. В эпоху позднего сталинизма функцию легитимации власти выполнял сталинский миф. Именно он обеспечивал устойчивость политической системы, одновременно являлся и способом властной презентации и стержнем жизненного мира советского человека. В сложившейся системе координат исчезало колоссальное противоречие между образами, живущими на киноэкранах и всеобщей нищетою населения. Миры соцреализма и окружающего реального быта были асимметричны, и при этом находились в отношении дополнительности. Мифологизированное праздничное бытие доминировало над бытом, позволяя ему совершаться своим чередом. Кубанские казаки выражали реальность конкретных колхозников «в ее революционном развитии» – такой, какой она *в принципе* могла стать. Радостно поющие с экранов киноактеры могли указывать на возможность праздника если не сейчас, то скоро, если не здесь, то всюду. Внутри этого культурного кода осторожное приближение к действительности автоматически вело за собой культурный остракизм. Чуть более грязные шахтерские лица во второй серии «Большой жизни» действительно таили угрозу. На официальном языке подобная опасность номинировалась как «очернение действительности». Элементы праздника распространялись и на нижние этажи повседневности. Праздником трудящихся становились реальные или символические казни начальников и примкнувшей к ним интеллигенции. Репрессии снимали колоссальное напряжение, становились основанием для веры в высшую справедливость. Последняя была персонифицирована в фигуре вождя.

Тем временем затянувшийся кровавый карнавал требовал крайнего напряжения сил. Продолжительность обрекала его на рутинизацию, а, следовательно, уничтожала. Добавим, что в отличие от 1930-х гг. на этот раз система имела дело с послевоенным обществом. Поддерживать в состоянии мобилизации население, пережившее колоссальное перенапряжение становилось все более проблематичным. Эпоха позднего сталинизма была беспрецедентна по плотности политических акций и кампаний на единицу времени. Вряд ли это говорит об усилении власти, скорее, наоборот – свидетельствует о наметившейся проблеме неэффективности прежних политических инструментов. Анало-

гично наркотической зависимости террор-праздник-карнавал требовал все большей частоты и разнообразия.

Эрозия системы не исчерпывалась культурными проблемами. В недрах сталинского общества наметились и социальные сдвиги, подтачивавшие в перспективе фундамент сталинизма. В первую очередь это касалось происходивших трансформаций в номенклатурной среде. Речь идет о советских «менеджерах среднего звена»: инженерах и директорах предприятий, служащих различных министерств и хозяйственных ведомств. Их роль резко возросла в годы войны. Десяти – пятнадцати лет отсутствия целевого террора оказалось достаточно для институционального и культурного оформления новой генерации. Эта группа стала общаться на одном хозяйственном языке, состоящем из профессиональных и бюрократических терминов. На этом лингвистическом поле штурманы и механики корабля социализма получали возможность завоевания и закрепления своих статусных позиций. Это были новые практики, позволявшие делать карьеру, дистанцируясь от политики. Именно среди хозяйственников политический язык постепенно теряет прежние инструментальные функции, превращаясь в формальную презентационную технологию. Иными словами новая генерация спонтанно отчуждала сферу своей компетенции, т.е. – решение хозяйственных вопросов от политики. К началу 1950-х гг. их статус закрепляется и подтверждается сталинской системой образования. Фильтр платного образования отделяет их детей от пролетариев, предоставляет возможность получить полное среднее, а затем и высшее образование. Позиции новой группы воспроизводятся в следующем поколении. Наметившееся отчуждение от политики в еще большей степени сказалось на детях. Их позиции оказались обеспечены родителями и подтверждены дипломом об окончании ВУЗа. Неслучайно, что именно в среде «золотой» молодежи впервые оформляются культурные формы, не имеющие никакого отношения к господствующей идеологии. Сословная структура советского общества несла в себе семена разрушения сталинского мифа и принципов функционирования номенклатуры.

Десталинизация трансформировала латентные культурные формы в господствующие дискурсы и практики. Преемники вождя оказались

не в силах управлять страной прежними методами. Со смертью Сталина репрессивный способ управления становился проблематичным. Физическая кончина вождя означала исчезновение фигуры, обладающей монопольным и легальным правом на осуществление террора. Инстинкт самосохранения заставлял участников политической борьбы отвергать канонические тексты прежней эпохи. Сомнительно, что преемники Сталина имели четкий долговременный план борьбы друг с другом. В условиях формирования нового консенсуса происходил спонтанный отбор новых методов. Наследники вождя не хотели и не могли вернуться к прежнему дискурсу. Уже ликвидация Л.П. Берии демонстрировала не только страх перед возможным террором, но и неумение использовать стиль прежних обвинений. В тех условиях единственной альтернативой политическому языку сталинской эпохи становился язык генерации хозяйственников. Неизбежная при этом профанация политики разрушала фундамент сталинского мифа. Следующим шагом стала реабилитация жертв репрессий и десакрализация образа Сталина. Этот новый инструмент политической борьбы был вырван из рук Л.П. Берии и использован в полной мере на XX съезде. Последствия оказались неожиданными. Доклад Н.С. Хрущева означал финал очеловечивания сталинского образа. Десакрализация лишала святости пустующий трон. Попытки его занять отныне воспринимались как нелепые. Процесс реабилитации формировал и новые практики общения с властью. Без лишнего шума населению предоставили возможность быть не только объектом, но и субъектом взаимоотношений с бюрократической машиной.

Профанация, а затем и десакрализация политики привели былую структуру идеологии к ситуации «оверкиля». Прежде наличное знание советского человека больше напоминало полусферу планетария, в котором расположение звезд и их названия определялись властью. Вместо проекции далеких светил общество вдруг с удивлением, а часто и с раздражением обнаружило отражения самих себя. Праздник, переместившись в будни, перестал таковым быть. Профанация верхнего политического мира разрушала основания символического универсума. Изучение рядовыми партийцами «Вопросов языкознания» не противоре-

речило окружающей реальности по причине того, что не имело к ней никакого отношения. Спустя четыре года те же партийцы при обсуждении директив к XX съезду требуют решить проблему нехватки ниток и стиральных машин. Желание смазать Маркса салом предрешило судьбу идеологическое проекта. Обещание построения коммунизма в течение жизни одного поколения в новых условиях становилось окончательным убийством утопии.

Существование жизненного мира на прежних основаниях становилось невозможным. Должно ли искусство отражать реальную жизнь? Или оно должно задавать образцы, к которым надо стремиться? Представляется, что за этим литературно – художественным спором стояло нечто большее, чем конфликт враждующих корпораций внутри творческой интеллигенции. Речь шла о болезненном формировании новых методов определения ситуаций, новом понимании социальной реальности. Писательский талант Василия Гроссмана достаточно ярко передал это состояние:

«Четвертого апреля Николай Андреевич разбудил утром жену, отчаянно крикнул:

– Маша! Врачи не виноваты! Маша, их пытали!

Государство признало свою страшную вину – признало, что к заключенным врачам применялись недозволенные методы на допросах. После первых минут счастья, светлой душевной легкости Николай Андреевич неожиданно ощутил какое-то незнакомое, впервые в жизни пришедшее мутное, томящее чувство...

В тот час, как божественно непогрешимое государство покаялось в своем преступлении, Николай Андреевич почувствовал его смертную земную плоть – у государства, как и у Сталина, были сердечные перебои, белок в моче.

Божественность, непогрешимость бессмертного государства, оказывается, не только подавляли человека, они и защищали его, утешали его немощь, оправдывали ничтожество; государство перекладывало на свои железные плечи весь груз ответственности, освобождало людей от химеры совести.

И Николай Андреевич почувствовал себя словно бы раздетым, словно бы тысячи чужих глаз смотрели на его голое тело. И самое неприятное, что и он стоял в толпе, смотрел на себя голого, вместе со всеми разглядывал свои по-бабы свисающие цицки, мятый, раздавшийся от большой еды живот, жирные ливерные складки на боках.

Да, у Сталина оказались перебои и нитевидный пульс, государство, оказывается, выделяло мочу, и Николай Андреевич оказался голым под своим коверкотовым костюмом»¹.

Крах представлений о непогрешимости государства подрывал, таким образом, и основы идентичности советского человека.

Изменений в политической сфере оказалось достаточно для стремительно начавшейся трансформации общественной жизни. Основными векторами социальных изменений становится взаимная дифференциация сфер общественной жизни при общей тенденции к отчуждению от политики. Деполитизация все более отчетливо прослеживается в сфере трудовых отношений. Партийность как самостоятельный ресурс становится уже невозможной без образования и профессионализма. Вступление в партию отныне не в силах заменить или подменить профессиональную карьеру. Все чаще членство в КПСС становится либо формальным подтверждением профессионального признания, либо вспомогательным двигателем для дальнейшей карьеры. Происходит содержательное опустошение политических ритуалов. Партийные собрания все чаще приобретают вид производственных совещаний или характер внешних, предписанных презентаций.

Вторым сданным бастионом оказалась сфера жилья, семьи и досуга. Смена политических паттернов сделало возможным реализацию жилищного вопроса. Допустив уход семьи и досуга в отдельные квартиры, власть теряла контроль и над этой сферой. Прежний социальный контроль оказался применимым по отношению к населению бараков, но трудноосуществимым по отношению к жителю отдельной квартиры. Оформление сферы приватности имело далеко идущие последствия. В условиях формирующегося городского пространства появлялись

¹ Гроссман В. Все течет. М. 1989. // http://d.theupload.info/download/rwdctcprw15271uhtic6bynr54nfp1qv/grossman_vasilii_vse_techet.txt

новые каналы распространения информации, становилось возможным формирование новых культурных форм. Легкого приоткрывания занавеса в новых условиях оказалось достаточным для появления первой молодежной субкультуры в лице стилинг. Как бы то ни было, но спустя десять лет власть была вынуждена смириться с автономией культуры подрастающего поколения.

Было бы упрощением трактовать указанные процессы как линейные изменения. Трансформация советского общества была многовекторна и рассогласована. Изменение политической системы происходило в форме «протестантского» возвращения к истокам социализма. Новое конструирование фигуры Ленина могло до поры до времени усиливать социалистический проект посредством эмоций.

Новые основания для профессиональной идентичности могли не только усиливаться партийностью, но и вступать с последней в конфликт. Крах мифа неизбежно раскалывает целостную картину жизненного мира. Если ранее взаимоисключающие элементы могли мирно сосуществовать в чувственном единстве, то сейчас их совместное проживание становилось проблемным. Раскол жизненного мира имел своим последствием рост социального аутизма и шизофрении. Разрушение мифа рождало внутренние противоречия между профессионализмом и партийностью, между паттернами сознательного партийца и обычного горожанина.

Стремительная урбанизация сопровождалась и рурализацией. В социальное пространство новых пятиэтажек причудливым образом переносились элементы сельской культуры. Между тем, власть сдала свои главные бастионы если не окончательно, то бесповоротно. В советском обществе произошли тектонические сдвиги, сделавшие в перспективе невозможным функционирование социализма. Термидор, о котором так долго и решительно предупреждали оппозиционеры 1920-х гг. свершился. Опасность, впрочем, находилась не там, где ее видели «левые». Контрреволюция развернулась, прежде всего, в неполитических сферах, а потому и осталась незамеченной властью.

А. Чашухин, А. Бушмаков, А. Кимерлинг

Научное издание

1956: НЕЗАМЕЧЕННЫЙ ТЕРМИДОР.

Очерки провинциального быта

*В оформлении обложки использовано фото из фондов ПермГАНИ
(1 стр. обложки)*

Подписано в печать 16.10.2012. Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 15,5.
Тираж 200 экз. Заказ № 578/2012.

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного института искусства и культуры
614000, Пермь, ул. Газеты Звезда, 18, оф. 112.

Отпечатано в типографии «Пресстайм»
Адрес: 614025, г. Пермь, ул. Героев Хасана, 105.

